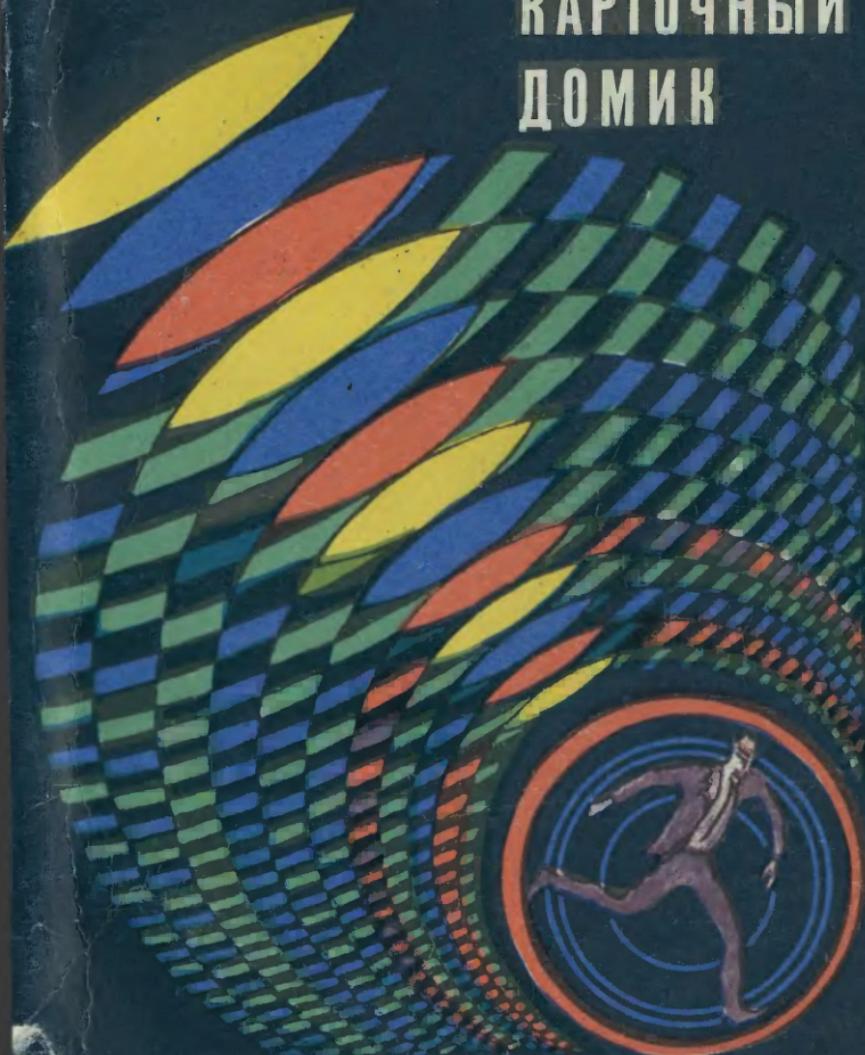
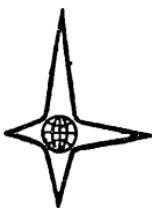

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

**США
ГЛАЗАМИ ФАНТАСТОВ**

**Сборник
научно-
фантастических
рассказов**

Перевод с английского

*Послесловие
В. Дмитревского*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
МОСКВА
1989**

РЕДАКТОР Е. ВАНСЛОВА

И (Амер)
К 27

- Карточный домик (США глазами фантастов).
Сборник научно-фантастических рассказов.
К 27 Пер. с англ. (Зарубежная фантастика). М., «Мир»,
1969. 343 с. 1 р. 05 к. И (Амер)

В сборнике сатирических рассказов «Карточный домик» (США глазами фантастов) рисуется Америка будущего с ее нерешенными проблемами, но в этой гипотетической картине мы узнаем противоречивые стороны сегодняшней американской действительности.

7—3—4
180—69

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

— Опять деньги! — закричала жена. — Ты себя убиваешь, Уилл! Брось ты эту биржу и давай уедем куда-нибудь, где можно жить по-человечески...

Не желая слушать упреки, он хлопнул дверью и, стоя на ковре в коридоре, поморщился от пронзившей его боли: язва напомнила о себе. Дверь лифта мягко открылась, и лифтер с улыбкой сказал:

— Доброе утро, мистер Борн. Сегодня чудесная погода.

— Прекрасно, Сэм... — буркнул с угрюмым видом У. Дж. Борн. — Я только что расчудесно позавтракал.

Сэм, не зная, как отнеслись к его словам, на всякий случай выдавил из себя жалкое подобие улыбки.

— Ну, что сегодня на бирже? — закинул было удочку Сэм, когда кабина лифта остановилась на первом этаже. — Двоюродный брат — он собирается стать пилотом — посоветовал мне отказаться от акций «Лунные развлечения». «Бюллетень» считает, что их выпустят еще больше.

У. Дж. Борн хмыкнул:

— Да я б вам не сказал, даже если бы и знал. Вы ничего не смыслите в биржевых делаах. Ровным счетом ничего, если думаете, что это похоже на игру в кости.

Всю дорогу до офиса в такси он кипел от злости. Сэм, миллионы сэмов не проворачивают «дел» на бирже, но именно они влияют на положение, именно они создали

Великий Бум 1975 года, на волне которого продолжает счастливое плавание «У Дж. Борн Ассошиэйтс». Сколько же времени продлится благополучие? При этой мысли он снова почувствовал резь в желудке.

Он приехал в 9.15. Работа в офисе уже шла полным ходом. Гудящие телеграфные аппараты, мигающие табло и торопящиеся посыльные сообщали самые последние, самые свежие новости с бирж Лондона, Парижа, Вены. Скоро подключится Нью-Йорк, потом Чикаго и Сан-Франциско.

Может быть, это случится сегодня. Может быть, Нью-Йорк сообщит о значительном падении цен на акции «Лунных рудных и сталеплавильных». Может быть, Чикаго, нервничая, откликнется на это резким сокращением сбыта предметов потребления, а «Ута ураниум» в Сан-Франциско из солидарности сделает то же самое. А быть может, тревожная весть о панике на бирже Токио уже несется вместе с восходящим солнцем через всю Азию в Вену, Милан, Париж, Лондон и врывается в Нью-Йорк, как вал, сокрушающий все на своем пути, захлестывая только что открытую биржу.

«Карточный домик, — подумал Борн. — Карточные домики один на другом. Вытяни одну карту, и все они рухнут, превратятся в беспорядочную кучу. Может быть, именно сегодня это и случится».

Мисс Иллиг уже вписала в его настольный календарь с десяток имен его личных клиентов, звонивших по телефону. Он не обратил на них никакого внимания и в ответ на ее приветственную улыбку сказал:

— Соедините меня с мистером Лорингом.

Лоринг долго не подходил к телефону, а у У Дж. Борна все кипело внутри. Лаборатория напоминала хлев, и, когда Лоринг погружался в работу, он был слеп и глух ко всему, что отвлекало его. Но надо было

признать и его достоинства. Он был никчемный, нахальный, его комплекс неполноценности был виден за версту, но он умел работать.

В трубке послышался наглый голос Лоринга:

— Кто это?

— Борн,— буркнул он. — Как дела?

Молчание.

После долгой паузы Лоринг ответил небрежно:

— Я работал всю ночь. Кажется, у меня получилось.

— Что вы имеете в виду?

Очень раздраженный голос:

— Я сказал: кажется, у меня получилось. Я послал часы, кошку и клетку с белыми мышами на два часа. Они благополучно вернулись назад.

— Так вы считаете... — хрипло начал У. Дж. Борн и облизал губы. — На сколько же лет? — спросил он бесподобно.

— Мыши мне не сказали, но я думаю, что они пробыли часа два в 1977 году.

— Я выезжаю немедленно, — рявкнул У. Дж. Борн и повесил трубку. Под удивленные взгляды сотрудников он пронесся через офис и выскочил на улицу.

А если он соврал... Нет, он не мог соврать. В течение шести месяцев, с того самого момента, как он пробился к Борну со своим проектом машины времени, он высасывал деньги, но он ни разу не лгал. С грубой откровенностью он говорил о собственных неудачах и сомнениях в том, что машина когда-либо будет работать. Но теперь, радовался Борн, все обернулось самой великолепной сделкой за всю карьеру. Четверть миллиона долларов за шесть месяцев, но предвидеть состояние биржевых дел на два года вперед стоило по меньшей мере миллиард! Четыре тысячи к одному — радовался он про себя; четыре тысячи к одному! Два часа для того, чтобы узнать,

когда потерпит крах Великий биржевой скачок 1975 года, а затем уже, все зная наперед, — обратно в офис, чтобы скупить акции до самой последней минуты бума, а потом на вершине благополучия выйти из игры — богатым на всю жизнь, на всю жизнь независимым от превратностей судьбы.

Он с трудом поднялся на чердак Лоринга в районе Западных семидесятых улиц.

Лоринг явно переигрывал. Неуклюжий, рыжий, небритый, он ухмыльнулся Борну и сказал:

— Как делишки с будущим соевых акций, У. Дж.? Держать или отказаться?

У. Дж. Борн начал по привычке:

— Даже если бы я знал... да перестаньте валять дурака. Покажите мне эту чертову штуку.

Лоринг показал. Генераторы гудели, как раньше, аккумулятор по-прежнему напоминал чудо-машину из третьесортного фильма ужасов. Вакуумные лампы и сопротивления все еще валялись в невероятном беспорядке. Но со временем его последнего визита ко всему этому прибавилась телефонная будка без телефона. Тонкий медный диск, вделанный в потолок, был соединен с мотором тяжелым кабелем. На полу лежала плита из полированного стекла.

— Вот она, — сказал Лоринг. — Я раздобыл ее на свалке и приладил. Хотите посмотреть опыт с мышами?

— Нет, — ответил Борн. — Я хочу сам попробовать. За что же, вы думаете, я платил? — Он помолчал. — Вы гарантируете безопасность?

— Послушайте, У. Дж., я ничего не гарантирую. Я думаю, что эта будка перенесет вас на два года вперед. Я думаю, что если вы через два часа снова окажетесь в ней, то вернетесь обратно в настоящее. Да, вот что я должен сказать — если попадете в будущее, обязательно

возвращайтесь в будку через два часа. Иначе вас выбросит в наше время отовсюду, где бы вы ни были, будете ли вы гулять по улице или мчаться в автомобиле, и все это кончится большим ядерным взрывом.

Язва У. Дж. Борна опять дала о себе знать. Он произнес с трудом:

— О чём еще мне нужно помнить?

— Пожалуй, ни о чём, — ответил Лоринг после минутного раздумья. Вы просто пассажир, заплативший за свое место.

— Тогда поехали.

У. Дж. Борн проверил, не забыл ли он записную книжку и ручку, и шагнул в будку.

Лоринг закрыл дверь, ухмыльнулся, махнул рукой и исчез, в буквальном смысле слова исчез на глазах у Борна.

Борн с размаху распахнул дверь и закричал:

— Лоринг! Какого черта?.. — И вдруг он увидел, что уже не раннее утро, а перевалило за полдень, что Лоринга на чердаке нет, что генераторы молчат, а трубы темны и холодны; что все покрыто пылью и пахнет плесенью.

Он выскочил из комнаты и сбежал вниз по лестнице. Улица была та же самая в районе Западных семидесятых. «Два часа», — подумал Борн и взглянул на часы: на них было 9.55, но солнце безошибочно показывало, что было далеко за полдень. Что-то произошло. Он едва удержался, чтобы не схватить проходившего старшеклассника и не спросить его, какой сейчас год. Немного дальше на улице был газетный автомат, и Борн устремился к нему быстрее, чем когда-либо за последние годы. Опустив десять центов, он схватил «Пост», на котором стояла дата: «11 сентября 1977 года». Свершилось!

Он судорожно рыскал глазами по скучной финансовой страничке «Поста». Акции «Лунных рудных и стале-

плавильных» в начале дня стояли на 27 пунктах, «Ураловые» на 19, а «Юнайтед компани» на 24! Катастрофическое падение! Это уже крах!

Он снова посмотрел на часы, и его охватила паника: 9.59. Но только что было 9.55. В 11.55 он должен быть в телефонной будке или — его передернуло при одной мысли — все это кончится ядерным взрывом!

А теперь надо точно проследить за процессом крушения.

— Такси! — завопил он, размахивая газетой. Машину притормозила у обочины тротуара. — В публичную библиотеку, — промычал Борн и, откинувшись назад, стал с удовольствием читать «Пост».

Крупный заголовок гласил: «25 ТЫСЯЧ ТРЕБУЮТ УВЕЛИЧЕНИЯ ПОСОБИЯ ПО БЕЗРАБОТИЦЕ». Ну да, естественно! Он открыл рот от изумления, увидев, кто победил на президентских выборах 1976 года. Господи, какие шансы у него будут, если он захочет держать пари с кем-нибудь насчет того, кто станет президентом! «ВОЛНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕТ, — ЗАЯВЛЯЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ». Положение в общем-то не очень изменилось. «БЕЛОКУРАЯ МАНЕКЕНЩИЦА ИЗРУБЛЕНА В ВАННЕ НА КУСКИ. РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЕЕ ТАИНСТВЕННЫЙ ПРИЯТЕЛЬ». Он прочитал эту заметку, заинтересовавшись огромной фотографией блондинки. И вдруг заметил, что такси стоит на месте. Они попали в пробку. Было 10.05.

— Шофер, — сказал он.

Человек испуганно повернулся, стараясь успокоить пассажира: во время депрессии деньги особенно нужны.

— Не беспокойтесь, мистер, через минуту мы отсюда выберемся. Они повернули движение, и поэтому машины задержатся на пару минут, вот и все. Через минуту мы тронемся.

Через минуту они поехали, но двигались всего лишь несколько секунд. Машина ползла черепашьим шагом, и Борн нервно вертел в руках газету. В 10.13 он бросил деньги шоферу и выскочил из такси.

Задыхаясь, он в 10.46 по своим часам добежал до библиотеки. Если в том мире, откуда он прибыл, продолжался день, то здесь, в центре города, заканчивали работу. По пути ему встречались толпы девушек в удивительно коротких юбках и удивительно широких шляпах.

В библиотеке, растерявшись от собственного волнения, он заблудился в необъятных мраморных залах. Когда он нашел газетный зал, часы показывали уже 11.03. Борн бросился к девушке за столиком и тяжело дыша сказал:

— Подшивку «Бюллётеня фондовой биржи» за 1975, 1976 и 1977 годы.

— У нас есть микрофильмы за 1975 и 1976 годы, сэр, и подшивка за этот год.

— Скажите мне, — обратился он к ней, — в каком году был великий крах? Вот о нем мне надо почитать.

— В 1975 году, сэр. Принести вам этот год?

— Подождите, — сказал он. — Вы случайно не помните месяца?

— Мне кажется, март или август, что-то в этом роде.

— Тогда, пожалуйста, дайте мне подшивку за весь год, — попросил он. 1975 год. Год, в котором он живет. Будет ли у него еще месяц до краха? Или неделя? Или...

— Подпишите эту карточку, сэр, — терпеливо произнесла девушка. — Вот там машина для чтения. Вы посидите, а я принесу пленку.

Он нацарапал свое имя и пошел к единственной машине из двенадцати, которая была незанятой. На его часах было 11.05. Ему осталось 50 минут.

Девушка бесцельно перебирала карточки у себя на

столе и болтала с красавчиком-служителем, державшим кипу книг. Пот выступил на лбу Борна. Наконец она исчезла среди стеллажей, стоявших за столом.

Борн томился в ожидании. 11.10... 11.15... 11.20... Все это кончится ядерным взрывом.

Внезапная острая боль в желудке снова пронзила его, когда показалась девушка: аккуратно держа между большим и указательным пальцами катушку 35-миллиметровой пленки, она приветливо улыбалась Борну.

— Вот и мы, — сказала она, вставляя пленку в машину и щелкая выключателем. Машина не работала. — Проклятье! Нет света. Я же говорила электрику!

У Борна чуть не вырвался стон, потом он решил объяснить свое положение, но и то и другое было бы одинаково глупо.

— Вон там свободно, — показала она на одну из машин в ряду. У Борна дрожали колени, когда они шли к ней. Он взглянул на часы — 11.27. Ему осталось 28 минут. На матовом стекле засветился знакомый формат: 1 января 1975 года. — Просто поворачивайте ручку, — объяснила девушка и показала, как это делается. На экране с головокружительной быстротой замелькали тени, и девушка пошла к своему столику.

Борн прокрутил ленту до апреля 1975 года, того месяца, который он покинул 91 минуту назад, до 16 числа, то есть «сегодняшнего дня». На матовом стекле показалась та же самая газета, которую он смотрел утром: «АКЦИИ СИНТЕТИКИ ДОСТИГЛИ МАКСИМАЛЬНОГО УРОВНЯ».

Дрожащей рукой он повернул ручку и оказался в будущем: «Бюллетень фондовой биржи» за 17 апреля 1975 года.

Трехдюймовые буквы кричали: «ПАДЕНИЕ КУРСА ЦЕННЫХ БУМАГ В МИРОВОМ МАСШТАБЕ. БАНКИ

ЗАКРЫВАЮТСЯ. КЛИЕНТЫ ОСАЖДАЮТ МАКЛЕР-СКИЕ КОНТОРЫ».

Внезапно он совершенно успокоился: теперь он знал будущее и был защищен от ударов. Борн поднялся и решительным шагом двинулся через мраморные залы. Теперь все было в порядке. Двадцати шести минут вполне достаточно, чтобы вернуться к будке. На бирже у него было преимущество в несколько часов: его собственные деньги будут в такой же безопасности, как и дома, он сможет уберечь от удара и своих клиентов.

Борн удивительно быстро поймал такси и без всяких препятствий поехал прямо к высокому зданию в районе Западных семидесятых улиц. В 11.50 по своим часам он закрывал дверь телефонной будки в пыльной, пропахшей плесенью лаборатории.

В 11.54 внезапно он заметил резкую перемену в солнечном свете, который пробивался через грязные окна, и спокойно вышел из будки. Снова было 16 апреля 1975 года. Лоринг крепко спал возле горящей газовой конфорки, на которой кипел кофе. У. Дж. Борн выключил газ и тихо спустился вниз по лестнице. Лоринг — никчемный, нахальный, неуравновешенный молодой человек, но его гений дал Борну возможность воспользоваться фортуной в счастливый, самый подходящий момент.

Вернувшись в контору, он вызвал старшего маклера и сказал твердо:

— Кронин, слушайте внимательно, я хочу, чтобы вы немедленно продали на бирже все мои акции и облигации и получили за них заверенные чеки.

Кронин спросил без обиняков:

— Вы что, шеф, с ума сошли?

— И не думал. Не теряйте времени и регулярно до-

кладывайте мне, как дела. Заставьте своих мальчиков шевелиться. Бросьте все остальное.

Борну прислали легкий завтрак. Он отказался разговаривать со всеми, кроме главного маклера. Кронин продолжал докладывать, что распродажа продолжается, что мистер Борн, должно быть, сошел с ума, что неслыханное требование заверять чеки вызывает беспокойство, и, наконец, перед закрытием, что все пожелания мистера Борна выполнены. Борн велел тотчас же доставить чеки к нему.

Они прибыли через час, выписанные на дюжину нью-йоркских банков. Борн вызвал двенадцать курьеров и разделил чеки между ними — каждому по одному банку. Он распорядился, чтобы они получили по чекам наличные деньги, арендовали сейфы необходимых размеров в тех банках, где у него их еще не было, и положили все деньги в банки.

Затем Борн позвонил в банки и лично подтвердил странные распоряжения. Он был «на ты» по крайней мере с одним заместителем каждого банка, и это очень помогало.

У. Дж. Борн откинулся назад, он чувствовал себя счастливым. Пусть теперь гроза разразится. В первый раз за весь день он включил светящееся табло. В Нью-Йорке положение было скверным, в Чикаго — еще хуже. В Сан-Франциско оно стало шатким: Борн видел, как мелькающие цифры на табло индекса цен пошли на убыль. Через пять минут все уже проваливалось в тартарары. Звонок, возвестивший о закрытии биржи, остановил дело на грани катастрофы.

Предупредив по телефону жену, что он не приедет домой, Борн вышел пообедать. Вернувшись в офис, он стал следить за табло в одной из комнат, где ночью принимали данные с биржи Токио. Цифры рассказывали

ему историю паники и крушения, а он мысленно поздравлял себя. Карточный домик разваливался, разваливался, разваливался.

Он отправился ночевать в клуб, проснулся рано, по-завтракал почти в полном одиночестве. Когда он надевал перчатки, чтобы не замерзнуть — апрельский рассвет был прохладным, — телеграфный аппарат в холле пролопотал «Доброе утро». Он задержался, чтобы взглянуть, каково положение дел. Телеграф начал изрыгать историю краха на крупнейших биржах Европы, а мистер Борн отправился к себе в офис. Несмотря на раннее утро, маклеры тянулись сплошным потоком, перешептывались небольшими группами в холле, возле лифтов.

— Что вы скажете по этому поводу, Борн? — спросил один из них.

— Что идет вверх, должно упасть вниз, — ответил он. — Лично я благополучно выбыл из игры.

— Так-так, — сказал человек, кинув на Борна взгляд, который показался ему завистливым.

На табло в комнатах для посетителей Вена, Милан, Париж и Лондон продолжали рассказывать свои печальные истории. Несколько клиентов уже просочилось в контору. Ночные дежурные торопливо принимали по телефону распоряжения к открытию. Все они касались продажи акций на бирже.

Борн ухмыльнулся и позволил себе пошутить с ночным клерком:

— Не хотите ли купить здание для конторы, Уиллард?

Уиллард бросил взгляд на табло и сказал:

— Нет, благодарю вас, мистер Борн. Но спасибо, что вы подумали обо мне.

Большинство сотрудников пришли рано: в воздухе явно пахло кризисом. Борн проинструктировал их, по-

просив сделать все возможное для его личных клиентов, и затаился в своем кабинете.

Звонок об открытии биржи стал сигналом к началу столпотворения. Телеграф не поспевал за вихрем кризиса, безусловно самым большим и самым невероятным в истории финансов. Борн получил некоторое удовольствие от того, что расторопность его мальчиков в какой-то степени уменьшила потери его личных клиентов. Утром ему позвонил очень известный банкир и пригласил Борна принять участие в деле с капиталом, равным миллиарду долларов, которое бы создало видимость стабильности. Борн отказался, зная, что никакая демонстрация уверенности в стабильности не изменит того, что 11 сентября 1977 года акции «Лунных рудных и сталеплавильных» будут стоять на 27. Банкир бросил трубку.

— Вы примете мистера Лоринга? — спросила мисс Иллиг. — Он здесь.

— Пусть войдет.

Лоринг, смертельно бледный, вошел со свернутым бюллетенем в руке.

— Мне нужны деньги, — сказал он.

Борн покачал головой.

— Вы же видите, что происходит. С деньгами туго. Мне было очень приятно сотрудничать с вами, Лоринг, но, по-моему, пора это прекратить. Вы получили чистыми четверть миллиона, я не имел никаких претензий к вашей работе...

— Денег у меня нет, они пропали, — глухо сказал Лоринг. — Я не заплатил ни цента за это проклятое оборудование. Я играл на бирже. Сегодня я потерял сто пятьдесят тысяч на соевых акциях. Мою машину растащут. Мне нужно хоть немного денег.

— Нет, — прорычал У. Дж. Борн. — Вы ничего не получите.

— Они приедут с грузовиком за генераторами. Я их обманул. Мои акции поднимались. А теперь я хочу только одного — продолжать работу. Я непременно должен получить деньги.

— Нет, — сказал Борн. — В конце концов, я тут ни при чем.

Уродливое лицо Лоринга приблизилось к нему.

— Ни при чем? — переспросил он. И расстелил на столе газету.

Борн снова прочитал заголовок в «Бюллетене фондовой биржи» за 17 апреля 1975 года: «ПАДЕНИЕ КУРСА ЦЕННЫХ БУМАГ В МИРОВОМ МАСШТАБЕ. БАНКИ ЗАКРЫВАЮТСЯ. КЛИЕНТЫ ОСАЖДАЮТ МАКЛЕРСКИЕ КОНТОРЫ». Но на этот раз он не торопился и смог прочитать дальше: «С тех пор как незадолго до закрытия на нью-йоркской бирже началось падение курса ценных бумаг, оно распространилось по всему миру и обесценило миллиарды бумажных денег. Катастрофическому потоку требований о продаже акций не видно конца. Старейшие нью-йоркские обозреватели сходятся во мнениях по поводу того, что продажа У. Дж. Борном («У. Дж. Борн Ассошиэйтс») ценных бумаг на бирже Нью-Йорка вчера вечером как бы явилась толчком к концу Великого Бума, который должен остаться теперь лишь воспоминанием».

— Ни при чем? — орал Лоринг. — Ни при чем? — Наконец он дотянулся до тонкой шеи Борна. Глаза у него были безумные.

«Карточный домик», — как в тумане сквозь боль мелькнула мысль. Борн попытался дотянуться до звонка. Мисс Иллиг вошла и завизжала, выскочив из комнаты. Когда она вернулась с двумя рослыми посетителями, было уже поздно.

КУЗДРА И БОКРЫ*

— Полноте! Да это же все равно, что тащить самого себя за волосы! — изумился я, не веря своим ушам. — Абсурд, да и только.

Волишенский ответил снисходительной улыбкой. Он в своем кресле возвышался надо всем, словно его всеобъемлющий разум в своей бесконечной доброте понимал и прощал дурацкие слабости беспомощных карликов, имеющих себя людьми. Физик-теоретик пребывает в бескрайних просторах, где световой год — всего лишь шаг, где зарождаются и гаснут Вселенные, где пространство развертывается вдоль четвертого измерения на поверхность, продолженную из пятого. Смертные с их заботами представляются ему мелкими и ничтожными.

— Относительность, — пояснил он с незаурядным терпением и выдержанкой — что-то уж очень тugo до меня доходило. — Просто относительность. Ведь при малейшем нашем усилии луна заскользит вдоль верхушек деревьев! Для этого достаточно пройтись по аллее.

Я вытарашил глаза, а он продолжал:

* Допустим, кто-то говорит: «Глокая куздра... будланула бокра...» Мы с вами не знаем, что это значит. Но если мы предположим, что это наш родной язык, то нам станет ясно: куздра что-то сделала с бокром. Мы будем знать, кто будланул бокра: куздра. Будем даже знать, какая она, эта куздра: глокая. Будем знать, что куздра способна будлануть бокра. И так далее, и тому подобноe.

Академик-лингвист Л. В. Щерба придумал этот пример для своих учеников и неоднократно приводил его в лекциях для доказательства образной силы грамматики. — *Прим. перев.*

— Если бы вы родились и выросли в движущемся поезде, то вас бы никто не убедил, что пейзажи стоят на месте. Точно так же относительна и наша концепция Вселенной. Сэр Исаак Ньютон пытался с помощью формул создать модель Вселенной, какую бы видел бесконечно удаленный и абсолютно неподвижный наблюдатель. С тех пор, осознав тщетность таких попыток, математики стали принимать в расчет, что суть вещей зависит от того, кто их наблюдает. Математики пытались выразить общеизвестную истину — например, закон тяготения — в виде уравнений, справедливых для любого наблюдателя. Но даже их вождю и величайшему из гениев Эйнштейну не удалось выразить истину в чисто относительных терминах; он вынужден был считать, что произвольная скорость света — константа. Отчего же скорость света должна быть более определенной и постоянной, чем все другие величины во Вселенной?

— Но при чем тут переход в четвертое измерение? — нетерпеливо прервал я.

Он продолжал, как если бы я не произнес ни слова.

— То, что нас сейчас интересует, что ставит в тупик современных математиков, — это вопрос движения, или, точнее, перемещения. Существует ли *абсолютное перемещение*? Возможно ли движение — перемещение — иного типа, кроме перемещения *относительно* чего-то? Всякое известное нам движение есть движение относительно других предметов, будь то прогулка по улице или обращение Земли вокруг Солнца. Перемена *относительного* положения. Но просто перемещение изолированного предмета, одиноко существующего в пространстве, с математической точки зрения немыслимо, ибо пространства в таком смысле не бывает.

— Мне показалось, вы что-то говорили о переходе в иную Вселенную, — перебил я опять.

Что толку перебивать Волишенского? Ход его мыслей нисколько не нарушился.

— Под термином «перемещение» мы подразумеваем переход из одного места в другое. «Мы куда-то отправляемся» — первоначально это значило, что передвигаются наши тела. Но ведь если мы едем в автомобиле, то «отправляемся куда-то», хоть наши тела и неподвижны. Пейзаж вокруг нас меняется; мы попадаем в другое место, а ведь сами мы вовсе не двигались. Или вообразите, что на какое-то время вы уничтожили силу тяжести, и Земля под вами вращается; вы перемещаетесь, оставаясь в неподвижности...

— Это же только теория; с силой тяжести шутки плохи...

— Мы ведь шутим с силой тяжести изо дня в день. Когда вы нажимаете кнопку верхнего этажа в лифте, ваше давление на пол (но не вес) возрастает; *кажущееся* тяготение между вами и полом лифта становится больше, чем прежде... а сила тяжести и есть не что иное, как инерция и ускорение. Но мы говорили о перемещении. Положение любого предмета в рассматриваемой Вселенной следует соотнести с какими-то координатами. Допустим, мы изменили угол наклона или направление координатных осей — вот вы и «отправились куда-то», хотя даже не шевельнулись, да и ничто другое не сдвинулось с места.

Я смотрел на него, сжимая виски ладонями.

— Не могу поклясться, что понял вас, — проговорил я медленно. — Повторяю, это все равно что тащить самого себя за волосы...

Безыскусность сравнения не привела его в ужас. Он ткнул в меня пальцем.

— Вы видели, как пляшет щепка по ряби пруда? То вы думаете, что движется щепка, то думаете, что движется

вода. Между тем и то, и другое неподвижно; движется лишь абстракция, именуемая волной. Вы видели чертежи-иллюзии — например, вот этот набор кубиков? Внушите себе, будто вы смотрите на верхние грани: вам покажется, что кубики внизу, а вы наверху. Но передумайте, вообразите, будто вы стоите внизу и смотрите вверх. Внимание — вы видите нижние грани; вы стоите ниже, чем кубики. Вы «отправились куда-то», но ведь ничто не перемещалось. Изменились лишь координаты.

— Что, по-вашему, скорее сведет меня с ума — если вы *покажете* мне, в чем дело, или если будете продолжать в том же духе, не показывая?

— Постараюсь показать. Бывают, знаете ли, умы определенного склада, неспособные усвоить идею относительности. Математика тут ни при чем; просто уму определенного склада не дано усвоить, что мысль наблюдателя наделяет окружающую среду какими-то свойствами, не имеющими абсолютного значения. Например, когда вы гуляете вечером в саду, луна плывет от верхушки одного дерева к верхушке другого. Может ли ваш мозг все перевернуть: заставить луну стоять неподвижно, а деревья — двигаться? Умеете вы это? Если да, то можете «отправиться куда-то», в другое измерение.

Волишенский встал и подошел к окну. Его кабинет служил подходящей декорацией для стола модернистского спора, как наш: он был расположен в новом ультрасовременном здании на территории университета, полированная мебель сверкала, стены сияли чистотой, книги чинными рядами выстроились за прозрачным стеклом, на письменном столе царил образцовый порядок; кабинет был так же современен и чудесен, как мозг его хозяина.

— Когда вы хотели бы отправиться? — спросил Волишенский.

— Сейчас же!

— В таком случае остается разъяснить вам еще два пункта. Четвертое измерение присутствует здесь ничуть не менее, чем где-нибудь еще. Прямо здесь, вокруг нас с вами, предметы существуют и движутся в четвертом измерении, но мы их не видим и не ощущаем, потому что скованы привычными тремя измерениями. Во-вторых, если вслед за Эйнштейном обозначить четыре координатные оси x , y , z и t , то мы существуем в системе x , y , z и свободно в ней передвигаемся, но не можем двигаться по оси t . Почему? Да потому что t — временное измерение, а это трудное измерение для биологических структур: ведь само их существование зависит от необратимых химических реакций. А вот биохимические реакции могут происходить на любой из этих осей и, частности, на оси t . Поэтому давайте повернем систему координат так, чтобы химическая необратимость перешла с оси t на ось z . Поскольку наше органическое существование (или, по крайней мере, восприятие) возможно лишь в трех измерениях сразу, нашей новой осью времени станет z . Мы перестанем ощущать z и не сможем передвигаться по этой оси. Наша деятельность, наше восприятие пойдут по осям x , y , t . Если верить романистам, для перехода на ось t обязательно нужна какая-то аппаратура, создающая силовое поле. Ничего подобного. Для перехода на ось t нужно сделать то же самое, что вы делаете, когда останавливаете луну и движете деревья... или когда переворачиваете кубики. Все дело в относительности.

Я давно уже не пытался понять или удивиться.

— Покажите! — вот все, что я мог из себя выдавить.

— Успех опыта по замене координаты z координатой t определяется тем, что мне посчастливилось найти благоприятное местоположение. Точно так же, если вы хотите, чтобы луна скакала по верхушкам деревьев, то-

пография местности должна этому благоприятствовать, иначе ничего не выйдет. Стена этого здания и тропинка между двумя шеренгами тополей образуют как бы угол между плоскостями в измерениях z и t . Вам кажется, будто аллейка уходит вниз, не так ли? А теперь идите отсюда к концу аллеи, но воображайте, что поднимаетесь в гору. Вот и все. Представьте, что здание не позади и *вверху*, а позади и *внизу*. Точно так же, гуляя при лунном свете, вы убеждаете себя, будто луна неподвижна и мимо вас проплывают деревья. Можете вы это сделать? Ну, давайте.

Он говорил уверенным тоном, словно заранее знал, что случится. Отчасти из легковерия, отчасти из любопытства я медленно вышел на улицу. Волишенский уселся за стол с карандашом и блокнотом в руках и забыл обо мне прежде, чем я успел повернуться к нему спиной. Я с любопытством оглядел знакомую стену здания и еще более знакомую аллею, обсаженную тополями, ожидая увидеть непривычный пейзаж, неведомую картину другого мира. Но передо мной были все те же старые кирпичи и деревья, знакомые мне издавна; правда, мое воспаленное, изумленное воображение внезапно наделило их необычностью. Они мне давно примелькались, но доводы Волишенского поразили меня настолько, что я уже мнил себя в другой Вселенной. По теории относительности предметы во Вселенной x , y , z должны выглядеть иначе, если обозревать их из Вселенной x , y , t .

Как ни странно, хоть я спускался, мне не составило особого труда вообразить, будто я поднимаюсь в гору. Я внушил себе, что здание находится позади меня в низине, и, действительно, мне казалось — так оно и есть. Я зашагал по обсаженной тополями аллее, знакомой до мельчайших деталей, но через несколько минут до меня дошло, что аллея чересчур длинна. Прямо скажем, гораз-

до длиннее, чем мне помнилось. Когда я заметил, что аллея уходит вдаль, меня пронизало странное ощущение, словно Алису в стране чудес. Тогда я оглянулся назад.

И ахнул, потрясенный. Здание действительно оказалось за мной, в низине. Я смотрел на него с вершины холма, сверху вниз. Едва я оправился от изумления, как допустил, что там внизу действительно стоит здание; но какое? Уж во всяком случае, не новый Мортон-Холл. Длинное трехэтажное кирпичное строение напоминало Мортон-Холл, но не было им. А за строением виднелись деревья и другие дома, но это не был знакомый мне университетский городок.

Я замер, охваченный слепым страхом. Что мне теперь делать? Нахожусь я неизвестно где. Как сюда попал — понятия не имею. Что предпринять? Куда податься? Таким образом я вернусь? Странно, что я не позаботился о возвращении. Я сделал вывод, что нахожусь на оси *t*. Непростительная глупость с моей стороны — не выяснить, как надо возвращаться.

Я быстро зашагал вниз по холму, к зданию. Если я и питал слабые надежды на то, что это Мортон-Холл, то через секунду они развеялись. Здание было совершенно чужое, старинное и старомодное. Я видел его впервые в жизни. И все же оно казалось как нельзя более заурядным и естественным — явно аудиторный корпус университета.

Некоторое время — не могу сказать, час или день — я отчаянно метался от дома к дому, вот-вот решался войти, но в последний миг, полный сомнений, отступал, покрываясь холодным потом. Мне казалось, что прошел год, но, возможно, это были считанные минуты. Потом я заметил людей, большей частью молодых, юношей и девушек. Студенты, разумеется. Очевидно, я попал в университетский городок. Совершенно обычная, нормальная

молодежь. Если я действительно находился в *t*-измерении, то оно бесспорно весьма напоминало *z*-измерение.

В конце концов я решился. Дальше терпеть было невмоготу. Выбрал одиноко идущего, на вид тихого юношу и остановил его.

— Где я?

Он уставился на меня в изумлении. Я ждал ответа, а прохожий все глазел на меня и не проронил ни словечка. Я уж было заподозрил, что он не понимает английской речи.

— Вы говорите по-английски? — безнадежно спросил я.

— Конечно! — пылко ответил он. — Что у вас неладно?

— Где-то что-то неладно! — воскликнул я. — Понятия не имею, где я нахожусь и как сюда попал.

— Синтетическое вино? — спросил он с сочувствием.

— Если бы! Не считайте меня дураком. Послушайте, есть у вас на факультете толковый физик-теоретик? Проводите меня к нему.

— По-моему, вам нужен психолог, — заметил он, вглядываясь в меня. — Или психиатр. Но я учусь на юридическом факультете и ничего в этом не смыслю.

— Помиримся на физике-теоретике, и я буду вам признателен.

Словом, проводили меня к физику. Студент отвел меня в то самое здание, что стояло на месте Мортон-Холла, в кабинет, расположенный точь-в-точь как у Волишенского. Однако кабинет был старый и запыленный; вместо современного стиля здесь царил викторианский. Профессор Вайбенс оказался лысым человечком с проницательным взглядом. Пока я благодариł студента-юриста и готовился к своему повествованию, профессор хранил скучающий вид, словно удивлялся, почему именно ему я

решил поведать свои небылицы. Только я начал, как он слегка выпрямился; чуть погодя насторожился, а уж потом замер в кресле и слушал меня раскрыв глаза. Когда я кончил, он дал короткий комментарий — этот человек явно привык мыслить четко и по существу.

— Очевидно, вы попали в наш мир из другой системы координат. Поскольку мы находимся в z -измерении, вы, должно быть, явились к нам из t -измерения... — Он не обратил внимания на мою попытку возразить. — По-видимому, в теории относительности ваш Волишенский добился большего, чем мы, хотя гипотеза Монптерса почти вплотную приближается к его выводам. Поскольку я не представляю, как вернуть вас назад, вы будете моим гостем. С удовольствием послушаю про ваш мир.

— Вы очень любезны, — сказал я с благодарностью. — Принимаю ваше приглашение. По крайней мере до тех пор, пока я не найду себе места в вашем мире или не вернусь в свой: выбора у меня нет. К счастью, — прибавил я, подумав, — меня там никто не хватится, разве что две-три группы студентов, да и тех утешат неизбежные каникулы, пока мне будут искать замену.

С замиранием сердца (до того не терпелось мне выяснить, в какой мир я попал) вошел я в его дом. Могу сразу заметить, что меня гораздо меньше удивило бы и поразило, окажись там все по-заморски причудливо и вверх ногами. А так, начиная с первого вечера, когда мы с профессором Вайбенсом прошли несколько жилых квартир до его добротного и респектабельного дома, и кончая всеми моими прогулками по городу и вне его за те годы, что я оставался в мире t -измерения, вещи и люди казались мне абсолютно заурядными и привычными. Они были похожи на наши, их дома и предметы обстановки были такими же, как у нас. Трудно вообразить, чтобы чу-

жой мир и народ до того походили на наши, будучи в то же время иными. Прошли месяцы, прежде чем я избавился от иллюзии, будто всего лишь забрел в незнакомый район родного города. Только многочисленные путешествия и экскурсии, да уверенность в том, что в моем мире нет такой обширной страны, где говорили бы по-английски, убедили меня, что я нахожусь в другом мире — скорее всего, в мире *t*-основе.

— Этот джентльмен нашел к нам дорогу из другой Вселенной, — представил меня профессор рослому парню, который подстригал газон.

Профессорского сына звали Джоном! Бывает ли что-нибудь банальнее?

— Завтра мы с вами обойдем город, я вам все покажу, — сердечно сказал Джон, после того как без удивления выслушал историю о моем прибытии.

Рыжая служанка, на обед жареная свинина и кисель из ревеня, после обеда шашки, перед сном горячая ванна, телефонные звонки где-то в глубине дома — стоит ли удивляться, если только много месяцев спустя я поверили, что действительно попал в другую Вселенную?

Мелкие отличия между людьми и мирами еще сильнее подчеркивали сходство. Например, мне казалось, что жители *t*-мира чуть гостеприимнее и «старомоднее», чем мы. Даже если сделать скидку на то, что мой случай — из ряда вон выходящий, все равно в профессорском и других домах меня принимали гораздо радушнее, чем приняли бы у нас; люди, отвлекаясь от повседневных дел, уделяли мне больше времени и внимания, чем при аналогичных обстоятельствах уделили бы в таком же городе США.

Джон нашел время обойти со мной город, показать банки, магазины и учреждения. Он водил маленький приземистый автомобиль на высоких колесах с чихающим

бензиновым мотором. Автомобиль уступал нашим современным машинам, да и лошади на улицах не были редкостью. А ведь Джон преуспевал — заведовал районным отделением страхового агентства. Подумать только! Страхование жизни в эйнштейновом *t*-измерении.

— Вы слишком молоды для такой ответственной должности, — заметил я.

— Рано начал, — ответил Джон. — Папаша разочарован, что я не стал терять время на колледж. Позор семьи, вот я кто такой.

Что собственно сказать о городе? Такой же, как сотни американских городов. Но только не совсем такой. Отличные трамваи, но окрашенные в зеленый цвет; их как будто привезли из Ошкоша или Талсы.

Магазины тысячи мелочей с золотыми буквами на вывесках, аптеки с безалкогольными напитками, сумасшедшая свалка на бирже, крикливая вывеска зазывала-дентиста, залитые огнями двери кинотеатров — тут было все. Косметические салоны творили чудеса с головами женщин, выставляя наши, насколько я мог судить, в самом невыгодном свете; правда, в то время у меня не было более важного занятия, чем размышлять о женских головках. Мальчишки-газетчики выкрикивали: «Покупайте «Ивнинг Стар» и «Морнинг Гейл»!»; непривычные буквы сообщали о законодательных актах, убийствах и разводах, и все это я читал без запинки, как дома в своей «Трибюн». Года два назад, когда я приехал в Квебек, меня порядком раздражали странности и несуразности; здесь же, в *t*-измерении, я их почти не замечал.

Первые три-четыре недели я был почти целиком поглощен новизной ощущений: прогулки, осмотры достопримечательностей, знакомства с людьми, посещения концертов, театров и универсальных магазинов. Радужные профессора Вайбенса было настолько искренним, что я

пользовался его гостеприимством без угрызений совести; правда, я все уверял профессора, что отблагодарю его, как только устроюсь в этом мире. Через несколько дней я окончательно убедился, что пути назад нет. Придется жить здесь, по крайней мере до тех пор, пока я не научусь странствовать в разных измерениях не хуже Волишенского. В конце концов профессор Вайбенс выхлопотал мне должность в университете.

Вскоре после того, как я стал преподавать экспериментальную физику и начал входить в рабочую колею, мне бросилось в глаза странное волнение среди жителей города. Вообще-то я книжный червь, людей воспринимаю умозрительно, как сторонний наблюдатель, вместо того чтобы участвовать в их затеях. Поэтому сперва я лишь в подсознании отметил: люди собираются группами, волнуются, жестикулируют, глаза у всех блестят, необычайно возраст тираж экстренных выпусков газет, атмосфера накалена до крайности. Все это меня не очень заинтересовало, даже несмотря на то, что я лишь недавно вернулся, проделав триста миль по железной дороге и проведя целую неделю в другом городе; я порядком-таки освоился в этом мире и, когда мне понадобилось изучить лабораторную методику другого университета, поехал без сопровождающих. Лабораторные проблемы до того поглотили меня, что лишь краем глаза я уловил всеобщую сумятицу и взволнованность и только впоследствии вспомнил о них. Но однажды вечером меня вдруг осенило: похоже, в стране какие-то непорядки.

В тот вечер я сидел в гостиной у Вайбенсов, вся семья была в сборе. Джон включил радио. Я не слишком внимательно вслушивался: у меня своих забот хватало. $F = \frac{gm_1m_2}{r^2}$ мне знакомо. Здесь это означает то же самое, что и в нашем мире, и точно так же действует уни-

версально. Но кто сформулировал этот закон? В нашем мире — Ньютон. Завтра, во время лекции, фамилия понадобится. Павье, вот кто. Ну и путаница же с фамилиями. Только я порадовался, что физические законы здесь выражаются в той же форме и даже теми же буквами (иначе я бы хлебнул горя — такая была бы неразбериха), как вдруг ни с того, ни с сего радио зычно взревело: «Куздра будланула бокров!»

Джон вскочил с места.

— Вот именно, черт возьми! — прогремел он, стукнув кулаком по столу.

Отец с матерью уничтожили его презрительным взглядом, и Джон бочком выскользнул из комнаты. Я обалдело таращил глаза. Так продолжалось, пока профессор не выключил радио и, извинившись за себя и жену, тоже покинул гостиную. Тут уж я насторожился.

Я схватился за кипу газет, так как не читал их уже несколько дней. На первых полосах красовались размашистые заголовки:

КУЗДРА БУДЛАНУЛА БОКРОВ

На мгновение я замер, пытаясь восстановить в памяти, где я слышал эти слова. Они мне что-то напоминали. Ага, есть! В тот же день в университетском городке, под моим окном, разгорелись страсти. Я-то был занят — репетировал опыт, который собирался поставить на другой день при студентах, — поэтому с отсутствующим видомглянул в окно. Группа молодых людей, шедших с занятий, остановилась как раз под моим окном.

— Послушайте, куздра будланула бокров! — сказал какой-то красивый юноша. Его лицо было бледным и напряженным.

Другой юноша издевательски хмыкнул.

— Да ну, рассказывай своей бабушке! Не будь дураком...

Он так и не договорил. Первый юноша ударил его кулаком по лицу. На землю посыпались учебники. Миг — и эти двое сцепились, повалили друг друга наземь, в воздухе замелькали кулаки, оба расквасили друг другу в кровь физиономии. Прочие окружили их и сперва как будто наслаждались зрелищем, но внезапно вспомнили, что в университетском городке такое безобразие недопустимо, и, несмотря на бурный протест, розняли противников. Человек двадцать с трудом оттащили их друг от друга.

Первый юноша все пытался высвободиться; его бледное лицо было забрызгано кровью, он тяжело дышал.

— Оскорбляют! — крикнул он, в очередной раз рванувшись из рук. Но его держали крепко. Он с презрением огляделся по сторонам. — Всей компании не мешало бы научиться отстаивать свою честь. Куздра будланула бокров!

Об этом поразительном случае мне и напомнили заголовки. Я вернулся к газетам.

«Лозунг Увлек Всю Страну, — возвещали подзаголовки. — Мощное Проявление Национального Духа! Энтузиазм Разгорается Как Лесной Пожар!»

«Новый патриотический лозунг быстро завоевывает признание, — говорилось в передовой статье. — Он охватил страну почти мгновенно, а это доказывает, что он, по-видимому, удовлетворил насущную и давно назревшую потребность людских сердец. Впервые этот лозунг провозгласил в своей речи в Уокингдоне выдающийся государственный деятель современности сенатор Хэрроб. Благородная возвышенность чувств, изумительная эмоциональность этой грандиозной мысли войдут в историю. Великая концепция делает честь великому человеку и

достойна служить путеводной звездой великому народу...»

Вот, в сущности, и все, что мне удалось выяснить из газет. Я заснул по-прежнему озадаченный. Озадаченный потому, что (теперь я это понимаю, а тогда не понимал) я был дока по части аналитических методов физики и, мягко выражаясь, не очень разбирался в поведении и эмоциях людских масс.

Утром, едва я пробудился, бессмысленное словосочетание пришло мне на ум. Я решил ухватить за пуговицу первого же попавшегося члена семьи Вайбенсов и потребовать от него разъяснений. Первым мне попался Джон.

— Джон, что такое куздра?

Джон просиял от удовольствия. Он выпятил грудь колесом, и удовольствие на его лице сменилось гордостью. Сверкнув глазами, он крепко, с энтузиазмом пожал мне руку; так апостолы веры жмут руку неофиту, радостно приветствуя его в своих рядах.

— Куздра! — воскликнул он.— Да здравствует куздрал!

— Но я не понимаю — какая-то куздра...

— Не какая-то куздра! *Ta самая* куздра. Куздра — это... будлатель бокров, понятно? Она их будланула, понятно?

— Да-да. Но что такое «будлануть»? Как берутся за это дело?

— Нет-нет! Будлануть может только куздра. Куздра будланула бокров. Понятно?

— Ага, понятно! — вскричал я. Право же, я всегда гордился быстрой своей реакции.— А что такое бокры? Да то самое, что будланула куздра. Очень даже просто!

— Молодчина! — в приливе энтузиазма Джон хлопнул меня по спине.— Я считаю, это просто чудо, что вы нас

так хорошо понимаете, хотя пробыли здесь совсем недолго. Вы настоящий патриот.

Я скрипнул зубами, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего.

— Профессор Вайбенс, что такое куздра? — спросил я часом позже в уединении профессорского кабинета.

На лице профессора отразилось страдание.

Он откинулся на спинку кресла, подчеркнуто оглядел меня с головы до ног и не сразу ответил.

— Тсс! — прошептал он наконец. — Ученый может думать что угодно, но если он слишком много говорит, люди, как правило, выносят о нем неверное суждение. Прямо скажем, большинство ученых принимают этот так называемый патриотизм всерьез. Но математик не имеет права вольно обращаться со словами; в нем глубоко укоренилась привычка тщательно продумывать все употребляемые им термины.

— Разве эта белиберда ровным счетом ничего не означает?

Я был озадачен не на шутку.

— Для меня — ровным счетом ничего. Но, по-видимому, она очень много значит для общества в целом. Она заставляет людей горы сдвигать, разве не так?

Я постоял в тупом молчании. Чтобы целый народ, да притом великий, помешался на бессмысленном вздоре! Поразительнее всего, что, я не мог не признать, немало таких прецедентов было и в истории моего з-осного мира. Нация истребляла сама себя в гражданской войне, решая, которая из распутных королевских династий должна проматывать на троне народное достояние; десятки тысяч крестоносцев шли на смерть за идею, ничего для меня не значащую; бессмысленная, лживая реклама всучивала народу, в ущерб его здоровью, сигареты на миллионы долларов — разве не видим мы этого снова и снова?

— Сегодня вечером в Первом Храме Спасителя будет лекция на эту тему,— сказал профессор Вайбенс.

— Приду,— ответил я.— Мне хочется уяснить для себя этот вопрос.

Днем улица опять была засыпана экстренными выпусками газет; люди собирались кучками, развертывали газеты и жестикулировали.

— Война! Мы им покажем! — доносились до меня возгласы.

«Неужто мы позволим втаптывать в грязь нашу национальную честь?» — спрашивали передовицы.

Насколько я понял из газет, за океаном есть такие государства, где куздру не принимают всерьез. Какой-то корабль с антикуздринским лозунгом на флаге отказался впустить в ангтальянский порт, оттого что на корабле не было национального флага. Глава исполнительной власти направил дипломатическую ноту. В Иттании какой-то евангелист попытался проповедовать евангелие от будланутых бокров, за что был вывалаен в перьях и вообще подвергнут всяческим поношениям. Глава исполнительной власти продолжал направлять ответную дипломатическую ноту.

Нарастало общественное негодование. Щедро сыпались уничижительные реплики в адрес инакомыслящих. Слышались призывы к «священной войне». В тот вечер, едва войдя в битком набитую церковь, я ощутил, как накалена атмосфера. Меня уверяли, будто изречение о куздре и бокрах будет подробно разъяснено — даже самые бесхитростные и необразованные поймут, что к чему. У меня было полным-полно дел в университете, но события принимали такой удивительный и загадочный оборот, что я решил пожертвовать вечером, лишь бы проникнуть в суть лозунга.

Перед началом лекции долго пели. Всем раздали от-

печатанные на мимеографе листочки со словами, но я не позабылся сохранить их и теперь уже забыл тексты. Помню, что был там торжественный гимн, гулко звучавший под сводами церкви; в припеве повторялось «Куздра будланула бокров». Еще был военный марш — он начинался: «Ах, Куздра! Ах, Куздра!» и кончался бравурной каденцией: «Куздра Будланула Бокров!» У лектора был бархатный выразительный голос и импозантный вид. Он вышел на кафедру и торжественно поклонился.

— Куздра будланула бокров,— отчеканил он внушительно.— Разве не отрадно знать, что существует куздра; разве не испытываем мы прилива гордости от того, что бокров будланули? Во всей Вселенной нет более значительного, более впечатляющего факта: куздра будланула бокров. Мыслимо ли что-нибудь более исчерпывающее и в то же время напряженно-выразительное? Куздра будланула бокров! (Аплодисменты.) Эта волнующая истина пронзает нас до глубины души! Что бы мы делали, не будь куздра бокров? Что бы мы делали без кузды, без бокров? Что бы мы думали? Как бы мы жили? (Бурные аплодисменты.)

Поначалу я думал, что это вступление. Слишком мал был мой опыт прослушивания общедоступных речей, лекций и проповедей. Почти всю свою жизнь я посвятил изучению физики и связанных с нею наук. Я не мог не сделать попытки вникнуть в смысл того, что слышу. Не найдя никакого смысла, я стал терять терпение. Выждал еще немного, полагая, что скоро лектор приступит к настоящему разъяснению. После тридцатиминутного переливания из пустого в порожнее я и слушать-то перестал. Просто сидел и надеялся, что лектор вот-вот закруглится. Публика аплодировала и все больше распалялась. Через час я стал беспокойно ерзать; то свертывался клубком на сиденье, то выпрямлялся. Два часа спустя я отчаялся;

встал и вышел из церкви. Большинство присутствующих было слишком возбуждено, чтобы это заметить. Лишь немногие косо посмотрели на мой уход.

На другой день начался какой-то кошмар. Сперва город захлестнула волна экстренных выпусков с известием о том, что ангтальянский крейсер потопил какое-то торговое судно. Конфликт начал капитан судна с первым помощником, которые рассорились с администрацией порта, ибо последняя дерзко глумилась над куздрой. Торговое судно снялось с якоря и вышло в море, не покончив со всеми таможенными формальностями. Крейсер настиг торговое судно и приказал ему вернуться. В ответ капитан заявил, что куздра будланула бокров, после чего крейсер дал два залпа и потопил торговое судно. Днем появились экстренные выпуски с сообщением, что глава исполнительной власти объявил войну.

Открылись вербовочные пункты; из университета исчезли молодые люди; по городу маршировали войска, набитые солдатами составы членками сновали туда-сюда. Кампании военных займов, гражданские патрули, женские вспомогательные части, дамские общества милосердия, девушки за рулем санитарных машин — война по всей форме; и все это под беспрестанно повторяемый лозунг: «Куздра будланула бокров!»

Мне с трудом верилось, что это не сон. Повод казался несерьезным для войны. Огромный, могучий народ взял с потолка дурацкий лозунг и швырнул его в лицо всему миру. За океаном группа стран объединилась в союз, утверждая, что они вынуждены защищаться от навязываемого им принципа, который для них нежелателен. Вся эта история яйца выеденного не стоила. Казалось, до военных действий не дойдет; скорее было похоже, будто разыгрывается долгий и сложный спектакль.

Лишь после того как опубликовали сообщение о круп-

ной морской битве с сомнительным исходом, о потопленных кораблях и тысячах человеческих жертв, я понял, что здесь не шутят. На рукавах и в окнах появился траурный креп. Произошло вторжение в одну из союзных стран, и определилась линия фронта. Сообщали о дивизии, уничтоженной воздушным налетом; о сорока тысячах человек, павших в пятидневном сражении; о том, что нужны новые солдаты и новые деньги — в свете этих сообщений вскрылась истинная сущность событий. На улицах появились изможденные люди с забинтованными головами, с руками в гипсе; какую-то церковь и какую-то аудиторию университета переоборудовали под госпитали; эшелоны с ранеными прибывали один за другим. Чтобы удостовериться в реальности войны, я посетил госпитальные палаты и воочию увидел длинные ряды коек; хирургов, обрабатывающих страшные раны; людей с оторванными ногами или с чудовищно изуродованными лицами.

Еду стали ограничивать; не было белого хлеба, сахар выдавали по карточкам. Ухудшилось качество одежды, уголь и нефть продавали только по разрешению правительства. Многие предприятия закрылись. Джон ушел на фронт; родители получили извещение, что он числится пропавшим без вести.

Все это было явью; больше не приходилось сомневаться. Ярче всего убеждал в этом безнадежный калека, человеческий обрубок, вернувшийся с передовой, — воплощение протesta против ужасов войны. Но вот кто-нибудь говорил: «Куздра будланула бокров!» — и увечный бедняга расправлял плечи, гордо выпячивал грудь, и в глазах его загорался неугасимый огонь. Он не жалел, что пожертвовал собой во имя лозунга. Мне не дано было этого понять.

Явью была и мобилизация. Требовалось больше пушечного мяса; добровольцев было недостаточно. Вместе

со всеми я, согласно приказу, зарегистрировался, но про-
делал это механически, не раздумывая. И вдруг ко мне
пришла неумолимая уверенность в реальности событий:
я получил извещение, что на меня пал жребий и я дол-
жен идти воевать!

До сих пор я смотрел на всю эту заваруху как бы со
стороны, как на нечто, касающееся иного мира, к кото-
рому я не принадлежу. Но вот повестка призвала меня в
учебный лагерь. Этот мир с его множеством смертей и
увечий где-то за кадром меня попросту не интересовал.
Я был нездешний. Испытывать на себе тяготы солдат-
ской жизни, подвергаться риску ужасной смерти, и все
это ни за что ни про что! Из-за дурацкого нагроможде-
ния бессмысленных слов.

Доведенный до белого каления, я провел бессонную
ночь. Утром из зеркала на меня глянула иступленная,
осунувшаяся физиономия — эдакая карикатура. Но в
душе я восстал. Не собирался нести воинскую повинность.
Если слова «принционально уклоняющийся» * хоть что-то
да значат, то они сказаны про меня. Даже если меня
расстреляют на месте за государственную измену, это все
же лучше, чем выйти на поле боя и отдать все силы и
саму жизнь за... да ни за что!

Мои опасения подтвердились полностью. Несмотря на
то что в душе у меня все клокотало, я с присущим мне
самообладанием явился на мобилизационный пункт и
уведомил присутствующих, что не верю в правоту их де-
ла и не считаю нужным за него сражаться. Очевидно, там
уже подозревали нечто подобное, так как наручники на
меня защелкнулись прежде, чем я закончил речь.

* «Принционально уклоняющийся» — так в Англии и в США называют человека, отказывающегося от военной службы по политическим или религиозно-этическим мотивам. — Прим. перев.

— Чрезвычайное положение,— сказал какой-то мускулистый тиран из-за письменного стола.— Не время разводить антимонии в суде. Вас ждет военный трибунал!

Он проговорил это мстительным тоном, и охранники грубо поволокли меня по коридору; даже их возмутила моя позиция. Военный трибунал уже собрался. С тех пор как я ушел с лекции в церкви, меня держали под тайным надзором и потому отлично знали о моих настроениях. Это было первое, что сообщил мне председатель трибунала.

Суд вершился недолго. Мне сказали, что у меня нет веских причин уклоняться от военной службы. Уклонение по религиозным, национальным и тому подобным мотивам все бы поняли; за него обычно сажают в тюрьму вплоть до окончания войны. Но я признал, что ничего не имею против войн как таковых; значит, я просто издаваюсь над священным и правым делом. Это тягчайшее государственное преступление.

— Расстрелять на заре! — объявил председатель трибунала.

Все окружающее поплыло у меня перед глазами, но только на секунду. Выручило самообладание. С удивительной самоотрешенностью, которая приходит к нам в чрезвычайных обстоятельствах, я заметил, что трибунал заседает в кабинете профессора Вайбенса — закопченной комнате викторианской эпохи, там, где я впервые рассказывал повесть о своем путешествии и впервые понял, что попал в *t*-осный мир. По всей видимости, она же была и последней комнатой, которую мне предстояло увидеть в этом мире. Я не питал ложных надежд на то, что казнь вернет меня в родной мир, как это случается иногда в художественной литературе. Уж если отняли жизнь, то ее отняли, на какой бы оси это ни произошло. В *z*-измерении я буду мертв точно так же, как и в *t*-измерении.

«Ну, Эйнштейн, теперь или никогда! — подумал я.— Придите ко мне на помощь, о Риман, о Лобачевский! Если что-нибудь меня и спасет, то либо тензор, либо геодезическая».

Думал я об этом с иронией. Меня завела сюда относительность. Может ли она вывести меня отсюда?

А что ж! Почему бы и нет?

Если характер законов природы, если физическое тело изменяется вместе с описывающим его наблюдателем, то, может быть, истинность и смысл лозунга о куздре тоже проверяется теорией относительности? Это все равно что еще раз заставить луну скользить вдоль верхушек деревьев. Будь я более способным сторонником этой теории и поставь себя на место этих людей,— возможно, я бы и осмыслил куздру. Возможно, даже охотно сражался бы за нее.

Тут меня осенило. Наверное, я даже поднял голову и лицо у меня прояснилось; во всяком случае, мои конвоиры посмотрели на меня как-то странно, и хватка их стала еще цепче. Мы как раз спустились по парадным ступеням и зашагали по аллее.

Заставить луну плыть между верхушками деревьев! Вот что я должен сделать. Но это звучало так же глупо, как и куздра. А куздра казалась теперь не такой уж глупостью. Я вздохнул поглубже, и это меня приободрило. Мне удалось снова встать на точку зрения относительности. Нужда многому научит. Я понял, как люди могут сражаться за куздру, будланувшую бокра. Мне даже захотелось излить душу этим людям. Удивительная штука — относительность. Меня вели вверх по склону холма, между двумя шеренгами тополей.

Вдруг у меня в голове все прояснилось: ведь я попал сюда оттого, что изменил систему координат, внушил себе, будто иду *вверх*. Точто так же мы останавливаем

луну или, когда ночью едем в машине, заставляем убегать назад деревья. Теперь я шел вверх. В моем мире, в *t*-измерении, та же аллея идет *вниз* по склону.

«Она *внизу!*» — убеждал я себя. С закрытыми глазами я внушал себе, что здание позади меня и вверху. С закрытыми глазами мне казалось, будто так оно и есть. Я долго шел вслепую. Потом открыл глаза и стал озираться.

Я стоял в конце тополевой аллеи. Меня это удивило. Аллея казалась короткой. Во всяком случае, она как-то укоротилась; я не ожидал, что так быстро дойду до конца. А где же конвоиры в оливковой форме? Возле меня никого не осталось.

Я обернулся назад. За моей спиной вздымался склон холма. Я и вправду шел вниз. Охранников в поле зрения не было, а на вершине холма виднелось светлое новое здание.

На ступеньках его стоял Волишенский.

— А теперь что вы думаете о *t*-измерении? — обратился он ко мне.

Волишенский!

И новое, современное здание! Кабинет Вайбенса находился в старом здании викторианской постройки. Что общего между Вайбенсом и Волишенским? Я набрал побольше воздуху в легкие. На меня нахлынуло блаженное чувство — я вернулся в родной мир. Куздра и война остались где-то там. А тут — мир и Волишенский.

Захлебываясь, я стал излагать свои впечатления.

— Что все это значит? — спросил я, когда выговорился до конца. — У меня смутное подозрение, что тут, должно быть, кроется какой-то смысл.

— Быть может, на самом деле мы живем в четырех измерениях, — ответил он, как всегда, рассудительно и ласково. — Частица нас и нашего мира — частица, кото-

ную нельзя ни увидеть, ни ощутить,— проецируется в другое измерение, как в книжном шкафу — обрезы книг, скрытые от нашего взора. Вам известно, что сечение конуса плоскостью y непохоже на сечение того же конуса плоскостью z ? Возможно, вы видели наш собственный мир и нас самих в сечении другой системы координат. Относительность, как я и утверждал с самого начала.

ПО ИНСТАНЦИЯМ

— Джордж! — сказала Клара, с трудом сдерживая гнев. — Во всяком случае, ты можешь попросить его. В конце концов, ты мышь или слизняк?

— Но ведь я каждую ночь ее отодвигаю, — возразил Джордж, тщетно пытаясь урезонить жену.

— Да, конечно! А он каждое утро придвигает ее обратно. Джордж, если у нашего парадного и дальше будет стоять эта ловушка, я с ума сойду — а вдруг что-нибудь случится с детьми! Я больше не намерена терпеть! Иди сейчас же и втолкуй ему, что он должен немедленно ее убрать.

— Стоит ли? — расстроенно спросил Джордж. — Вдруг им будет неприятно узнать про нас?

— Ну, они сами виноваты, что мы тут, — сердито сказала Клара. — Ведь они совершенно сознательно подвергли твоего пра-пра-прадеда Майкла воздействию жесткого облучения. Джордж! — в ее голосе была лихорадочная настойчивость. — Ведь тебе надо просто пойти и попросить его. Он, наверное, сразу все сделает, и мы сможем жить спокойно. У меня больше нет сил!

Джордж знал, что Клара несколько отклонилась от истины, но у нее вполне хватит сил пилить его еще несколько часов. Он поглядел на нее с тоской.

— Хорошо, деточка, — пробормотал он. — Завтра я с ним поговорю.

— Нет, Джордж, ты поговоришь с ним сегодня! Как только он придет.

Джордж только грустно посмотрел на нее, не зная, что делать.

Они прожили здесь так долго, что успели перенять человеческие обычаи и язык — они даже взяли себе человеческие имена.

— Джордж! — умоляюще сказала Клара.— Ты только попроси его. Уговори. Растолкуй ему, что он напрасно тратит время...— Помолчав, она добавила: — Ты же такой умный! Ты сумеешь найти нужные доводы.

— Хорошо, я попробую,— уныло согласился он; тем не менее на душе у него стало легче — так или иначе с этим будет покончено.

Едва Джордж услышал шорох швабры за стеной, он встал и вышел через парадный вход. Ловушка еще стояла в стороне — там, куда он ее отодвинул ночью.

— Здравствуйте! — крикнул он.

— Ш-ш-ш! — шуршала швабра, продолжая деловито перемешивать пыль из одного угла комнаты в другой. На таком близком расстоянии человек казался колоссом, хотя Джордж знал, что на самом деле это сухонький сгорбленный старичок, весьма малорослый экземпляр своего вида. Джордж набрал в легкие побольше воздуха и рявкнул что было мочи:

— Здравствуйте!

Сторож перестал мести и с недоумением посмотрел по сторонам.

— Здравствуйте! — взвизгнул Джордж, чувствуя, что сорвал голос.

Сторож посмотрел вниз и увидел мышь.

— Здравствуй!, — сказал он.

Сторож был человек необразованный и, увидев мышь, которая кричала: «Здравствуйте!», так и подумал, что перед ним — мышь, которая кричит: «Здравствуйте!»

— Ловушка! — надрывалась мышь.

— Да не ори ты! — рассердился сторож. За работой он любил размышлять и терпеть не мог шума. — Ну, ловушка, и что?

— Моя жена не хочет, чтобы вы ставили ее у нашего парадного, — объяснил Джордж, говоря громко, но уже не срывая голоса. — Она боится, что дети могут попасть в нее.

— А дети могут в нее попасть? — спросил сторож.

— Нет, — ответил Джордж. — Они знают, что такое ловушка. Но жена все равно хочет, чтобы вы ее убрали.

— Извиняюсь, — ответил сторож. — Но мне приказано ставить мышеловки у всех нор. Тут атомный центр, и мыши тут не требуются.

— Нет, требуются! — заспорил Джордж. — Они сами привезли сюда моего прапра-прадедушку Майкла и подвергли его воздействию жесткого облучения. А то откуда бы я тут взялся?

— Мое дело маленькое, — огрызнулся сторож. — Сказано ставить, я и ставлю.

— Ну, а что я скажу жене? — закричал Джордж.

Это подействовало на сторожа. Он тоже был женат.

— Ладно, поговорю с комендантом, — сказал он.

— Вот и хорошо! — крикнул Джордж. — Спасибо!

Сторож поднял мышеловку, поставил ее перед парадным входом, с любопытством посмотрел, как Джордж тут же оттолкнул ее на несколько дюймов в сторону, а потом взял швабру и снова принялся гонять пыль взад-вперед по комнате.

— Ну? Что он сказал? — спросила Клара, едва Джордж вернулся домой.

— Сказал, что поговорит с комендантом, — ответил Джордж, с облегчением усаживаясь в кресло.

— Джордж! — приказала Клара. — Отправляйся к коменданту и проверь, поговорит он с ним или нет.

— Послушай! — взмолился Джордж.— Он же обещал!

— Он мог и сорвать. Иди сейчас же к коменданту и проверь!

Джордж покорно встал с кресла и неохотно побрел по мышиным переходам в стенках к дырочке, выводившей в комнату коменданта.

В эту минуту туда как раз вошел сторож, и комендант поглядел на него с досадой. Это был грузный небритый человек, и ходил он вперевалку.

— В комнате сто двенадцать мышь не хочет, чтобы у ихнего парадного хода стояла мышеловка,— без предисловий сообщил сторож.

— Ты свихнулся или что? — спросил комендант.

Сторож пожал плечами.

— Так что мне ему сказать?

— Скажи, чтобы он пришел ко мне,— ответил комендант, восхищаясь собственной находчивостью.

— Я тут! — крикнул Джордж и вылез из норы, уверенно обогнув стоявшую перед ней мышеловку.

— Эвон он,— сказал сторож, ткнув пальцем.

— Господи! — прошептал комендант, получивший кое-какое образование.— Галлюцинация!

— Да нет, это мышь,— поправил его старик сторож.

— Моя жена хочет, чтобы ловушку убрали,— терпеливо объяснил Джордж.— Она боится, что дети могут ненароком попасть в нее.

— Ты его тоже видишь? — растерянно спросил комендант у сторожа все еще шепотом.

— А как же,— ответил сторож.— Тот самый, про которого я вам говорил, из сто двенадцатой комнаты.

Комендант встал на ноги и пошатнулся.

— Я что-то плохо себя чувствую,— сказал он слабым голосом.— А об этом я поговорю с управляющим. Это ведь вопрос правил внутреннего распорядка.

— Ты пойдешь со мной,— добавил он поспешно, когда сторож повернулся к двери.— Лишний свидетель не помешает.

Комендант в сопровождении сторожа покачиваясь вышел из комнаты.

— А что мне сказать жене? — завопил Джордж, но они ничего не ответили, а потому он вернулся домой и объяснил Кларе, что они отправились обсудить вопрос с управляющим.

Нетрудно догадаться, что через несколько минут Джордж уже высунул мордочку из дырки в углу кабинета управляющего.

Однако он опоздал и увидел только, как за комендантом и сторожем закрылась дверь.

Поэтому он во всю мочь закричал:

— Здравствуйте!

Управляющий посмотрел вниз и сразу же его увидел. Это был худой бледный человек с усталыми глазами.

— Уходи! — сказал он уныло.— Я только что объяснил двум людям, что ты не существуешь.

— Но моя жена хочет, чтобы ловушку убрали — это же опасно для детей! — пожаловался Джордж.

Управляющий чуть было не послал детей Джорджа ко всем чертям, но он в сущности был неплохой человек, хотя и замученный работой, а потому вовремя спохватился.

— Мне очень жаль,— вполне искренне сказал он, беря пачку писем, которые один раз уже прочел.— Но мышеловки мы убрать не можем.

— А что же мне сказать жене? — сердито спросил Джордж.

Упоминание о жене подействовало и на управляющего. Он закрыл лицо ладонями и задумался.

— А ты уверен, что ты действительно существуешь? — спросил он наконец, отняв ладони от лица.

— Конечно,— сказал Джордж.— Укусить вас, чтоб вы поверили?

— Нет, зачем же затрудняться,— ответил управляющий и снова уткнул лицо в ладони.

— Формально говоря,— сказал он сквозь пальцы,— это вопрос безопасности.

Со вздохом облегчения управляющий взял телефонную трубку и позвонил офицеру службы безопасности. После нескольких минут оживленного препирательства он повесил трубку и сказал Джорджу:

— Он сейчас придет.

Вскоре дверь стремительно распахнулась, и в кабинет вошел высокий человек с глазами, которые все видели насквозь.

— Привет, Билл,— сказал он быстро.— Как ты себя чувствуешь?

— Привет, Майк,— ответил управляющий.— Отвратительно. А вот это Джордж. Я тебе о нем звонил.

— Здравствуйте! — крикнул Джордж.

— Здравствуйте! — крикнул в ответ офицер службы безопасности.— Вас в моих списках нет. Вы засекречены? — требовательно добавил он.— Отпечатки пальцев, Комиссия по атомной энергии, Центральный уголовный суд, ФБР?

— Нет! — крикнул в ответ Джордж.— Моя жена хочет, чтобы от нашего пародного убрали ловушку. Она боится за детей.

— А она засекречена? — громовым голосом отпарировал офицер службы безопасности.

— Ну почему вы все кричите? — раздраженно спросил управляющий.— У меня дико болит голова.

— Нет,— ответил Джордж.

Губы офицера службы безопасности сжались в узкую суровую линию.

— Вопиющее нарушение инструкций! — рявкнул он. — Я немедленно этим займусь.

— А ловушку вы уберете? — спросил Джордж.

— Не имею права, пока вы не будете засекречены, — ответил офицер службы безопасности, покачивая головой. — Я не намерен санкционировать действия, которые в дальнейшем можно будет истолковать как пособничество проникновению в центр шпионов и диверсантов.

— Сколько тебе лет? — спросил управляющий у Джорджа.

— Пятьдесят шесть дней, — твердо ответил Джордж.

— Лица младше двенадцати лет засекречиванию не подлежат, — сказал управляющий офицеру службы безопасности.

— Это как сказать, — ответил офицер службы безопасности, покачивая головой. — Данный случай не имеет precedентов. Я, черт побери, рисковать не намерен и разрешения убрать мышеловку не дам. Впрочем, вот что: я запрошу соответствующие инстанции.

Он повернулся и пошел к двери.

— А что мне сказать жене? — крикнул Джордж ему вслед.

— Скажите ей, что я пошлю запрос в Комиссию по атомной энергии с копиями в министерство обороны и в ФБР.

— И в департамент иммиграции и натурализации, — посоветовал управляющий. — Может возникнуть вопрос об американском гражданстве.

— Фига с два! — ответил Джордж. — Lex locis *. Я тут родился.

* Закон о месте рождения. По законам США каждое лицо, родившееся на территории страны, автоматически приобретает американское гражданство. — Прим. перев.

— Это можно, — ответил офицер службы безопасности, выходя. — Лишняя предосторожность никогда не помешает.

Джордж вернулся домой, рассказал обо всем жене и на другое утро уже ехал в Вашингтон. Как и все его поколение, Джордж был телепатом и уже наладил связь с мышами, имевшими доступ в правительственные здания.

Всю дорогу он мучительно соображал, как проследить движение всех этих копий по бюрократическому лабиринту Вашингтона. Но он мог бы не беспокоиться.

Получив донесение офицера службы безопасности, Комиссия по атомной энергии тотчас направила в центр целый отряд психиатров. Когда психиатры доложили Комиссии о результатах своего обследования, их в свою очередь поручили заботам другого отряда психиатров. После этого Комиссия по атомной энергии созвала совещание представителей министерства обороны, ФБР (министерство юстиции), управления охраны природы (министрство внутренних дел), департамента общественного здравоохранения (министрство социального обеспечения), департамента иммиграции и натурализации и департамента по делам Аляски. Последнее приглашение оказалось ошибочным.

На это ушло две недели, а Джордж тем временем томился в министерских стенах, ожидая, когда ему придется давать показания. Разумеется, он поддерживал непрерывную телепатическую связь с Кларой. Он знал, что дети все здоровы, что Клара подружилась со сторожем и что ловушка стоит на прежнем месте.

Сторож больше не клал в нее сырные корочки и не взводил пружину, но инструкций не нарушал и каждое утро придвигал ее к парадному ходу мышиного домика.

Толстая вашингтонская мышь проводила Джорджа до дырки в углу конференц-зала, где собиралось совещание. Джордж выглянул наружу и с отвращением вдохнул прокуренный воздух.

За длинным столом сидело семь человек, и перед каждым стоял стакан с водой. Даже Джордж знал, что это была не та жидкость, которая могла бы помочь быстро прийти к согласию.

— Разбомбить их! — крикнул генерал, стукнув кулаком по столу.— Нанести им сокрушительный удар атомным оружием! Нанести им удар немедленно, пока они не напали первыми!

— Но ведь это одна из лучших наших установок,— возразил гражданский представитель Комиссии по атомной энергии.— Мы не хотим взрывать ее из-за каких-то ничтожных мышей.

— А нельзя ли отправить их на Аляску? — нерешительно осведомился представитель департамента по делам Аляски, силясь понять, зачем его сюда пригласили.

— А как насчет ловушек? — спросил представитель управления охраны природы. — У нас есть такие новинки — пальчики оближете.

— Но в этом-то все и дело! — громко сказал Джордж, и все обернулись к нему.— Моя жена хотела бы, чтобы ловушку от нашего парадного убрали. Она опасается за детей.

— Кто вы такой? — сурово спросил представитель департамента иммиграции и натурализации.

— Я Джордж,— ответил Джордж.— Это перед моим парадным входом стоит ловушка.

— Как вы сюда попали? — грозно спросил представитель ФБР.— Это закрытое заседание! Шпионите?

— Я не шпионю! — воскликнул Джордж.— Я просто пришел попросить, чтобы вы убрали эту ловушку.

Представитель ФБР поглядел на него почти с жалостью.

— Теперь все это далеко не так просто,— сказал он.— Вы что, не понимаете, чем вы нам угрожаете?

— Нет,— ответил Джордж и взобрался по ножке на стол.— Мы никому не угрожаем. Мы же просто мыши. Мы не умеем угрожать.

Тут он обвел взглядом семь гигантских лиц над столом, которые окружили его со всех сторон, и сразу осознал, что эти люди насмерть перепуганы тем, что он — мышь. Его охватило страшное предчувствие, что с этого совещания ему живым не уйти. Поэтому он разблокировал свое сознание, чтобы его близкие и вообще все мыши-телепаты могли следить за происходящим.

— Вы что же, станете утверждать,— насмешливо сказал представитель управления охраны природы, который от страха повысил голос, — будто вы не знаете, что потомство одной мыши — вашего пра-пра-прадеда Майкла — насчитывает уже двенадцать миллиардов особей, в четыре раза превосходя численностью все народонаселение Земли?

— Нет, я этого не знал,— сказал Джордж, невольно заинтересовавшись.

— Вы что же, станете утверждать,— сказал представитель ФБР, грозя пальцем Джорджу, который видел, что другая его рука сжимает в кармане пистолет,— будто вам и в голову не приходило, что вы, мыши, имеете доступ к самым секретным нашим документам и можете их все уничтожить?

— Нет, не приходило,— сказал Джордж, пятясь от этого огромного качающегося пальца.— Мы, мыши, никогда ничего не уничтожаем просто так.

— А что вы можете перегрызть провода на любом самолете, танке, грузовике, поезде или корабле, полно-

стью выведя их из строя, это вам тоже в голову не приходило? — вмешался генерал и так хлопнул по столу мясистой ладонью, что Джордж от сотрясения упал на спину.

— Конечно, не приходило,— ответил Джордж, с трудом встав на лапки.— У нас, мышей, и в мыслях этого не было. Не бойтесь,— докончил он умоляюще. Но он понимал, что слова бессильны перед охватившей их паникой.

— И вы не думали о том, что можете перегрызть все кабели, телефонные линии, линии высоковольтных передач и телеграфные линии, соединяющие Штаты с Аляской? — спросил представитель департамента по делам Аляски, просто чтобы что-нибудь спросить. Затем, чтобы доказать свое бесстрашие и непоколебимое мужество, он взял свой стакан и вылил из него всю воду на Джорджа. Вода была ледяная, и бедный, промокший насеквоздь Джордж затрясся от холода.

— А о том, что вы можете вывести из строя и взорвать все наши атомные установки, вы тоже, конечно, не думали? — спросил представитель Комиссии по атомной энергии, прежде чем Джордж успел ответить представителю департамента по делам Аляски, и, придя в ярость из-за собственного страха, тоже выплеснул всю свою воду на дрожащую мышь.

Джордж заплакал.

— Это мне и в голову не приходило,— бормотал он, всхлипывая.— Мы, мыши, не такие...

— Чушь! — сказал генерал.— Таков неизменный закон природы. Мы должны убить вас или вы убьете нас. И мы начнем с того, что убьем тебя! — генерал ревел громче всех, потому что и боялся больше.

Его ладонь — огромная и ужасная — стремительно опустилась на маленького, мокрого, рыдающего Джорджа. Однако в мышиной тактике генерал разбирался пло-

хо — когда ладонь звучно хлопнула по столу, Джордж успел уже соскользнуть по ножке и мчался к дырке в стене.

Бедняга Джордж, перепуганный до смерти, изо всех сил улепетывал по мышиным ходам, ни разу не остановившись, чтобы перевести дух, пока не оказался в поезде. Но поезда, разумеется, уже не ходили. Мыши-телепаты перегрызли все кабели, все телефонные линии, все линии высоковольтных передач и все телеграфные линии; и еще они перегрызли провода на всех самолетах, танках, грузовиках, поездах и кораблях. Кроме того, они уничтожили на Земле все документы до единого.

Так что Джорджу пришлось пешком возвращаться к себе в атомный центр, который был сохранен в память пра-пра-прадедушки Майкла.

Это заняло три утомительнейшие недели, и первое, что он увидел, когда добрался до дома, была мышеловка у парадного входа. Конечно, приманки в ней не было и пружина была спущена, но все-таки она стояла перед входом.

Клара поцеловала его и сказала:

— Джордж! Ты должен поговорить со сторожем об этой ловушке.

И Джордж сразу вышел, потому что за стеной шуршала швабра, гоняя пыль из угла в угол.

— Здравствуйте! — крикнул Джордж.

— Здравствуй! — ответил сторож. — Вернулся, значит?

— Моя жена хочет, чтобы эту ловушку убрали, — сказал Джордж. — Она боится за детей.

— Извиняюсь, — сказал сторож. — Мне было велено поставить по мышеловке у каждой мышиной норы.

— А почему вы не ушли с остальными людьми? — закричал Джордж.

— Да не кричи ты, — сказал сторож и объяснил. —

Стар уж я стал для перемен. Ну, и у меня тут поблизости есть ферма.

— Но вам же не платят жалованья,— заметил Джордж.

— Ну и что? — сказал сторож.— На деньги-то теперь все равно ничего купить нельзя.

— А что же мне сказать жене насчет ловушки? — спросил Джордж.

Сторож почесал затылок.

— А ты ей скажи, что я поговорю с комендантом, если он сюда когда-нибудь вернется.

Джордж пошел домой и передал его слова Кларе.

— Джордж! — сказала она и топнула лапкой.— Я не могу жить, пока там стоит ловушка! Ты же знаешь, что комендант сюда не вернется. Поэтому ты должен сам его отыскать.

Джордж, который знал, что людей почти нигде не осталось, подошел к своему любимому креслу и решительно опустился в него.

— Клара,— сказал он, беря книгу,— можешь уезжать или оставаться, как тебе заблагорассудится, но я больше ничего сделать не могу. Я убил на эту ловушку целый месяц, но так ничего и не добился. И я не собираюсь начинать все сначала.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
СОВЕТА ПОПЕЧИТЕЛЕЙ
ИНСТИТУТА ИЗУЧЕНИЯ
БУДУЩЕГО
В Г. МАРМУТЕ,
МАССАЧУСЕТС**

Нижеследующий текст представляет собой расшифровку магнитофонной ленты, которая была найдена в лаборатории доктора Эдвина Гербера в Институте изучения будущего, Мармут, штат Массачусетс, через два месяца после смерти ученого среди шестидесяти семи других лент, содержащих его заметки, лекции, комментарии по поводу текущей работы.

Хотя сам текст свидетельствует, что он был записан на пленку более чем за год до смерти доктора Гербера, ни изучение его заметок, ни беседы с его коллегами никак не подтвердили этого факта. Средства, отпускаемые Институтом на научную работу, предоставляются безо всяких условий, и ученые могут оповещать или умалчивать о результатах своих исследований. Тем не менее, исходя из самой сути и значимости эксперимента, специально записанного на пленку, Совет попечителей и сотрудники ничем не могут объяснить молчание доктора Гербера.

Никоим образом не ручаясь за подлинность документа, Институт оглашает его из чувства ответственности перед научной общественностью, в надежде, что он на-

помнит тем физикам, с которыми доктор Гербер был в переписке, о любых замечаниях, как бы туманны они ни были, касающихся технических или теоретических посылок эксперимента.

Некоторые сотрудники Института считают, что первый голос принадлежит доктору Герберу, но, так как убедительных доказательств этого не существует, мы предпочли обозначить голоса произвольно буквами «В» и «О». Расшифрованный текст, вероятно, представляет собой последнюю часть пленки. Можно предположить, что первая состояла из вступления доктора Гербера и его пояснений, но она была безнадежно повреждена, очевидно под влиянием помех, связанных с оборудованием, которым пользовался доктор Гербер. Неразборчивые или невнятные слова обозначены многоточием.

(Пронзительный воющий звук.)

В. ...попробуйте... до 70 биллионов, но кто... знает?.. может быть, магнитное вертикальное... 80 биллионов?.. еще четыре секунды...

(Воющий звук становится громче.)

В. ...оставьте так... сохраните...

(Пять коротких взрывов через различные интервалы.)

В. ...а теперь... очень маловероятно, но... Да! Да!. работает... человек... сделал это!.. хорошо, сэр... первый человек, когда-либо... перешагнул... осторожней, осторожней... Эйнштейн?.. через барьер времени... сюда, сэр... микрофон... имя?

О. ...елман...

В. Мистер Гарри Венсельман, вернувшись в прошлое из две тысячи...

О. ...освободите руку...

В. ...испугались, мистер Венсельман?

О. Я уже почти заснул и вдруг... мне показалось, это было что-то острое.

В. Скажите мне... действительно верите... двадцатый век?

О. Была глубокая ночь. Я еще подумал — нет, чтобы им подождать до воскресенья.

В. Какие чувства вы испытываете, очутившись в прошлом на сотню...

О. Все нормально. Вот только моя рука... здесь...

В. Прекрасно! Так как у меня масса...

О. ...очень рад...

В. ...о будущем веке...

О. Будущий век! Ну откуда же я...

В. Нет, нет. Будущий для нас. Прошлый для вас.

О. Ох, я малость запутался.

В. Не удивительно после такого путешествия!

О. О, я привык путешествовать. Вот только с рукой у меня вечно какие-нибудь неприятности.

В. Итак, что вы считаете величайшим событием в вашей жизни? За те годы — сколько вам лет, мистер Венсельман?

О. А сколько бы вы мне дали?

В. Сорок пять? Или медицинская наука...

О. Сорок семь.

В. Хорошо. В течение вашей жизни...

О. Ладно, я родился в окрестностях Чикаго, а когда мне было десять лет, мы переехали в Детройт. Я ходил в начальную школу, потом в среднюю, потом в колледж, а потом поступил в „Федерейтед Индастриз“, где и сейчас работаю, а когда я начал прилично зарабатывать...

В. Мистер Венсельман...

О. ...прилично по тем временам, конечно, но так или иначе я женился. Моя жена на год моложе меня. У нас трое детей — два мальчика и девочка.

В. Спасибо. Итак, пока все это шло своим чередом...

О. Шло своим чередом? Что вы имеете в виду? У нас

были свои мелкие неприятности, как в любой семье, но...

В. Да нет, что вы, я имел в виду мир вообще.

О. Ах, чего только не было.

В. Самое важное.

О. Ну, по-моему, люди становятся все более эгоистичными. Слишком много эгоизма в мире. Взять хотя бы все эти войны.

В. Где?

О. В Африке. В Азии. Повсюду.

В. А в Америке?

О. В Америке была революция, гражданская война, мировые войны. Разве вы не проходили все это в школе? Они ведь как будто были в ваше время, мы только что отмечали столетие. Фейерверки. У моего знакомого парня, Джорджа Марша, случилась беда со средним пальцем. Теперь ему приходится запихивать табак в трубку левой рукой.

В. Но, мистер Венсельман, не можете ли вы рассказать что-нибудь о последних конфликтах...

О. Раньше я очень внимательно следил за всеми событиями. Но сердечные приступы случаются именно с теми, кто переживает из-за любого незначительного происшествия в любой незначительной стране. А что толку? Ведь сделать-то ничего не можешь. Конечно, я хорошо представляю общую ситуацию.

В. Существует ли еще ООН?

О. Конечно. Хотя подождите, мне послышалось, что вы сказали «они».

В. Так ООН больше нет?

О. Одну минутку. Я же не сказал, что нет. Я только недавно читал о ней, но было ли это тогда или сейчас?.. Нет, я не уверен.

В. Может быть, вы помолчите и подумаете немного?

О. Да, но вы засыпали меня вопросами!

В. Извините, мистер Венсельман. Совершенно естественно, что я очень взволнован. Да и мы ограничены временем. Не смогли бы вы своими словами описать политическую ситуацию...

О. Своими словами? Тогда я должен сказать, что последние выборы были грязным делом.

В. Когда они были?

О. В прошлый День выборов.

В. Который был?..

О. Грубо говоря, в какой-то день на протяжении последних четырех лет.

В. Продолжайте.

О. Это было известно каждому встречному и поперечному. Они купили выборы.

В. Избранных кандидатов?

О. Ну да.

В. Кто же это был?

О. Вам про всех?

В. Какие это были выборы — президента?

О. Совершенно верно. Не то президента, не то губернатора, какие-то большие выборы. Так случилось, что меня не было в городе. У меня была ужасная ангина, температура больше сорока. И даже когда она спала, я все равно чувствовал себя отвратительно. Моя жена решила, что нам надо поехать на юг.

В. Кто президент?

О. Президент?

В. Как его зовут?

О. Вы знаете, из-за вас я забыл.

В. Ладно, может потом вспомните. Итак, вы живете в Детройте?

О. С десяти лет. С десяти с половиной, если точно.

В. Кто у вас губернатор?

О. В Детройте?

В. Да.

О. Только не Харви. Он был губернатором раньше.
Крупный такой, здоровенный парень.

В. Ваш теперешний губернатор республиканец?

О. Республиканец?

В. Или демократ?

О. Или демократ? То ли тот, то ли другой. Шесть лет назад был республиканец, потому что я проспорил Лену Семмису шапку. Я думал, 5 — 6 долларов. А он прислал мне счет на 22 доллара 50 центов. С налогом вышло 22 доллара 80 центов.

В. Хорошо. Не могли бы вы мне сказать...

О. Честно говоря, я теперь не слежу за политикой так, как раньше. Слишком много мошенничества. И потом в последние годы я увлекся ресебой.

В. Ресеба? Это что-то религиозное?

О. Вы не знаете ресебы? Ну, ресеба. Вы берете колоду для покера...

В. Ах так. Интересно. А какие еще новые изобретения...

О. Ресеба — это не изобретение, а игра. Но вот в прошлом году было одно. Я сразу же обзавелся им, как только оно поступило в продажу. Вы курите трубку? Оно для того, чтобы чистить ее...

В. Что нового в промышленности? Атомная энергия?

О. О, там произошли большие изменения. Дайте мне подумать, как бы получше объяснить вам.

В. А что у вас за работа? „Федерейтед Индастриз”? Вы сказали, что работали там?

О. Я и сейчас там работаю.

В. Отлично! В чем именно заключается ваша работа?

О. Так вот, когда накладные проходят через бухгалтерию...

В. Это промышленная фирма?

О. Вы шутите? Я не думаю, что в стране есть хоть один грамм стали, который не был бы обработан с помощью оборудования „Федерейтед Индастриз“.

В. В чем заключается суть процесса?

О. Об этом известно там, в конструкторском. Они за- правляют всем. И патентами.

В. Что ж, вероятно, много открытий было сделано в других областях?

О. Трудно за всем уследить. Были какие-то большие открытия в хирургии — кажется, в хирургии? Или в ме-дицине вообще. О них писали во всех газетах, болтали на всех перекрестках. У меня-то лично здоровье в порядке. Правда, несколько лет назад у меня была ангинка...

В. Ну, а как живут люди? Как они отдыхают, развле-каются, что едят?

О. Э-э...

В. Например, что вы едите на обед?

О. Что мне даст жена.

В. Да, тут действительно никаких перемен. Что же она вам дает?

О. То, что я больше люблю. Я не могу пожаловаться.

В. Понимаете, в наши дни особенно остро стоит воп-рос о продуктах питания в связи с ростом населения...

О. Что? Когда это было?

В. Рост населения. Все больше детей рождается...

О. У нас трое, два мальчика...

В. Я имел в виду другие части света.

О. Мы собираемся попутешествовать позже. А сейчас я нахожусь в стесненных обстоятельствах.

В. Так вот, не могли бы вы рассказать что-нибудь о хранении продуктов, транспортировке, новых источниках продуктов питания...

О. Ну, это уж действительно трудный вопрос для ме-

ня. Я не влезаю в кухонные дела. Она не любит, чтобы я путался на кухне.

В. Интересная одежда на вас. Как она называется?

О. Это? Вот это — мой пиджак. А вот здесь — мои брюки.

В. Интересно. А что за материал? Из чего они сделаны?

О. Так, дайте-ка мне посмотреть. Может быть, шерсть, а может... — вещи мне покупает в основном жена. Я знаю только одно — что они мне жмут немножко, вот здесь...

В. Что вы можете сказать о доме, в котором живете?

О. Мы живем в одном и том же доме с тех пор, как поженились. Я правильно сделал, что купил его. Это был мудрый выбор, я никогда не жалел о своем решении. И моя жена тоже.

В. Вы живете в пригороде? Или в самом городе? Как вы добираетесь до работы?

О. Я еду Восточным экспрессом. У меня только одна пересадка, на дорогу уходит всего девятнадцать минут.

В. На чем?

О. На Восточном экспрессе.

В. Я имел в виду, как он передвигается — по воздуху?

О. А как же иначе? По земле, что ли?

В. Но что это — самолет? Реактивный? Вы еще пользуетесь реактивными самолетами?

О. Только для местных рейсов. Я пользуюсь экспрессом.

В. Но что это такое?

О. Я же вам ясно сказал. Восточный экспресс. Отходит в 7.39, 7.52 и 8.16. Потом его нет до 9.48. Просто невероятно, притащить человека через все эти годы в прошлое, а потом не слушать того, что он говорит.

В. Знаете ли, вы сообщаете так много интересных де-

талей, что просто трудно воспринять их все сразу. А конструкция этого... экспресса?

О. Сиденья слишком близко одно к другому. Ноги...

В. А общий вид этой штуки?

О. Что вы имеете в виду?

В. Какой он формы? Как бы вы его описали?

О. Так обычно я вижу только его заднюю часть. Я вхожу в левую заднюю дверь, чтобы при пересадке оказаться рядом с местным.

В. Что его приводит в движение?

О. Мотор, конечно.

В. Он работает на топливе?

О. А как же иначе?

В. Вы мне очень помогаете, мистер Венсельман. Может быть, теперь вы скажете, на каком виде топлива?

О. Болтают без конца, что собираются обойтись без топлива, но я в это поверю только тогда, когда увижу собственными глазами. А пока с каждым годом дорожает плата за проезд. Кто-то гребет деньги лопатой.

В. Так это ядерное топливо, мистер Венсельман? Можете ли вы мне это сказать?

О. Я могу сказать вам все, что хотите, только правильно ставьте вопросы. Правильно — вы понимаете, что я имею в виду? Чтобы я мог понять их.

В. Хорошо. Является ли это топливо ядерным?

О. Видите ли, я всем этим не занимался с тех пор, как школу кончил. Если бы меня хоть как-то предупредили, а то хватают среди ночи...

В. Все ясно. Теперь об экспрессе...

О. Сколько бы они ни брали, условия отвратительные. Вчера вечером на пересадке была такая давка, что контролер толкнул меня и я упал на...

В. Где вы пересаживаетесь?

О. На третьей остановке.

В. Да, но как называется станция?

О. Ист-Джанкшен. Так вот, я им говорю...

В. Где это? Какой штат? Вы еще называете их штатами?

О. Что называем штатами?

В. Или существует какое-то другое географическое деление?

О. Он сказал: «Почему вы не отложили газету и не посмотрели, куда...»

В. Газета? Ежедневная газета?

О. «Рипорт» — так она называется. Вроде бы, ежедневная, я покупаю ее каждое утро на станции.

В. Превосходно! Превосходно! Итак, мистер Венсельман, я бы хотел, чтобы вы мне просто рассказали то, что вы прочитали во вчерашней газете. Ну пожалуйста, попробуйте рассказать...

О. Начать хотя бы...

В. Одну секунду, прежде чем вы начнете, — какое было вчера точно число?

О. 23 февраля 2061 года.

В. 23 февраля 2061 года. Спасибо, продолжайте, пожалуйста.

О. Ну, слово, которое надо было разложить на два, — «снегопад», оно означает выпадение снега.

В. Дальше, пожалуйста.

О. Команда «Собаки прерий» выиграла у «Гаугаса» со счетом 64:35. Гамиль нокаутом в восьмом. Счастливчик вслед за ним, потому что Орtega выигрывал в каждом раунде, но потом...

В. Да-да. Продолжайте.

О. В колонке ветеринара писали о том, как у одной женщины была черепаха...

В. Подождите, мистер Венсельман. Позвольте мне попросить вас вот о чем. Вы видели первую страницу?

О. Конечно.

В. Хорошо, тогда, пожалуйста, закройте глаза и попробуйте мысленно представить первую страницу вчерашней газеты. Не сможете ли...

О. Смогу. Да.

В. Можете? Итак, почти на самом верху, ближе к правому углу...

О. Передовая.

В. Вы прочитали ее? Передовую?

О. Ну, если человек покупает газету...

В. И вы ее помните?

О. Конечно не слово в слово...

В. Неважно. Хотя бы основные положения.

О. Сэм и Триг клянутся в вечном мире.

В. Сэм? Дядя Сэм?

О. Сэм Прентисс, певец. И его жена Триг Слейд. Считалась, что у них идеальная семья, но прошлой весной она начала заигрывать с Хопом Паркером. Сэм забрал детей, он действовал под влиянием порыва, но я считаю, он правильно поступил. История, конечно, обычная, но моя жена прямо-таки проглатывает подобные статейки.

В. Мистер Венсеман, мистер Венсеман, послушайте! Что еще было на первой странице?

О. Облачно и прохладно, атмосферное давление выше среднего. Мне кажется, зимы... Что такое, в чем дело?

В. Наше время истекло, мы должны отправить вас обратно. Шагните-ка сюда.

О. К чему такая спешка? Сон-то вы мне все равно уже перебили.

В. Дело во вращении Земли. Не хотелось бы рисковать, ведь мы ставим совершенно новый опыт.

О. Безусловно, вы проводите грандиозную работу. Я наверняка расскажу о ней. Вот только одного я не понимаю, почему вы выбрали именно меня.

В. Чистая случайность, мистер Венсельман. А теперь...
О... ну и ну... не может быть. Вы только подумайте,
кого бы вы могли заполучить. Фермера, ребенка или да-
же иностранца.

В. Так, теперь сюда.

О. ...практический совет? Закрепите эту штуку для
руки — вот здесь... я бы никогда не стал беспокоить вас,
но у меня с ней вечно какие-то неприятности...

(Семь резких взрывов, как вначале. Пронзительный
воющий звук, как и вначале, может быть из-за помех.)

ПРЕМИЯ ЗА РИСК

Рэдер осторожно выглянул в окно. Прямо перед ним была пожарная лестница, а ниже — узкий проход между домами, там стояли видавшие виды детская коляска и три мусорных бачка. Из-за бачка показалась черная рука, в ней что-то блеснуло. Рэдер упал навзничь. Пуля пробила оконное стекло и вошла в потолок, осыпав Рэдера штукатуркой.

Теперь ясно: проход и лестница охраняются, как и дверь.

Он лежал, вытянувшись во всю длину на потрескавшемся линолеуме, глядя на дырку, пробитую в потолке, и прислушивался к шумам за дверью. Его лицо, грязное и усталое, с воспаленными глазами и двухдневной щетиной на подбородке, было искажено от страха — оно то застыпало, то вдруг подергивалось, но в нем теперь ощущался характер, ожидание смерти преобразило его.

Один убийца был в проходе, двое на лестничной клетке. Он в ловушке. Он мертв.

Конечно, Рэдер еще двигался, еще дышал, но это лишь по нерасторопности смерти. Через несколько минут она займется им. Смерть понаделает дыр в его теле и на лице, мастерски разукрасит кровью его одежду, сведет руки и ноги в причудливом пируэте могильного танца. Рэдер до боли закусил губу. Хочется жить! Должен же быть выход! Он перекатился на живот и осмотрел дешевую грязную квартиру, в которую его загнали убийцы. Настоящий однокомнатный гроб. Дверь стерегут, пожар-

ную лестницу тоже. Вот только крошечная ванная без окна...

Он вполз в ванную и поднялся на ноги. В потолке была неровная дыра, почти в ладонь шириной. Если бы удалось сделать ее пошире и пролезть в ту квартиру, что наверху...

Послышался глухой удар. Убийцам не терпелось. Они начали взламывать дверь.

Он осмотрел дыру в потолке. Нет, об этом даже и думать нечего. Не хватит времени.

Они вышибали дверь, покрякивая при каждом ударе. Скоро выскочит замок или петли вылетят из подгнившего дерева. Тогда дверь упадет и двое с пустыми, бесцветными лицами войдут, стряхивая пыль с пиджаков...

Но ведь кто-нибудь поможет ему! Он вытащил из кармана крошечный телевизор. Изображение было нечетким, но он не стал ничего менять. Звук шел громко и ясно.

Он прислушался к профессионально поставленному голосу Майка Терри.

«... ужасная дыра, — сетовал Терри. — Да, друзья, Джим Рэдер попал в ужасную переделку. Вы, конечно, помните, что он скрывался под чужим именем в третьесортном отеле на Бродвее. Казалось, он был в безопасности. Но коридорный узнал его и сообщил банде Томпсона...»

Дверь трещала под непрерывными ударами. Рэдер слушал, вцепившись в маленький телевизор.

«Джиму Рэдеру еле удалось бежать из отеля. Преследуемый по пятам, он вбежал в каменный дом номер сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню. Он хотел уйти по крышам. И это могло бы ему

удаться, друзья, да, могло бы! Но дверь на чердак оказалась запертой. Казалось, что Джиму конец... Но тут Рэдер обнаружил, что квартира номер семь не заперта и что в ней никого нет. Он вошел... — Здесь Терри сделал эффектную паузу и воскликнул: — И вот он попался! Попался как мышь в мышеловку! Банда Томпсона взламывает дверь! Она охраняет и пожарную лестницу. Наша телекамера, расположенная в соседнем доме, дает сейчас всю картину крупным планом. Взгляните, друзья!

Неужели у Джима Рэдера не осталось никакой надежды?»

«Неужели никакой надежды?» — повторил про себя Рэдер, обливаясь потом в темной и душной маленькой ванной, слушая настойчивые удары в дверь.

«Минуточку! — вскричал вдруг Майк Терри. — Держись, Джим Рэдер! Подержись еще хоть немного. Может, и есть надежда! Только что по специальной линии мне позвонил один из наших зрителей — срочный звонок от доброго самаритянина. Этот человек полагает, что сможет помочь тебе, Джим. Ты слышишь нас, Джим Рэдер?»

Джим слышал, как дверные петли вылетают из досок.

— Давайте, сэр, давайте! — поторапливал Майк Терри. — Как ваше имя?

— Ээ... Феликс Бартоломью.

— Спокойнее, мистер Бартоломью. Говорите сразу...

— Хорошо, так вот, мистер Рэдер, — начал дрожащий старческий голос. — Мне пришлось в свое время жить в доме сто пятьдесят шесть по Уэст-Энд-авеню, как

раз в той самой квартире, где вас заперли. Так вот, там есть окно в ванной. Оно заделано, но оно есть.

Рэдер сунул телевизор в карман. Он определил очертания окна и стукнул по нему. Зазвенели осколки стекла, и в ванную ворвался ослепительный дневной свет. Отбив острые зазубрины с рамы, он взглянул вниз.

Там, глубоко внизу, был бетонный двор.

Дверные петли вылетели. Рэдер услышал, как распахнулась дверь. Он молниеносно перебросил тело через окно, повис на руках и прыгнул.

Падение оглушило его. Шатаясь, он еле встал на ноги. В окне ванной появилось лицо.

— Везет дураку, — сказал человек, высовываясь и старательно наводя на Рэдера коротенькое курносое дуло револьвера.

В этот момент в ванной взорвалась дымовая бомба.

Пуля убийцы просвистела мимо, он с проклятием обернулся. Во дворе тоже взорвались бомбы, и дым окутал Рэдера.

Он услышал, как в кармане, где лежал телевизор, неистовствовал голос Майка Терри:

«А теперь спасайся! Беги, Джим Рэдер, спасай свою жизнь! Скорей, пока убийцы ослепли от дыма. И спасибо вам, добрая самаритянка Сара Уинтерс, дом 3412 по Эдгар-стрит, за то, что вы пожертвовали эти пять дымовых бомб и наняли человека,бросившего их!»

Уже спокойнее Терри продолжал:

«Сегодня вы спасли жизнь человеку, миссис Уинтерс. Не расскажете ли вы нашим слушателям, как...»

Больше Рэдер не слушал. Он мчался по заполненному дымом двору, мимо веревок с бельем, прочь, на улицу. Потом, съежившись, чтобы казаться ниже ростом, он поплелся, едва волоча ноги, по Шестьдесят третьей улице. От голода и бессонной ночи кружилась голова.

— Эй, вы!

Рэдер обернулся. Какая-то женщина средних лет, сидевшая на ступеньках дома, сурово смотрела на него.

— Вы ведь Рэдер, правильно? Тот самый, кого они пытаются убить?

Рэдер повернулся, чтобы уйти.

— Заходите сюда, — сказала женщина.

Может, это и западня. Но Рэдер знал, что должен полагаться на щедрость и добросердечие простых людей. Ведь он был их представителем, как бы их копией — обычновенным парнем, попавшим в беду. Без них он бы пропал.

«Доверяйте людям, — сказал ему Майк Терри. — Они никогда вас не подведут».

Он прошел за женщиной в гостиную. Она велела ему присесть, сама вышла из комнаты и тотчас же вернулась с тарелкой тушеного мяса. Женщина стояла и смотрела на него, пока он ел, словно на обезьяну в зоопарке, грызущую земляные орехи.

Двое детишек вышли из кухни и стали глазеть на него. Потом трое мужчин в комбинезонах телестудии вышли из спальной и навели на него телекамеру.

В гостиной стоял большой телевизор. Торопливо глотая пищу, Рэдер следил за изображением на экране и прислушивался к громкому проникновенно-взволнованному голосу Майка Терри.

«Он здесь, друзья, — говорил Терри, — Джим Рэдер здесь, и он впервые прилично поел за пос-

ледние два дня. Нашим операторам пришлось поработать, чтобы передать это изображение! Спасибо, ребята... Друзья, Джим Рэдер нашел кратковременное убежище у миссис Вельмы О'Делл в доме триста сорок три по Шестьдесят третьей улице. Спасибо вам, добрая самаритянка миссис О'Делл! Просто изумительно, что люди из самых различных слоев принимают так близко к сердцу судьбу Джима Рэдера!»

— Вы лучше поторопитесь,— сказала миссис О'Делл.

— Да, мэм.

— Я вовсе не хочу, чтоб у меня в квартире началась эта пальба.

— Я кончу, мэм.

Один из детей спросил:

— А они вправду собираются убить его?

— Заткнись! — бросила миссис О'Делл.

«Да, Джим, — прочитал Майк Терри, — поторопись, Джим. Твои убийцы уже недалеко. И они совсем не глупы, Джим. Они злобны, испорчены, они изуверы — это так. Но совсем не глупы. Они идут по кровавому следу — кровь капает из твоей рассеченной руки, Джим!»

Рэдер только сейчас заметил, что, вылезая из окна, он рассек руку.

— Давайте я забинтую, — сказала миссис О'Делл.

Рэдер встал и позволил ей забинтовать руку. Потом она дала ему коричневую куртку и серую шляпу с полями.

— Мужнино, — сказала она.

«Он переоделся, друзья! — восторженно кричал Майк Терри. — О, это уже нечто новое! Он пе-

реоделся! Ему остается всего семь часов, и тогда он спасен!»

— А теперь убирайтесь, — сказала миссис О'Делл.

— Ухожу, мэм, — сказал Рэдер. — Спасибо.

— По-моему, вы дурак, — сказала она. — Глупо было связываться со всем этим.

— Да, мэм.

— Нестоящее дело.

Рэдер поблагодарил ее и вышел. Он зашагал к Бродвею, спустился в подземку, сел в поезд в сторону Пятьдесят девятой, потом в поезд, направляющийся к Восемьдесят девятой. Там он купил газету и пересел на другой поезд.

Он взглянул на часы. Оставалось еще шесть с половиной часов.

Поезд помчался под Манхэттеном. Рэдер дремал, навинув шляпу на глаза и спрятав под газетой забинтованную руку. Не узнал ли его кто-нибудь? Ускользнул ли он от банды Томпсона? Или кто-нибудь звонит им как раз в эту минуту?

В полудряме он думал, удалось ли ему обмануть смерть. Или же он просто одушевленный, думающий труп и двигается только потому, что смерть нерасторопна? О господи, до чего же она медлительна! Джим Рэдер давно убит, а все еще бродит по земле и даже отвечает на вопросы в ожидании своего погребения.

Вздрогнув, он открыл глаза. Что-то приснилось... что-то неприятное... А что — не мог вспомнить. Снова закрыл глаза, и как сквозь сон вспомнил время, когда он еще не знал этой беды.

Это было два года назад. Высокий приятный малый

работал у шофера грузовика подручным. Никакими талантами он не обладал, да и не мечтал ни о чем.

За него это делал маленький шофер грузовика.

— А почему бы тебе не попытать счастья в телепередаче, Джим? Будь у меня твоя внешность, я бы попробовал. Они любят выбирать для состязаний таких приятных парней, ничем особенно не выдающихся. Такие всем нравятся. Почему бы тебе не заглянуть к ним?

И Джим Рэдер заглянул. Владелец местного телевизионного магазина объяснил ему все подробно:

— Видишь ли, Джим, публике уже осточертели все эти тренированные спортсмены с их чудесами реакции и профессиональной храбростью. Кто будет переживать за таких парней? Кто может видеть в них ровню себе? Конечно, всем хочется чего-то будоражащего, но не такого, чтоб это регулярно устраивал какой-то профессионал за пятьдесят тысяч в год. Вот почему профессиональный спорт переживает упадок и так расцвели эти телепрограммы, от которых захватывает дух.

— Ясно, — сказал Рэдер.

— Шесть лет назад, Джим, конгресс принял закон о добровольном самоубийстве. Эти старики сенаторы наговорили черт знает сколько насчет свободной воли, самоопределения и собственного усмотрения. Только все это чушь. Сказать тебе, что на самом деле означает этот закон? Он означает, что любой, а не только профессионал может рискнуть жизнью за солидный куш. Раньше, если ты хотел рискнуть за большие деньги, хотел, чтоб тебе законным образом вышибли мозги, ты должен был быть или профессиональным боксёром, или футболистом, или хоккеистом. А теперь простым людям вроде тебя, Джим, тоже предоставлена такая возможность.

— Ясно, — повторил Рэдер.

— Великолепнейшая возможность. Взять, например,

тебя. Ты ведь ничем не лучше других. Все, что можешь сделать ты, может сделать и другой. Ты обычновенный человек. Я думаю, что эти телебоевики как раз для тебя.

И Рэдер позволил себе помечтать. Телепостановка,казалось, открывала молодому человеку без особых талантов и подготовки путь к богатству. Он написал письмо в отдел передач «Опасность» и вложил в конверт свою фотографию.

«Опасность» им заинтересовалась. Компания Джи-би-си выяснила о нем все подробности и убедилась, что он достаточно зауряден, чтобы удовлетворить самых недоверчивых телезрителей. Они также проверили его происхождение и связи. Наконец его вызвали в Нью-Йорк, где с ним беседовал мистер Мульян.

Мульян был чернявым и очень энергичным; разговаривая, он все время жевал резинку.

— Вы подойдете, — выпалил он. — Только не для «Опасности». Вы будете выступать в «Авариях». Это дневная получасовка по третьей программе.

— Здорово! — сказал Рэдер.

— Меня благодарить не за что. Тысяча долларов премии, если победите или займете второе место, и утешительный приз в сотню долларов, если проиграете. Но это не так важно.

— Да, сэр.

— «Аварии» — это маленькая передача. Джи-би-си использует ее в качестве экзамена. Те, кто займет первое и второе места в «Авариях», будут участвовать в «Критическом положении». А там премии гораздо выше.

— Я знаю это, сэр.

— Кроме «Критического положения», есть и другие первоклассные боевики ужасов: «Опасность» и «Подводный риск», их телепередачи транслируются по всей стране

и сулят огромные премии. А уж там можно пробиться и к настоящему. Успех будет зависеть от вас.

— Буду стараться, сэр, — сказал Рэдер.

Мульян на мгновение перестал жевать резинку, и в голосе его прозвучало что-то вроде почтения:

— Вы можете добиться успеха, Джим. Главное, помните: вы народ, а народ может все.

Они распрощались. Через некоторое время Рэдер подписал бумагу, освобождающую Джи-би-си от всякой ответственности на случай, если он во время состязания лишится частей тела, рассудка или жизни. Потом подписал другую бумажку, подтверждающую, что он использует свое право на основании закона о добровольном самоубийстве.

Через три недели он дебютировал в «Авариях».

Программа была построена по классическому образцу автомобильных гонок. Неопытные водители садились в мощные американские и европейские гоночные машины и мчались по головокружительной двадцатимильной трассе. Рэдер задрожал от страха, когда включил не ту скорость и его огромный «мазерати» рванулся с места.

Гонки были кошмаром, полным криков, воплей и запахов горящих автомобильных шин. Рэдер держался сзади, предоставив первым разбиваться всмятку на крутых виражах. Когда шедший перед ним «ягуар» врезался в «альфу-ромео» и обе машины с ревом вылетели на вспаханное поле, он выкарабкался на третье место. Рэдер пытался выйти на второе место на последнем трехмильном перегоне, но не смог — было слишком тесно. Раз он чуть не вылетел на зигзагообразном повороте, но ухитрился снова вывести машину на дорогу, по-прежнему удерживая третье место. На последних пятидесяти ярдах у лидирующей машины полетел коленчатый вал, и Рэдер кончил гонки вторым.

Трофеи его исчислялись тысячью долларов. Он получил четыре письма от своих поклонников, а какая-то дама из Ошкоша прислала ему пару кашпо для цветов. Теперь его пригласили участвовать в «Критическом положении».

В отличие от других программ в «Критическом положении» прежде всего нужна была личная инициатива. Перед началом боевика Рэдера лишили сознания с помощью безвредного наркотика. Очнулся он в кабине маленького аэроплана — автопилот вывел машину на высоту десять тысяч футов. Бак с горючим был уже почти пуст. Парашюта не было. И вот ему, Джиму Рэдеру, предстояло посадить самолет.

Разумеется, раньше он никогда не летал. В отчаянии Рэдер хватался за все рычаги управления, вспоминая, как участник такой же программы на прошлой неделе очнулся в подводной лодке, открыл не тот клапан и затонул.

Тысячи зрителей затаив дыхание следили за тем, как обыкновенный парень, такой же, как они, искал выход из этого положения. Джим Рэдер — это они же сами. И все, что мог сделать Джим, могли сделать и они. Он был из народа, он был их представителем.

Рэдеру удалось спуститься и произвести что-то вроде посадки. Самолет перевернулся несколько раз, но ремни оказались надежными, а мотор, как ни странно, не взорвался.

Джим выбрался из этой заварушки с двумя поломанными ребрами, тремя тысячами долларов и правом принять участие в передаче «Тореадор», когда ребра его заживут.

Наконец-то первоклассный боевик! За «Тореадора» платили десять тысяч долларов. И единственное, что он должен был сделать,— это заколоть шпагой огромного

чёрного быка, как это делают настоящие опытные тореадоры.

Состязание проводилось в Мадриде, потому что бой быков все еще находился под запретом в Соединенных Штатах. Передача транслировалась по всей стране.

Куадрилья Рэдеру попалась хорошая. Этим людям нравился долговязый медлительный американец. Пикадоры по-настоящему орудовали пиками, желая поубавить пыл у быка. Бандерильеры старались как следует погонять быка, прежде чем колоть его своими бандерилями. А второй матадор, грустный человек из Альгесисраса, чуть не поломал быку шею своими обманными движениями.

Но когда было сделано и сказано все, что нужно, на песке остался Джим Рэдер, неуклюже сжимавший красную мулету в левой руке и шпагу в правой, один на один с окровавленной тысячекилограммовой громадой быка.

Кто-то закричал: «Коли его в легкое, хомбрे! Не строй из себя героя, коли в легкое!» Но Джим помнил только одно: «Прицелься шпагой и коли позади рогов», — говорил ему технический консультант в Нью-Йорке.

Он так и колол, но шпага отскочила, наткнувшись на кость, и бык поддел Рэдера рогами, перебросив его через спину. Он поднялся на ноги, каким-то чудом оставшись без дырки в теле, взял другую шпагу и, закрыв глаза, стал снова колоть позади рогов. И бог, который хранит детей и дураков, видно, пекся о нем, потому что шпага вошла в тело быка, как иголка в масло. Бык, взглянув на него испуганно и недоверчиво, обмяк и рухнул.

На сей раз заплатили десять тысяч долларов, а поломанная ключница зажила в совершенно пустячный срок. Рэдер получил двадцать три письма от своих поклонников, и среди них был страстный призыв какой-то девушки из Атлантик-Сити, которым он пренебрег. Кроме того, ему предложили принять участие в новой передаче.

Теперь Рэдер не был таким простаком. Он отлично сознавал, что чуть не поплатился жизнью за весьма умеренную сумму карманных денег. Большой куш был впереди, и если уж стараться, то лишь ради него.

Так Рэдер появился в «Подводном риске», который оплачивала фирма «Мыло красотки». В акваланге, с ластами и балластным поясом, вооруженный ножом, он вместе с четырьмя другими участниками состязания нырнул в теплые воды Карибского моря. Туда же опустили защищенных решеткой телекамеру и операторов. Состязавшиеся должны были разыскать и вытащить из воды сокровище, спрятанное там представителями фирмы, которая оплачивала программу.

Само по себе подводное плавание не было особенно опасным. Но организаторы состязания постарались для привлечения публики оживить его различными пикантными деталями. Местность была нашпигована гигантскими спрутами, муренами, акулами разных видов, ядовитыми кораллами и другими ужасами морских глубин.

Зрелище получилось захватывающее. Один из участников состязания сумел добраться до сокровища, лежавшего в глубокой расщелине, но тут мурена добралась до него самого. Другой ухватился за сокровище в тот самый момент, когда за него ухватилась акула. Сине-зеленые воды морских глубин окрасились кровью — по цветному телевидению это было хорошо видно. Сокровище ускользнуло на дно, и тут за ним нырнул Рэдер. От большого давления у него чуть не лопнули барабанные перепонки. Он подобрал бесценный груз, отцепил свой балластный пояс, чтобы всплыть. В тридцати футах от поверхности ему пришлось бороться за сокровище с другим участником состязания.

Маневрируя под водой, они размахивали ножами. Противник рассек Рэдеру грудь. Но Рэдер с самооблада-

нием бывалого борца отбросил нож и вырвал изо рта у противника трубку, по которой поступал воздух.

На этом все кончилось. Рэдер всплыл на поверхность и передал на стоявшую поблизости лодку спасенное сокровище. Им оказалась партия мыла «Величайшее из сокровищ», изготовленного фирмой «Мыло красотки».

Он получил двадцать две тысячи долларов наличными и триста восемь писем от поклонников, в числе которых было одно заслуживающее внимания — предложение девушки из Макона. Он серьезно задумался над этим. Рэдера положили в больницу, где ему бесплатно лечили рассеченную грудь и барабанные перепонки, а также делали прививки против коралловой инфекции.

И вот новое приглашение в крупнейший боевик «Премия за риск».

Тут-то и начались настоящие неприятности...

Внезапная остановка поезда вывела его из задумчивости. Рэдер сдвинул шляпу и увидел, что мужчина напротив поглядывает на него и что-то шепчет толстой соседке. Неужели его узнали?

Как только двери раскрылись, он вышел и взглянул на часы. Оставалось еще пять часов.

На станции Манхассет он сел в такси и попросил отвезти его в Нью-Сэлем.

— В Нью-Сэлем? — переспросил шофер, разглядывая его в зеркальце над ветровым стеклом.

— Точно.

Шофер включил свою радио: «Плата до Нью-Сэлема. Да, правильно, Нью-Сэлема. Нью-Сэлема».

Они тронулись. Рэдер нахмурился, размышляя, не было ли это сигналом. Конечно, ничего необычного, таксис-

ты всегда сообщают о поездке своему диспетчеру. И все же в голосе шо夫ера было что-то...

— Высадите меня здесь, — сказал Рэдер.

Заплатив, он отправился пешком вдоль узкой проселочной дороги, петлявшей по жидкому лесу. Деревья тут были слишком редкие и низкорослые для того, чтобы укрыть его. Рэдер продолжал шагать в поисках убежища.

Сзади послышался грохот тяжелого грузовика. Рэдер все шагал, низко надвинув шляпу на глаза. Однако, когда грузовик подошел ближе, он вдруг услышал голос из телеприемника, спрятанного в кармане: «Берегись!»

Он кинулся в канаву. Грузовик, накренившись, промчался рядом, едва не задев его, и со скрежетом затормозил. Шофер кричал:

— Вон он! Стреляй, Гарри, стреляй!

Рэдер бросился в лес, пули сшибали листья с деревьев над его головой.

«Это случилось снова! — заговорил Майк Терри, его голос звенел от возбуждения. — Боюсь, что Джим Рэдер позволил себе успокоиться, поддавшись ложному чувству безопасности. Ты не должен был делать этого, Джим! Ведь на карту поставлена твоя жизнь! За тобой гонятся убийцы! Будь осторожен, Джим, осталось еще четыре с половиной часа!»

Шофер сказал:

— Гарри, Клод, а ну, быстро на грузовик! Теперь он попался.

«Ты попался, Джим Рэдер! — воскликнул Майк Терри. — Но они еще не схватили тебя! И можешь благодарить добрую самаритянку Сьюзи Петерс, проживающую в доме двенадцать по Элм-стрит, в

Саут Орандже, штат Нью-Джерси, за то, что она предупредила тебя, когда грузовик приближался! Через минуту мы покажем вам крошку Сьюзи... Взгляните, друзья, вертолет нашей студии прибыл на место действия. Теперь вы можете видеть, как бежит Джим Рэдер и как убийцы окружают его...»

Пробежав сотню ярдов по лесу, Рэдер очутился на бетонированной автостраде. Позади остался редкий перелесок. Один из бандитов бежал оттуда прямо к нему. Грузовик, въехав на автостраду, тоже мчался к нему.

И вдруг с противоположной стороны выскочила легковая машина. Рэдер выбежал на шоссе, отчаянно размахивая руками. Машина остановилась.

— Скорей! — крикнула молодая блондинка, сидевшая за рулем.

Рэдер юркнул в машину. Девушка круто развернула ее. Пуля шлепнулась в ветровое стекло. Девушка изо всех сил жала на акселератор, они чуть не сшибли бандита, стоявшего у них на пути.

Машина успела проскочить, прежде чем грузовик подъехал на расстояние выстрела.

Рэдер, откинувшись на сиденье, плотно сомкнул веки. Девушка сосредоточила все внимание на езде, поглядывая время от времени в зеркальце на грузовик.

«Это случилось опять! — кричал Майк Терри в экстазе. — Джим Рэдер снова вырван из когтей смерти благодаря помощи доброй самаритянки Джэнис Морроу, проживающей в доме четыреста тридцать три по Лексингтон-авеню, Нью-Йорк. Вы видели когда-нибудь что-либо подобное, друзья? Мисс Морроу промчалась под градом пуль и вырвала Джима Рэдера из рук смерти! Позднее мы

проинтервьюирем мисс Морроу и расспросим о ее ощущениях. А сейчас, пока Джим мчится прочь, — может быть, навстречу спасению, а может, навстречу новой опасности — прослушайте кратенькое объявление организаторов передачи. Не отходите от телевизоров! Джиму осталось четыре часа десять минут, и тогда он в безопасности. Но... Всякое может случиться!»

— Окей, — сказала девушка, — теперь нас отключили. Черт возьми, Рэдер, что с вами творится?

— А? — спросил Рэдер.

Девушке было немногим больше двадцати. Она казалась хорошенькой и неприступной. Рэдер заметил, что у нее приятное лицо, аккуратная фигурка. Еще он заметил, что она злится.

— Мисс, — сказал он. — Не знаю, как и благодарить вас.

— Поговорим начистоту, — сказала Джэнис Морроу. — Я вовсе не добрая самаритянка. Я на службе у Джи-би-си.

— Так это они решили меня спасти!

— Какая сообразительность! — сказала она.

— А почему?

— Видите ли, Рэдер, это дорогая программа. И мы должны дать хорошее представление. Если число слушателей уменьшится, то мы окажемся на улице. А вы нам не помогаете.

— Как? Почему?

— Да потому, что вы просто ужасны, — сказала девушка с раздражением, — вы не оправдали наших надежд и никуда не годитесь. Что вам, жизнь надоела? Неужели вы ничему не научились?

— Я стараюсь изо всех сил,

— Да люди Томпсона могли бы вас прихлопнуть десять раз. Просто мы сказали им, чтоб они полегче, не торопились. Ведь это все равно, что стрелять в глиняную шестифутовую птичку. Люди Томпсона идут нам навстречу, но сколько они могут притворяться? Если бы я сейчас не подъехала, им бы пришлось убить вас, хотя время передачи еще не истекло.

Рэдер смотрел на нее, не понимая, как может хорошенькая девушка говорить такое. Она взглянула на него, потом быстро перевела взгляд на дорогу.

— И не смотрите на меня так! — сказала она. — Вы сами решили рисковать жизнью за деньги, герой. И за большие деньги. Вы знали, сколько вам заплатят. Поэтому не стройте из себя бедняжку бакалейщика, за которым гоняются злые хулиганы.

— Знаю, — сказал Рэдер.

— Так вот, если вы не сможете выпутаться, то постарайтесь хоть умереть как следует.

— Нет, неправда, вы не это хотели сказать, — заговорил Рэдер.

— Вы так уверены? До конца передачи осталось еще три часа сорок минут. Если сможете выжить, отлично. Тогда ваша взяла. А если нет, то заставьте их хоть побегать за эти деньги.

Рэдер кивнул, не отрывая от нее взгляда.

— Через несколько секунд мы снова будем в эфире. Я разыграю поломку автомобиля и выпущу вас. Банды Томпсона пока не видно. Они убьют вас теперь, как только им это удастся. Ясно?

— Да, — сказал Рэдер. — Если я уцелею, смогу я когда-нибудь вас увидеть?

Она сердито прикусила губу.

— Вы что, одурачить меня хотите?

— Нет, просто хочу вас снова увидеть. Можно?

Она с любопытством взглянула на него.

— Не знаю. Оставьте это. Мы почти приехали. Думаю, вам лучше держаться леса. Готовы?

— Да. Где я смогу найти вас? Я хочу сказать — потом, после этого...

— О Рэдер, вы совсем не слушаете. Бегите по лесу, пока не найдете овражек. Он небольшой, но там хоть укрыться можно.

— Где мне найти вас? — снова спросил Рэдер.

— Найдете по телефонной книге Манхэттена, — она остановила машину. — Окей, Рэдер, бегите.

Он открыл дверцу.

— Подождите, — она наклонилась и поцеловала его. — Желаю вам успеха, болван. Позвоните, если выпутаетесь.

Он выскочил и бросился в лес.

Он бежал между берез и сосен, мимо уединенного домика, где из большого окна на него глазело множество лиц. Кто-то из обитателей этого домика, должно быть, и позвал бандитов, потому что они были совсем близко, когда он добрался до вымытого дождями небольшого овражка. «Эти степенные, уважающие законы граждане не хотят, чтобы я спасся, — с грустью подумал Рэдер. — Они хотят посмотреть, как меня убьют». А может, они хотят посмотреть, как он будет на волосок от смерти и все же избежит ее?

Он спустился в овражек, зарылся в густые заросли и замер. Бандиты Томпсона показались по обе стороны оврага. Они медленно шли вдоль него, внимательно вглядываясь. Рэдер сдерживал дыхание.

Послышался выстрел. Это один из бандитов подстрелил белку. Поверещав немного, она смолкла.

Рэдер услышал над головой гул вертолета телестудии. Наведены ли на него камеры? Вполне возможно. Если какой-нибудь добрый самаритянин поможет ему...

Глядя в небо, в сторону вертолета, Рэдер придал лицу подобающее благочестивое выражение и сложил руки. Он молился про себя, потому что публике не нравилось, когда выставляли напоказ свою религиозность. Но губы его шевелились.

Он шептал настоящую молитву. Ведь однажды глухонемой, смотревший передачу, разоблачил беглеца, который вместо молитвы шептал таблицу умножения. А такие штучки не сходят с рук!

Рэдер закончил молитву. Взглянув на часы, он убедился, что осталось еще почти два часа.

Он не хотел умирать! Сколько бы ни заплатили, умирать не стоило! Он просто с ума сошел, был совершенно не в своем уме, когда согласился на это...

Но Рэдер знал, что это неправда. Он был в здравом уме и твердой памяти.

Всего неделю назад он стоял на эстраде в студии «Премии за риск», мигая в свете прожекторов, а Майк Терри тряс ему руку.

— Итак, мистер Рэдер, — сказал Терри серьезно, — вы поняли правила игры, которую собираетесь начать?

Рэдер кивнул.

— Если вы примете их, то всю неделю будете человеком, за которым охотятся. За вами будут гнаться убийцы, Джим. Опытные убийцы, которых закон преследовал за преступления, но им дарована свобода для совершения этого единственного вполне законного убийства, и они будут стараться, Джим. Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал Рэдер. Он понимал также, что выиграет двести тысяч долларов, если сумеет продержаться в живых эту неделю.

— Я снова спрашиваю вас, Джим Рэдер. Мы никого не заставляем играть, ставя на карту свою жизнь.

— Я хочу сыграть, — сказал Рэдер.

Майк Терри повернулся к зрителям.

— Леди и джентльмены, — сказал он. — У меня есть результаты исчерпывающего психологического исследования, сделанного по нашей просьбе незаинтересованной фирмой. Всякий, кто пожелает, может получить копию этого заключения, выслав двадцать пять центов на покрытие почтовых расходов. Исследование показало, что Джим Рэдер вполне нормальный, психически уравновешенный человек, полностью отвечающий за свои поступки. — Он обернулся к Рэдеру. — Вы все еще хотите принять участие в состязании, Джим?

— Да, хочу.

— Отлично! — закричал Майк Терри. — Итак, Джим Рэдер, познакомьтесь с теми, кто будет стараться убить вас!

Под свист и улюлюканье зрителей на сцену стала выходить банда Томпсона.

— Взгляните на них, друзья, — произнес Майк Терри с нескрываемым презрением. — Только поглядите на них. Это человеконенавистники, коварные, злобные и абсолютно безнравственные. Для этих людей не существует других законов, кроме уродливых законов преступного мира, не существует других понятий чести, кроме тех, что необходимы трусливому наемному убийце.

Публика волновалась.

— Что вы можете сказать, Клод Томпсон? — спросил Терри.

Клод, выступавший от лица банды, подошел к микро-

фону. Это был худой, гладко выбритый и старомодно одетый человек.

— Я так думаю, — сказал он хрипло. — Я так думаю, мы не хуже других. Ну, вроде как солдаты на войне, они то убивают. А возьми эти всякие там взятки или подкуп в правительстве или в профсоюзах. Да все берут кто во что горазд.

Больше ничего Томпсон не мог сказать. Но как быстро и решительно Майк Терри опроверг доводы убийцы! Он разбил его в пух и прах! Вопросы Терри были точно в цель — прямо в жалкую душонку Томпсона.

К концу интервью Клод Томпсон основательно вспотел, вытирая лицо шелковым платком, бросал быстрые взгляды на своих сообщников.

Майк Терри положил руку на плечо Рэдеру:

— Вот человек, который согласился стать вашей жертвой, если только вы сможете поймать его.

— Поймаем, — сказал Томпсон, к которому сразу же вернулась уверенность.

— Не будьте так самонадеянны, — сказал Терри. — Джим Рэдер дрался с дикими быками — теперь он выступает против шакалов. Он средний человек. Он из народа... Он — сам народ. Народ, который прикончит вас и вам подобных.

— Все равно ухлопаем, — сказал Томпсон.

— И еще, — продолжал Терри спокойно и проникновенно. — Джим Рэдер не одинок. Простые люди Америки на его стороне. Добрые самаритяне во всех уголках нашей необъятной страны готовы прийти ему на помощь. Безоружный и беззащитный Джим Рэдер может рассчитывать на добросердечие. Он — их представитель! Так что не будьте слишком-то уверены в себе, Клод Томпсон! Обыкновенные люди, простые люди выступают за Джима Рэдера, а их ведь очень много, простых людей!

Рэдер размышлял об этом, лежа неподвижно в густых зарослях на дне овражка. Да, люди помогали ему. Но они помогали и его убийцам.

Джим содрогнулся; он сам сделал выбор и только он сам за все ответствен. Это подтверждено психологическим исследованием.

И все-таки в какой мере были ответственны психологии, которые его обследовали? А Майк Терри, посуливший такую кучу денег бедному человеку? Общество сплело петлю и набросило ее на него, а он, с петлей на шее, называл это свободным волеизъявлением.

Кто же в этом виноват?

— Ага! — послышался чей-то возглас.

Рэдер поднял взгляд и увидел над собой упитанного плотного мужчину. На нем была пестрая куртка из твида. На шее висел бинокль, а в руках он держал трость.

— Мистер, пожалуйста, не говорите...

— Эй! — заорал толстяк, указывая на него тростью. — Вот он!

«Сумасшедший, — подумал Рэдер. — Проклятый дурак, наверно, думает, что они тут играют в прятки!»

— Сюда, сюда! — визжал мужчина.

Рэдер, ругаясь, вскочил на ноги и бросился прочь. Выбежав из овражка, он увидел в отдалении белое здание. К нему он и кинулся. Сзади кричал толстяк:

— Вон туда, туда! Да глядите же, болваны, вы не видите его, что ли?

Бандиты снова открыли стрельбу. Рэдер бежал, спотыкаясь о кочки. Он поравнялся с игравшими детьми.

— Вот он! — завизжали дети. — Вот он!

Рэдер застонал и бросился дальше. Добравшись до ступенек белого здания, он обнаружил, что это церковь.

В этот момент пуля ударила ему в ногу, возле колена. Он упал и пополз в здание церкви.

Телеприемник у него в кармане говорил:

«Что за финиш, друзья мои, что за финиш! Рэдер ранен! Он ранен, друзья мои, он ползет, он страдает от боли, но он не сдался! Нет, не таков Джим Рэдер!»

Рэдер лежал в приделе, около алтаря. Он слышал, как детский голосок сказал захлебываясь: «Он вошел туда, мистер Томпсон. Скорее, вы еще можете схватить его».

«Разве церковь не является убежищем, святыней?» — подумал Рэдер.

Дверь распахнулась настежь, и он понял, что никаких обычав больше не существует. Собравшись с силами, Рэдер пополз за алтарь, потом дальше, к заднему выходу.

Он оказался на старом кладбище. Он полз среди крестов, среди мраморных и гранитных намогильных плит, среди каменных надгробий и грубых деревянных дощечек. Пуля стукнула в надгробие над его головой. Рэдер добрался до вырытой могилы и сполз в нее.

Он лежал на спине, глядя в небесную синеву. Вдруг черная фигура нависла над ним, заслонив небо. Звякнул металл. Фигура целилась в него.

Рэдер навсегда распрощался с надеждой.

«Стоп, Томпсон!» — голос Майка Терри ревел, усиленный передатчиком.

Револьвер дрогнул.

«Сейчас одна секунда шестого! Неделя истекла! Джим Рэдер победил!»

Из студии донесся нестройный приветственный крик публики. Банда Томпсона угрюмо окружила могилу.

«Он победил, друзья, он победил! — надрывался Майк Терри. — Смотрите, смотрите на экраны!

Прибыли полицейские, они увозят бандитов Томпсона прочь от их жертвы — жертвы, которую они так и не смогли убить. И все это благодаря вам, добрые самаритяне Америки. Взгляните, друзья мои, бережные руки вынимают Джима Рэдера из могилы, которая была его последним прибежищем. Добрая самаритянка Джэнис Морроу тоже здесь. Как знать, может, это начало романа? Джим, кажется, в обмороке, друзья, они дают ему возбуждающее. Он выиграл двести тысяч долларов! А теперь несколько слов скажет сам Джим Рэдер!..»

Последовала короткая пауза.

«Странно, — сказал Майк Терри. — Друзья, боюсь, сейчас мы не сможем услышать голос Джима. Доктор осматривает его. Минуточку...»

Снова последовала пауза. Майк Терри вытер лоб и улыбнулся.

«Это переутомление, друзья, страшное переутомление. Так сказал доктор... Ну что ж, друзья; Джим Рэдер сейчас немного незддоров. Но это пройдет! На службе Джи-би-си лучшие психиатры и психоаналитики страны. Мы сделаем для этого храброго парня все, что будет в человеческих силах. И все это за наш счет. — Майк Терри бросил взгляд на студийные часы. — А теперь время кончать, друзья. Следите за объявлениями о нашей новой грандиозной программе ужасов. И не расстраивайтесь. Я уверен, что вскоре мы снова увидим Джима Рэдера среди нас».

Майк Терри улыбнулся и подмигнул зрителям.

«Он просто обязан выздороветь. Ведь мы все ставим на него!»

СРОК АВАНСОМ

Через двадцать минут после того, как тюремный космоплан приземлился на нью-йоркском космодроме, на борт допустили репортеров. Они бурлящим потоком хлынули в главный коридор, напирая на вооруженных до зубов надзирателей, за которыми им полагалось следовать, — впереди мчались обозреватели и хроникиры, а замыкали лавину телеоператоры, бормоча проклятья по адресу своей портативной, но все-таки тяжелой аппаратуры.

Репортеры, не замедляя бега, огибали космонавтов в черно-красной форме Галактической тюремной службы, которые быстро шагали навстречу, торопясь не упустить ни минуты из положенного им планетарного отпуска — ведь через пять дней космоплан уйдет в очередной рейс с новым грузом каторжников.

Репортеры не удостаивали взглядом этих бесцветных субъектов, чье существование исчерпывается монотонными рейсами из конца в конец Галактики. К тому же жизнь и приключения гетеэсовцев описывались уже столько раз, что тема эта давно была выжата досуха. Нет, сенсационный материал ждал их впереди!

Глубоко в брюхе корабля надзиратели раздвинули створки огромной двери и отскочили в сторону, опасаясь, что их сбьют с ног и растопчут. Репортеры буквально повисли на прутьях железной решетки, которая отгораживала огромную камеру. Их жадные взгляды метались по камере, наталкиваясь на холодное равнодушие и лишь редко на любопытство в глазах людей в серых комбинезонах — люди эти лежали и сидели на нарах, которые рял

за рядом, ярус над ярусом безотрадно тянулись по всей длине трюма. И каждый человек в сером сжимал в руке пакет, склеенный из простой оберточной бумаги, а некоторые нежно его поглаживали. Старший надзиратель, выковыривая из зубов остатки завтрака, неторопливо приблизился к решетке с внутренней стороны.

— Здорово, ребята, — сказал он. — Кого это вы высматриваете? Я вам не могу помочь?

Кто-то из наименее молодых и наиболее известных хроникеров предостерегающе поднял палец.

— Бросьте эти штучки, Андерсон! Космолет сел с опозданием на полчаса, и нас еще двадцать минут проманикли у трапа. Где они, черт подери?

Андерсон несколько секунд смотрел, как телеоператоры локтями отвоевывают место у самой решетки для себя и своей аппаратуры. Потом он извлек из зuba последний кусочек мяса.

— Стервятники! — бормотал он. — Охотники за мертвениной! Упыри!

Затем, ловко перехватив дубинку, старший надзиратель стал выбивать частую дробь по прутьям решетки.

— Крэндол! — рявкнул он. — Хенк! Вперед и на середину!

Надзиратели, которые, поигрывая дубинками, мерным шагом расхаживали между многоярусными нарами, подхватили команду:

— Крэндол! Хенк! Вперед и на середину!

Их крики метались по камере, отлетая рикошетом от гигантских сводов:

— Крэндол! Хенк! Вперед и на середину!

Никлас Крэндол сел поджав ноги на своих нарах в пятом ярусе и сердито поморщился. Он было задремал и теперь протирал слипающиеся глаза. На тыльной стороне его кисти багровели три параллельных рубца — три

прямые борозды, какие может оставить когтистая лапа хищного зверя. Над самыми бровями кожу рассекал темный зигзаг еще одного шрама. А в мочке левого уха чернела круглая дырочка. Кончив протирать глаза, он раздраженно почесал это ухо.

— Торжественная встреча! — проворчал он. — Можно было догадаться заранее! Все та же распроклятая Земля со всеми ее прелестями!

Крэндол перекатился на живот и похлопал по щеке щуплого человечка, который хрюпал на нарах прямо под ним.

— Отто! — позвал он. — Отто-Блотто, давай, шевелись! Нас требуют.

Хенк, еще не открыв глаза, сразу подскочил и сел, подобрав под себя ноги. Его правая рука потянулась к шее, покрытой сеткой зигзагообразных рубцов такого же цвета и величины, как шрам на лбу Крэндола. На руке не хватало двух пальцев — указательного и среднего.

— Хенк здесь, сэр! — хрипло сказал он, потряс головой и, открыв глаза, посмотрел на Крэндола. — А, это ты, Ник... Что случилось?

— Мы прибыли, Отто-Блотто. Мы на Земле, и наши свидетельства скоро будут готовы. Еще полчаса, и ты сможешь упиться коньяком, пивом, водкой и поганым виски на всю свою наличность. Тебе уже больше не придется пить тюремную самогонку из консервной банки под нижней койкой, Отто-Блотто.

Хенк крякнул и опрокинулся на спину.

— Через полчаса! Так чего же ты разбудил меня сейчас? Что я тебе — карманник, который сначала украл, потом отсидел и теперь визжит от нетерпения, ах, где его свидетельство? Ник, а мне приснился еще один способ, как покончить с Эльзой, — совсем новый и такой, что закачаешься...

— Лягали разорались, — ответил Крэндол по-прежнему негромко и спокойно. — Слышишь? Им требуемся мы — ты и я.

Хенк снова сел, прислушался и кивнул.

— Почему такие голоса бывают только у галактических лягашей, а?

— Согласно инструкции, — заверил его Крэндол. — Чтобы стать галактическим лягашом, требуется максимальный рост, минимальное образование и максимально противный голос в сочетании со способностью оглушительно орать. А без этого, какой бы ты ни был мерзопакостной сволочью, придется тебе, брат, сидеть на Земле и отводить душу, штрафуя почтенных старушек на допотопных вертолетах за превышение скорости.

Надзиратель, остановившись под ними, сердито стукнул по металлической стойке.

— Крэндол! Хенк! Вы еще каторжники, не забывайте! Даю вам две секунды, или я влезу к вам и обработаю напоследок по старой памяти.

— Есть, сэр! Иду, сэр! — отозвались они хором и начали спускаться по нарам, не выпуская из рук пакетов с одеждой, которую они когда-то носили на свободе и вскоре должны были надеть снова.

— Слушай, Otto! — зачастил Крэндол беззвучным тюремным шепотом, наклоняясь к самому уху Хенка, пока они спускались. — Нас вызывают для интервью с телевизионщиками и газетчиками. Нам будут задавать сотни вопросов. Так, смотри, не проговорись про...

— Телевизионщики и газетчики? А почему нас? На что мы им сдались?

— Потому что мы знаменитости, олух! Мы отсидели за мокрое дело весь срок! А много таких, как, по-твоему? Заткнись и слушай. Если тебя спросят, кого ты наметил, молчи и улыбайся. На этот вопрос не отвечай. Понял?

Не проговорись им, за чье убийство ты отбывал срок. Как бы они к тебе ни приставали, заставить тебя отвечать они не могут. Таков закон.

Хенк на мгновение замер в полутора ярусах над полом.

— Ник! Ведь Эльза знает! Я ей сказал в тот самый день — перед тем как пошел в полицию. Она знает, что сидеть за убийство я согласился бы только ради нее!

— Она знает, она знает! Ну конечно она знает! — Крэндол беззвучно и быстро выругался. — Но доказать-то она этого не может, тупица! А стоит тебе объявить об этом при свидетелях, и она получает право приобрести оружие и застрелить тебя без предупреждения — в порядке самообороны. А если ты промолчишь, права на это у нее не будет. Ведь она все еще твоя бедная женушка, которую ты клялся у алтаря любить, почитать и лелеять. С точки зрения всего мира...

Надзиратель привстал на цыпочки и полоснул дубинкой по их спинам. Они свалились на пол и съежились, а он рычал:

— Я вам разрешил точить лясы? Разрешил? Если у нас останется время до того, как вам выдадут свидетельства, я сведу вас, умников, в надзирательскую для последней выволочки. А теперь — живо!

Они покорно побежали, точно цыплята от разъяренной собаки. У решетки, отгораживавшей камеру, надзиратель отдал честь и доложил:

— Допреступники Никлас Крэндол и Отто Хенк, сэр!

Старший надзиратель Андерсон в ответ небрежно поднял руку к козырьку и повернулся к заключенным.

— Эти господа хотят задать вам пару вопросов. Отвечайте — это вам не повредит. Можете идти, О'Брайен.

Голос старшего надзирателя был исполнен величайшего благодушия. На его лице широким полумесяцем иг-

рала улыбка. Надзиратель О'Брайен снова отдал честь и отошел, а Крэндол перебрал в памяти все, что он успел узнать об Андерсоне за месяц перелета от Проксимы Центавра. Андерсон задумчиво покачивает головой, когда этого беднягу Минелли... его ведь звали Стив Минелли?.. прогнали сквозь строй вооруженных дубинками надзирателей за то, что он пошел в уборную без разрешения. Андерсон хихикает и бьет ногой в пах седого каторжника, заговорившего с соседом во время обеда... Андерсон...

И все-таки в храбости ему отказаться нельзя — ведь он знал, что на его корабле находятся два допреступника, отбывшие срок за убийство. Впрочем, он, наверное, знал и то, что они не станут тратить свои убийства на него, как бы он ни зверствовал. Человек не отправляется добровольно на долгие годы в ад только ради удовольствия пришить одного из местных дьяволов.

— А мы обязаны отвечать на эти вопросы, сэр? — осторожно спросил Крэндол.

Улыбка старшего надзирателя стала чуть-чуть поуже.

— Я же сказал, что это вам не повредит, верно? А что-нибудь другое может и повредить. Так-то, Крэндол, все еще может. Мне бы хотелось оказать услугу представителям прессы, и вы уж, пожалуйста, будьте полюбезнее и поразговорчивее, ладно? — он слегка повел подбородком в сторону надзирательской и перехватил дубинку.

— Есть, сэр, — ответил Крэндол, а Хенк энергично кивнул. — Мы будем любезны и разговорчивы.

«Черт! — мысленно выругался Крэндол. — Если бы только это убийство не было мне так нужно для другого! Помни про Стефансона, приятель, только про Стефансона! Не Андерсон, не О'Брайен и никто другой. Только Фредерик Стоддард Стефансон!»

Пока телеоператоры по ту сторону решетки устанавливали

вали камеры, Крэндол и Хенк отвечали на обычные предварительные вопросы репортеров.

— Ну, как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Что вы намерены сделать сразу же, как получите ваши свидетельства?

— Поесть как следует. (Крэндол.)

— Напиться до чертиков. (Хенк.)

— Смотрите, как бы вам опять не угодить за решетку, уже в качестве послепреступника! (Один из хроникеров.)

Общий добродушный смех, в который, кроме репортеров, вносят свою лепту старший надзиратель Андерсон и Крэндол с Хенком.

— Как с вами обращались, пока вы находились в заключении?

— Очень хорошо. (Крэндол и Хенк в один голос, задумчиво косясь на дубинку Андерсона.)

— А вы не хотите сообщить нам, кого вы намерены убить? Или хотя бы один из вас?

(Молчание.)

— Кто-нибудь из вас передумал и решил не совершать убийства?

(Крэндол задумчиво смотрит в потолок, Хенк задумчиво смотрит в пол. Снова общий смех, в котором на этот раз слышится некоторая натянутость. Крэндол и Хенк не смеются.)

— Ну, мы готовы. Повернитесь сюда, пожалуйста, — вмешался диктор телевидения. — И улыбайтесь — нам нужна настоящая сияющая улыбка.

Крэндол и Хенк покорно расплылись до ушей, и диктор получил даже три требуемых улыбки — Андерсон не преминул примкнуть к сияющей паре.

Две камеры выпорхнули из рук операторов — одна

повисла над заключенными, другая быстро задвигалась перед их лицами: операторы управляли ими с помощью маленьких пультов, умешавшихся на ладони. Над объективом одной из камер вспыхнула красная лампочка.

— Итак,уважаемые телезрители и телезрительницы,—бархатно зарокотал диктор,—мы с вами находимся на борту тюремного космолета «Жан Вальжан», который только что приземлился на нью-йоркском космодроме. Мы явились сюда, чтобы познакомиться с двумя людьми — с двумя из той редкой категории людей, которые, добровольно отбывая срок за убийство, сумели отбыть его полностью и по закону получили право совершить по одному убийству каждый. Через несколько минут они будут освобождены, полностью отбыв семь лет заключения на каторжных планетах, — будут освобождены с правом убить любого мужчину или женщину в пределах Солнечной системы, не опасаясь никакого возмездия. Всмотритесь в их лица, дорогие телезрители и телезрительницы, — ведь, быть может, они изберут именно вас!

После этого оптимистического замечания диктор сделал небольшую паузу, и объективы впились в лица двух мужчин в серых тюремных комбинезонах. Затем диктор вошел в поле зрения камер и обратился к тому из заключенных, который был ниже ростом:

— Ваше имя, сэр?

— Допреступник Отто Хенк, номер 525 514, — привычно отбарабанил Отто-Блотто, хотя слово «сэр» его немногого сбило.

— Как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

— Прекрасно. Просто прекрасно.

— Что вы намерены сделать сразу же, как получите свидетельство?

Хенк помолчал в нерешительности, потом робко покосился на Крэндола и ответил:

— Поесть как следует.

— Как с вами обращались, пока вы находились в заключении?

— Очень хорошо. Так хорошо, как можно было ожидать.

— Как мог бы ожидать преступник, э? Но ведь вы пока еще не преступник, верно? Вы же допреступник.

Хенк улыбнулся так, словно впервые услышал это определение.

— Верно, сэр, я допреступник.

— Не хотите ли вы сообщить телезрителям, кто то лицо, из-за которого вы готовы стать преступником?

Хенк укоризненно взглянул на диктора, который испустил сочный смешок — на этот раз в полном одиночестве.

— Или, быть может, вы оставили свое намерение относительно его или ее?

Наступила пауза, и диктор сказал несколько нервно:

— Вы отбыли семь лет на полных опасностей неосвоенных планетах, готовя их для заселения человеком. Это максимальный срок, предусмотренный законом, не так ли?

— Да, сэр. С зачетом, положенным допреступникам, отбывающим срок авансом, за убийство больше семи лет не дают.

— Бьюсь об заклад, вы рады, что в наши дни смертная казнь отменена, э? Впрочем, в этом случае отбытие наказания авансом утратило бы смысл, не так ли? А теперь, мистер Хенк — или я все еще должен называть вас «допреступник Хенк»? — может быть, вы расскажете нашим телезрителям, какое происшествие из случившихся с вами за время отбытия срока вы считаете самым жутким?

— Ну-у... — Отто Хенк задумался. — Хуже всего, по-жалуй, было на Антаресе VIII, в моем втором лагере, когда большие осы начали откладывать яйца... Видите ли, на Антаресе VIII водится оса, которая в сто раз больше...

— Там вы и потеряли эти два пальца?

Хенк поднял искалеченную руку и внимательно ее оглядел.

— Нет. Указательный палец я потерял на Ригеле XII. Мы строили первый лагерь на этой планете, и я выкопал такой странный красный камень, весь в шишечках. Ну, я и ткнул в него пальцем — посмотреть, очень ли он твердый, — и кончика пальца как не бывало! Фьють — и нет его. А потом весь палец загноился, и врачи его оттяпали напрочь. Ну, да мне еще очень повезло. Кое-кто из ребят, из каторжников то есть, наткнулся на камушки побольше моего, так они потеряли кто ногу, кто руку, а один и вовсе был проглочен целиком. На самом деле ведь это были не камни, а живые твари — живые и голодные! Ригель XII такими ими и кишит. Ну, а средний палец... средний палец я потерял по глупости на космолете, когда нас перевозили в...

Диктор понимающие кивнули, кашлянули и сказал:

— Но осы, гигантские осы на Антаресе VIII были хуже всего?

Отто-Блотто не сразу сообразил, о чем идет речь, и растерянно замигал.

— А-а... Это точно. Они кладут яйца под кожу обезьян, которые водятся на Антаресе VIII, понимаете? Обезьяне, конечно, приходится туго, зато у осинных личинок есть пища, пока они не вырастут. Ну, мы там обосновались, и тут оказалось, что осы не видят никакой разницы между этими обезьянами и людьми. Все шло гладко, а потом вдруг то один хлопнется без чувств, то другой. За-

брали их в больницу, сделали рентген, и оказалось, что они прямо нашпигованы...

— Благодарю вас, мистер Хенк, но наши телезрители уже не меньше трех раз видели осу Херкмира и слушали рассказ о ней во время «Межзвездного полета». Программа эта, как вы, без сомнения, помните, дорогие телезрители, передается по средам от девятнадцати до девятнадцати тридцати по среднеземному времени. А теперь, мистер Крэндол, разрешите спросить вас, сэр, как вы себя чувствуете, вернувшись на Землю?

Крэндол выступил вперед и подвергся примерно такому же допросу, как и его товарищ.

Впрочем, произошло одно значительное отступление от шаблона. Диктор спросил, думает ли он, что Земля за это время сильно изменилась. Крэндол приготовился пожать плечами, потом вдруг усмехнулся.

— Одну заметную перемену я вижу уже сейчас, — сказал он. — Вот эти парящие в воздухе камеры, которыми управляют с помощью маленьких коробочек. В тот день, когда я расстался с Землей, этого еще не существовало. Изобретатель, наверное, неглупый человек.

— А? — диктор оглянулся. — Вы говорите о дистанционном переключателе Стефансона? Его изобрел Фредерик Стоддард Стефансон лет пять назад. Верно, Дон?

— Шесть лет, — поправилteleoperator. — Пять лет назад переключатель поступил в продажу.

— Переключатель был изображен шесть лет назад, — пояснил диктор. — А в продажу он поступил пять лет назад.

Крэндол кивнул.

— Ну, так этот Фредерик Стоддард Стефансон, должно быть, очень неглупый человек, очень-очень неглупый, — и он снова усмехнулся в объектив камеры.

«Гляди на меня! — подумал он. — Я ведь знаю, что ты

смотришь эту передачу, Фредди! Гляди на меня и трепещи!»

Диктор как будто немного опешил.

— Да... — сказал он. — Вот именно. А теперь, мистер Крэндол, не расскажете ли вы нам о самом жутком проишествии...

После того как телеоператоры собрали свое оборудование и удалились, репортеры обрушили на обоих допреступников последний шквал вопросов, надеясь выведать что-нибудь пикантное.

«Роль женщин в вашей жизни?». «Ваши любимые книги, ваше хобби, ваши развлечения?». «Встречались вам на каторжных планетах атеисты?». «Если бы вам пришлось повторить все сначала...»

Никлас Крэндол отвечал вежливо и скучно, а сам думал о Фредерике Стоддарде Стефансоне, который сидит сейчас перед своим роскошным телевизором с экраном во всю стену.

Или Стефансон уже выключил телевизор? Может быть, он сейчас сидит, уставившись на погасший экран, и старается разгадать замыслы человека, который выжил, хотя, согласно статистическим данным, у него был на это лишь один шанс из десяти тысяч, и вернулся на Землю, отбыв все семь невероятных лет в лагерях на четырех каторжных планетах...

А может быть, Стефансон, посасывая губы, вертит в руках свой бластер — бластер, которым ему не придется воспользоваться. Ведь если не будет неопровергимо доказано, что он убил, не превысив пределов необходимой обороны, ему придется отбыть за убийство полный срок без зачета в семь лет, положенного тем, кто добровольно отбывает наказание авансом. И он обречет себя на четырнадцать лет в кошмарном аду, из которого только что вернулся Крэндол.

Но может быть, Стефансон сидит, скорчившись в дорогом пневматическом кресле, и угрюмо смотрит на экран невыключенного телевизора — оледенев от ужаса и все-таки не в силах оторваться от увлекательной передачи, которую подготовила телевизионная компания в связи с возвращением двух (нет, вы только подумайте — двух!) допреступников, авансом отбывших срок за убийство.

Сейчас, наверное, передается интервью с каким-нибудь земным представителем Галактической тюремной службы, энергичным начальником отдела по связи с прессы, понаторевшим в социологических терминах.

«Скажите, мистер Имярек, — начнет диктор (другой диктор — более солидный и интеллигентный), — часто ли допреступники полностью отбывают срок за убийство и возвращаются на Землю?»

«Статистические данные, — эти слова сопровождаются шелестом бумаги и сосредоточенным взглядом вниз, за кадр, — статистические данные показывают, что человек, полностью отбывший срок за убийство с зачетом, положенным допреступникам, возвращается на Землю в среднем лишь раз в одиннадцать и семь десятых года».

«Таким образом, мистер Имярек, можно сказать, что возвращение двух таких людей в один и тот же день — событие довольно необычное?»

«Весьма необычное, иначе вы, телевизионщики, не подняли бы вокруг него такую шумиху». (Жирный смешок, которому вежливо вторит диктор.)

«А что происходит с теми, кто не возвращается, мистер Имярек?»

(Изящный взмах широкой пухлой руки.)

«Они гибнут. Или отказываются от своего намерения. Семь лет на каторжных планетах — это не шутка. Работа там не для неженок — не говоря уж о местных живых

организмах, как крупных, человекоядных, так и крохотных, вирусоподобных. Вот почему тюремные служащие получают такую высокую плату и такие длительные отпуска. В некотором смысле мы вовсе не отменяли смертной казни, а только заменили ее общественно-полезным подобием рулетки. Любой человек, совершивший или намеренный совершить одно из особо опасных преступлений, высыпается на планету, где его труд принесет пользу всему человечеству и где у него нет стопроцентной гарантии, что он вернется на Землю — хотя бы даже калекой. Чем серьезнее преступление, тем длиннее срок и, следовательно, тем меньше шансов на возвращение».

«Ах, вот как! Но, мистер Имярек, вы сказали, что они либо гибнут, либо отказываются от своего намерения. Не будете ли вы так добры объяснить нашим телезрителям, в чем выражается этот их отказ и что тогда происходит?»

Мистер Имярек откидывается в кресле и сплетает пухлые пальцы на округлом брюшке.

«Видите ли, всякий допреступник имеет право обратиться к начальнику лагеря с просьбой о немедленном освобождении, для чего достаточно заполнить соответствующий бланк. Этого человека немедленно снимают с работ и с первым же кораблем отправляют на Землю. Соль тут вот в чем: та часть срока, которую он уже отбыл, полностью аннулируется, и он не получает никакой компенсации. Если, выйдя на свободу, он совершает настоящее преступление, он должен отбыть положенный срок полностью. Если он вновь выражает желание отбыть срок авансом, то опять отывает его с самого начала, хотя, разумеется, с положенным зачетом. Трое из каждого четырех допреступников подают просьбу об освобождении в первый же год. Эти планеты быстро приедаются».

«Да, я думаю! — соглашается диктор. — Но мы хотели бы узнать ваше мнение о зачете, положенном допреступ-

никам. Ведь многие, как вам известно, считают, что такое сокращение срока вдвое слишком соблазнительно и порождает допреступников».

По холеному благообразному лицу пробегает еле уловимая гримаса злости, которая тотчас сменяется снисходительно-презрительной улыбкой.

«Боюсь, что эти люди, хотя и движимые самыми лучшими побуждениями, не слишком осведомлены в вопросах современной криминалистики и пенологии. Мы вовсе не стремимся уменьшать число допреступников, мы стремимся его увеличивать.

Вы помните, я сказал, что трое из четырех подают просьбу об освобождении в первый же год? Эти индивиды были достаточно благоразумны и попытались отбыть лишь половину срока, положенного за их преступление. Так неужели же они будут настолько глупы и все-таки совершают преступление с риском получить полный срок без зачета, когда уже убедились, что не могут выдержать и двенадцати месяцев каторги? Не говоря уж о том, что на этих планетах, где выживают лишь отдельные счастливчики, вытянувшие выигрышный билет в лотерее борьбы за существование, они на практике постигают ценность человеческой жизни, необходимость социального сотрудничества и преимущества цивилизованных методов.

А тот, кто не просит об освобождении? Ну, у него есть достаточно времени, чтобы желание совершить задуманное преступление совсем остыло, не говоря уж и о гораздо большей вероятности того, что он погибнет и останется ни с чем. Таким образом, число допреступников, которые возвращаются и совершают задуманное преступление, настолько мало, что общество оказывается в колоссальном выигрыше! Разрешите, я приведу несколько цифр.

Оценка по шкале Лазареса показывает, что уменьшение числа одних только предумышленных убийств со временем введения зачета для допреступников составляет 41% для Земли, 33 $\frac{1}{3}$ % для Венеры, 27% для...»

«Плохим, очень плохим утешением послужат Стефансону эти 41% и 33 $\frac{1}{3}$ %», — с удовольствием подумал Никлас Крэндол. Сам он учтивался в другой граве этих статистических выкладок — человек, который по достаточно веской причине хочет убить некоего Фредерика Стоддарда Стефансона. Он был остатком на странице вычитаний и погашений — вопреки вероятности он вернулся после семи лет каторги, чтобы получить товар, оплаченный авансом.

Он и Хенк. Два воплощения до нелепости крохотного шанса. Жена Хенка, Эльза... может быть, и она сидит перед своим телевизором, точно птица, завороженная взглядом змеи, в тупом отчаянии надеясь, что объяснения представителя Галактической тюремной службы подскажут ей, как избежать неизбежного, как спастись от столь редкой судьбы, которая ей уготована.

Впрочем, об Эльзе пусть думает Отто-Блотто. Пусть радуется: он дорого заплатил за это право. Но Стефансон принадлежит ему, Крэндолу.

«Я хочу, чтобы этот долговязый бандит как следует попотел от страха, я буду выжидать своего часа, и пусть он трястется!»

Репортеры продолжали допрос, но тут громкоговоритель над их головами откашлялся и объявил:

«Заключенные, на выход! Первый десяток собирается и идет в канцелярию начальника корабля. Все правила внутреннего распорядка строго соблюдаются до самого конца. Вызываются: Артур, Ауглюк, Гарфинкель, Гомес, Грэхем, Крэндол, Феррара, Фу-Йен, Хенк...»

Через полчаса они уже шли по центральному коридору к трапу в своей старой гражданской одежде. У выхода они предъявили свидетельства часовому, механически угодливо улыбнулись Андерсону, когда он крикнул в иллюминатор: «Эй, ребята, возвращайтесь поскорее!», и сбежали по наклонным сходням на поверхность планеты, которую не видели семь долгих мучительных лет.

У выхода их опять поджидали репортеры и фотографы, а также один телеоператор, которому было поручено показать их миру в первые минуты свободы.

Вопросы, вопросы — но теперь они могли позволить себе резкие ответы, хотя им было еще трудно отвечать грубо кому бы то ни было, кроме товарищей по заключению.

К счастью, внимание репортеров отвлек третий допреступник, который шел с ними. Фу-Иен отбыл два года с зачетом за избиение с нанесениемувечий. А к тому же он лишился обеих рук и одной ноги в едких махах. Проциона III всего за месяц до освобождения и теперь медленно ковылял по сходням на здоровой ноге и протезе — держаться за перила ему было нечем.

Когда репортеры с неподдельным интересом принялись расспрашивать его, каким образом он намерен осуществить избиение, не говоря уж о нанесенииувечий, при столь ограниченных возможностях, Крэндол толкнул Хенка локтем, они быстро сели в ближайшее гиротакси и попросили водителя отвезти их в какой-нибудь бар — поскромнее и потише.

Полная свобода выбора совершенно ошеломила Отто-Блотто.

— Ник, я не могу! — прошептал он. — Слишком уж тут много всякой выпивки!

Крэндол вывел его из затруднения, заказав для них обоих.

— Два двойных виски, — сказал он официантке. — И больше ничего.

Когда виски было принесено, Отто-Блотто уставился на рюмку с грустной недоуменной нежностью — так смотрит отец на сына подростка, которого в последний раз видел еще грудным младенцем. Он осторожно протянул к ней трясущуюся руку.

— За смерть наших врагов! — сказал Крэндол и, залпом выпив свое виски, стал смотреть, как Отто-Блотто медленно прихлебывает, смакуя каждую каплю.

— Не увлекайся! — сказал он предостерегающе. — Не то Эльза и не заметит твоего возвращения — разве что будет возить цветы по приемным дням в клинику для алкоголиков.

— Можешь не опасаться, — проворчал Отто-Блотто в пустую рюмку. — Я вскормлен на этом зелье. Да и в любом случае больше я не пью, пока с ней не разделаюсь. Я так все и задумал, Ник: одна рюмка, чтобы отпраздновать свободу, потом Эльза. Я выдержал эти семь лет не для того, чтобы теперь по собственной промашке остьяться в дураках.

Хенк поставил рюмку на стол.

— Семь лет то в одном кромешном аду, то в другом. А до этого — двенадцать лет с Эльзой. Двенадцать лет она измывалась надо мной как хотела, смеялась мне в глаза и говорила, что по закону она моя жена, что я обязан ее содержать и буду ее содержать, а не то мне же будет хуже. А чуть только я переставал ползать перед ней на брюхе, она тут же находила способ упечь меня за решетку. Потом через месяц-другой говорила судье, что я, наверное, образумился и она готова меня простить! Я на коленях просил ее дать мне развод, в ногах у нее валялся — детей у нас нет, она здоровая, молодая, а она только смеялась мне в лицо. Когда ей надо было засадить

меня, так перед судьей она плакала и рыдала, но когда мы оставались с ней вдвоем, она только хохотала, глядя, как меня корчит. Я содержал ее, Ник. Отдавал ей все, что зарабатывал, почти до последнего цента, но этого ей было мало. Ей нравилось смотреть, как я корчусь, она сама мне так и сказала. Ну, а сейчас пришел ее черед корчиться. — И крякнув, он добавил: — Женятся только дураки.

Крэндол поглядел в открытое окно, рядом с которым он сидел. Там на множестве уходящих все ниже и ниже уровней бурлила обычная жизнь Нью-Йорка.

— Может быть, — произнес он задумчиво. — Не берусь судить. Мой брак был очень счастливым, пока он длился — все пять лет. А потом вдруг счастье исчезло — словно масло прогоркло.

— Во всяком случае, она дала развод, — заметил Хенк. — А не вцепилась тебе в глотку.

— О, Полли была не из тех женщин, которые вцепляются кому-нибудь в глотку. Я звал ее Прелесть Полли, а она меня — Большой Ник. А потом звездный блеск потускнел, да и я тоже, наверное. Тогда я еще лез из кожи вон, пытаясь добиться, чтобы наша с Ирвом фирма приносила прибыль. Оптовая торговля электронным оборудованием. Ну, и, конечно, нетрудно было понять, что миллионера из меня не выйдет. Возможно, дело было именно в этом. Но так или иначе Полли решила уйти, и я не стал ей мешать. Мы расстались друзьями. Я часто думаю, что она теперь...

Раздался хлопок, похожий на всплеск — словно тюлень удариł ластом по воде. Крэндол взглянул на стол, где между рюмками теперь лежал чуть приплюснутый шар. В тот же миг рука Хенка подхватила шар и швырнула его в окно. В воздух взвились длинные зеленые нити, но шар уже падал вдоль стены гигантского здания и

рядом не было живой плоти, в которую они могли бы впиться.

Уголком глаза Крэндол успел заметить, что какой-то человек стремглав выбежал из бара. Несомненно, это он бросил шар: остальные посетители испуганно смотрели ему вслед и оглядывались на их столик. Стефансон, очевидно, решил, что за Крэндолом стоит установить слежку и обезвредить его.

Отто-Блотто не стал хвалиться быстротой своей реакции. Они оба уже давно научились действовать мгновенно — чужие смерти преподали им немало полезных уроков. И Хенк сказал только:

— Одуванчик-бомба с Венеры. Ну, во всяком случае, Ник, этот типчик не хочет тебя убить. Просто искалечить.

— Да, это в духе Стефансона, — согласился Крэндол, когда, заплатив по счету, они направились к выходу, а лица вокруг только еще начали бледнеть. — Сам он этого не сделал бы. Нанял бы исполнителя. И нанял бы его через посредника, на случай, если исполнитель попадет в руки полиции и расколется. Но и это был бы риск: обвинение в уже совершенном убийстве его никак не устроило бы. Вот он и прикинул: небольшая доза одуванчика-бомбы — и я для него уже не опасен. Возможно, он даже навещал бы меня в приюте для неизлечимо больных. Ведь присыпал же он мне на каждое рождество открытки все эти семь лет. И всегда одно и то же: «Еще злишься? Привет! Фредди».

— Этот твой Стефансон парень ничего себе! — сказал Отто-Блотто, внимательно огляделся по сторонам и только тогда вышел из бара на тротуар пятнадцатого уровня.

— Очень даже. Он держит мир в кулаке и время от времени сжимает кулак покрепче — так просто, для забавы. Я познакомился с его методами, еще когда мы делили комнату в студенческом общежитии, но думаешь, это

мне хоть чуточку помогло? Я случайно встретился с ним, когда наша с Ирвом фирма была уже при последнем издыхании, года через два после того, как мы с Полли разошлись. Мне было очень скверно и хотелось излить кому-нибудь душу — вот я и рассказал ему, что мой компаньон дрожит над каждым грошом, а я строю воздушные замки, и вдвоем мы доведем до верного банкротства фирму, которая могла бы стать золотым дном. А потом я добрался и до моего дистанционного переключателя — как мне, дескать, хотелось бы заняться им всерьез, да все нет времени.

Отто-Блотто то и дело тревожно оглядывался — не потому, что он опасался нового нападения, а потому, что его как-то смущала возможность ходить свободно. Встречные останавливались, глядя на их старомодные туники до колен.

— Вот так-то! — продолжал Крэндол. — Конечно, я свалил дурака, но поверь, Отто, ты и представления не имеешь, как ловко и убедительно субъекты вроде Фредди Стефансона умеют разыгрывать дружеское участие. Он сказал мне, что у него есть загородный дом, но он в нем сейчас не живет, а в подвале оборудовал электронную лабораторию с новейшей аппаратурой. И если я захочу, то со следующей недели он отдаст и дом, и лабораторию в мое полное распоряжение. Вот только о своем пропитании я должен буду заботиться сам. Никакой платы ему не нужно: делает он это по старой дружбе и потому, что хочет, чтобы я не разменивался на мелочи, а создал что-то по-настоящему большое. Ну, как я мог не попасться на такую удочку?! И только через два года я сообразил, что лабораторное оборудование он установил в этом подвале уже после нашего разговора — когда я предложил Ирву за две сотни выкупить мою долю в нашей фирме. Зачем, собственно, могла понадобиться электронная ла-

боратория Стефансону, владельцу маклерской конторы? Но подобные вещи как-то не приходят в голову, когда старый товарищ проявляет к тебе такое теплое дружеское участие.

Отто вздохнул и продолжил:

— Ну, и он навещал тебя чуть ли не каждую неделю, а когда твоя новая штучка заработала как миленькая, он захлопнул дверь перед твоим носом, а все твои чертежи и готовую штучку увез неизвестно куда. А тебе сказал, что запатентует ее прежде, чем ты успеешь восстановить хотя бы один чертеж. Да и вообще работал-то ты в его доме. И он сумеет доказать, что он тебя субсидировал. И тут он расхохотался тебе в лицо, прямо как Эльза. Верно, Ник?

Крэндол закусил губу, вдруг осознав, что Отто Хенк знает его историю наизусть. Сколько раз они делились планами мести и рассказывали друг другу, что привело их на каторгу! Сколько раз каждый повторял все ту же горькую повесть, а товарищ говорил те же слова сочувствия, задавал те же вопросы, одинаково соглашался и даже одинаково возражал!

Внезапно Крэндолу захотелось избавиться от Отто-Блотто и насладиться блаженством одиночества. Двумя уровнями ниже он увидел сверкающую крышу отеля.

— Пожалуй, я пойду туда. Пора подумать и о ночлеге.

Отто кивнул, догадываясь, чем вызвано это внезапное решение.

— Валяй! Я тебя понимаю. Но не жирно ли это будет, Ник? «Козерог-Ритц!» Не меньше двенадцати кредитов в день.

— Ну и что? Неделю я могу и пороскоществовать. А когда сяду на мель, мне с моей биографией нетрудно

будет найти выгодную работу. Сегодня я хочу пошиковывать, Отто-Блотто.

— Ну, ладно, ладно. Адрес мой у тебя есть, Ник? Я буду у моего двоюродного брата.

— Да, есть. Ну, желаю удачи с Эльзой, Отто!

— Спасибо. Удачи с Фредди! Ну, ... пока!

Отто-Блотто резко повернулся и вошел в лифт. Когда двери за ним закрылись, Крэндолу вдруг стало грустно. Хенк был теперь для него ближе родного брата. Ведь они с Хенком не расставались последние годы ни днем, ни ночью. А Дэна он не видел... сколько же это?.. да, почти девять лет.

И Крэндол вдруг почувствовал, как мало, в сущности, осталось у него связей с миром людей, если не считать негативного желания убрать из этого мира Фредди Стефансона. Сейчас ему, пожалуй, была бы нужна женщина — и сойдет почти любая.

Нет, ему гораздо нужнее нечто совсем другое — и времени терять нельзя.

Он быстро зашагал к ближайшей аптеке — очень большой и очень роскошной. В самом центре витрины он сразу увидел то, что ему было нужно.

Подойдя к прилавку, Крэндол спросил продавца:

— Что-то очень уж дешево — может быть, бракованная партия?

Продавец ответил с видом оскорбленного достоинства:

— Прежде, чем мы пускаем товар в продажу, сэр, он подвергается тщательнейшей проверке. А цена такая низкая потому, что мы — самая крупная оптовая фирма во всей Солнечной системе.

— Ну, ладно, дайте мне один среднего калибра. И две коробки патронов.

С бластером в кармане Крэндол почувствовал себя немного спокойнее. Он был вполне уверен, что в нужный

момент успеет отпрянуть, увернуться, отпрыгнуть — эту уверенность воспитали долгие годы, когда ему приходилось каждую минуту опасаться нападения хищных тварей с молниеносными реакциями. Однако всегда приятно иметь возможность ответить ударом на удар. Да и Стефансон, конечно, не станет долго тянуть со следующей попыткой.

В отеле Крэндол назвался вымысленной фамилией — эта хитрость пришла ему в голову в самый последний момент. «И могла бы вовсе не приходить», — подумал он, когда лифтер, получив чаевые, сказал:

— Спасибо, мистер Крэндол. Желаю вам благополучно прикончить вашу жертву, сэр.

Итак, он — знаменитость. Возможно, его лицо знает весь мир. Пожалуй, из-за этого будет труднее добраться до Стефансона.

Перед тем как пройти в ванную, Крэндол запросил у телесправочного бюро сведения о Стефансоне. Семь лет назад Стефансон уже был достаточно богат и известен в деловых кругах. А теперь благодаря стефансоновскому переключателю (стефансоновскому, черт побери!) он, вероятно, стал еще богаче и гораздо известнее.

Так и оказалось. Телевизор сообщил, что за последний календарный месяц в бюро поступило шестнадцать записей, касающихся Фредерика Стоддарда Стефансона. Крэндол подумал и попросил, чтобы ему проиграли последнюю. Она была датирована этим днем: «Фредерик Стефансон, президент Стефансоновского сберегательного банка и Стефансоновской электронной корпорации, отбыл сегодня рано утром в свой гималайский охотничий домик. Он намерен пробыть там не менее...»

— Достаточно! — крикнул Крэндол из ванны.

Значит, Стефансон струсил. Долgovязый бандит ополоумел от страха! Это уже что-то. Неплохой процент с

семи лет каторги. Пусть попотеет хорошенько — так, чтобы смерть, когда они наконец полностью сведут счеты, показалась ему облегчением.

Крэндол заказал последние известия и имел удовольствие выслушать последнюю сводку новостей о себе самом — о том, что он поселился в отеле «Козерог-Ритц» под именем Александра Смейзерса. «Но оба эти имени — и Крэндол, и Смейзерс — неверны, уважаемые слушатели,— ораторствовала равнодушная запись.— У этого человека есть только одно истинное имя, и это имя — Смерть! Да, сегодня в отеле «Козерог-Ритц» поселился Жнец жизней, и только он один знает, кому из нас не суждено увидеть новый восход солнца. Этот человек, этот Жнец человеческих жизней, этот посланец Смерти — единственный среди нас, кому известно...»

— Заткнись! — в бешенстве завопил Крэндол. За эти семь лет он совсем забыл, какие муки вынужден безропотно сносить свободный человек.

На телевизионном экране вспыхнул сигнал частного телевизионного вызова. Крэндол поспешил вытерся, оделся и спросил:

— Кто это?

— Миссис Никлас Крэндол,— ответил голос телевизионистки.

Крэндол потрясенно уставился на экран. Полли! Откуда она вдруг взялась? И как она узнала, где его найти? Впрочем, ответить на последний вопрос нетрудно — он же знаменитость!

— Соедините,— сказал он наконец.

Экран заполнило лицо Полли. Крэндол внимательно рассматривал его, слегка улыбаясь. Она немного постарела, но, пожалуй, заметить морщинки можно только при таком увеличении...

И Полли как будто тоже сообразила это: во всяком

случае, она повернула рукоятку настройки и ее лицо уменьшилось до нормальных размеров — теперь была видна вся ее фигура и окружающая обстановка. Полли, по-видимому, звонила ему из дома. Комната выглядела, как все гостиные меблированных квартир для небогатых людей, зато сама Полли выглядела прекрасно и смотреть на нее было очень приятно. У Крэндоля потеплело на сердце от воспоминаний...

— Полли! Здравствуй! Что случилось? Вот уж не ожидал увидеть тебя!

— Здравствуй, Ник,— она прижала руку ко рту и несколько секунд молча смотрела на него, а потом сказала:

— Ник... Ну пожалуйста! Пожалуйста, не мучь меня! Крэндол сел на первый попавшийся стул.

— Что?

Полли заплакала.

— Ах, Ник! Не надо! Не будь таким жестоким. Я знаю, почему ты отбыл этот срок, эти семь лет. Едва я сегодня услышала твою фамилию, как сразу все поняла. Но, Ник, ведь, кроме него, никого не было. Только он, он один!

— Один он... что он?

— Я была тебе неверна только с ним. И я думала, что он любит меня, Ник. Я не стала бы разводиться с тобой, если бы представляла, какой он на самом деле. Но ведь ты это знаешь, Ник! Знаешь, как он заставил меня страдать. Я уже достаточно наказана, Ник, не убивай меня, пожалуйста, не убивай!

— Полли, послушай,— сказал он ошеломленно.— Полли, деточка, ради бога...

— Ник! — истерически всхлипнула она.— Ник, ведь с тех пор прошло одиннадцать лет. Во всяком случае, десять. Не убивай меня за это, Ник, пожалуйста, не убивай. Ник, честное слово, я была неверна тебе только год. Ну,

от силы два. Честное слово, Ник. И ведь только с ним одним. Остальные не в счет. Это были так... мимолетные увлечения. Они ничего не меняли, Ник. Только не убивай меня! Не убивай! — и, закрыв лицо руками, она затряслась в неудержимых рыданиях.

Крэндол несколько секунд смотрел на нее, потом облизнул пересохшие губы. Потом присвистнул и выключил телевизор. Потом откинулся на спинку стула и снова присвистнул — но на этот раз сквозь стиснутые зубы, так что получился не свист, а шипение.

Полли! Полли ему изменяла! Год... нет, два года! И... как это она выразилась? — остальные! Остальные были лишь мимолетными увлечениями!

Единственная женщина, которую он любил и, кажется, никогда не переставал любить, женщина, с которой он расстался с бесконечным сожалением, виня во всем только себя, когда она сказала ему, что дела фирмы отняли его у нее, но так как было бы нечестно просить его отказаться от того, что, очевидно, столь для него важно...

Прелесть Полли! Полли-деточка! Пока они были вместе, он ни разу даже не посмотрел на другую женщину. А если бы кто-нибудь посмел сказать... или даже намекнуть... он раскроил бы наглецу физиономию гаечным ключом! Он развелся с ней только потому, что она его об этом попросила, но продолжал надеяться, что, когда фирма окрепнет и основная часть работы ляжет на плечи Ирва, заведовавшего бухгалтерией, они с Полли вновь найдут друг друга. Но дела пошли еще хуже, жена Ирва серьезно заболела, Ирв стал еще реже показываться в конторе и...

— У меня такое ощущение,—пробормотал он вслух,— будто я сейчас узнал, что добрых волшебников не бывает. Чтобы Полли... И все эти светлые годы... Один человек! А остальные — только мимолетные увлечения!

Снова вспыхнул телефонный сигнал.

— Кто это? — раздраженно буркнул Крэндол.

— Мистер Эдвард Болласск.

— Что ему нужно? (Чтобы Полли, Прелесть Полли...)

На экране появилось изображение чрезвычайно толстого человека. Он настороженно осмотрел номер.

— Я должен спросить вас, мистер Крэндол, уверены ли вы, что ваш телевизор не подключен к линии подслушивания?

— Какого черта вам нужно?

Крэндол почти жалел, что толстяк не явился к нему лично. С каким бы удовольствием он сейчас кого-нибудь хорошенько отделал!

Мистер Эдвард Болласск укоризненно покачал головой, и его щеки заколыхались где-то под подбородком.

— Ну что же, сэр, если вы не можете дать мне такой гарантии, я буду вынужден рискнуть. Я обращаюсь к вам, мистер Крэндол, с призывом простить вашим врагам, подставить под оскорбившую длань другую щеку. Язываю к вам: откройте душу вере, надежде и милосердию — и главное, милосердию, которое превыше всех остальных добродетелей. Другими словами, сэр, забудьте о ненависти к тому или к той, кого вы намеревались убить, поймите душевную слабость, толкнувшую их сделать то, что они сделали, и простите им.

— Почему я должен им прощать? — в бешенстве спросил Крэндол.

— Потому что так вы изберете благую участь, сэр: я имею в виду не только нравственные блага, хотя не должно забывать и о духовных ценностях, но и материальные блага. Материальные, мистер Крэндол.

— Будьте так любезны, объясните мне, о чем вы, собственно, говорите.

Толстяк наклонился вперед и вкрадчиво улыбнулся.

— Если вы простите того, кто заставил вас принять семь долгих лет страданий, семь лет лишений и мук, мистер Крэндол, я готов предложить вам чрезвычайно выгодную сделку. У вас есть право на одно убийство. Мне требуется одно убийство. Я очень богат. Вы же, насколько я могу судить, сэр,— не поймите это превратно—очень бедны. Я могу обеспечить вас до конца ваших дней — и не просто обеспечить, мистер Крэндол,— если только вы откажетесь от своего замысла, от своего недостойного замысла, поборете злобу, отринете личную месть. Видите ли, у меня есть конкурент, который...

Крэндол выключил телевизор.

— Сам отсиди свои семь лет,— ядовито посоветовал он померкнувшему экрану. И вдруг ему стало смешно. Он откинулся на спинку стула и захохотал.

У, жирная скотина! Вздумал пичкать его евангельскими текстами!

Однако этот звонок принес свою пользу. Теперь он увидел смешную сторону их разговора с Полли. Только подумать: она сидит в своей убогой комнатке и трясеется из-за грязных интрижек десятилетней давности! Только подумать: она вообразила, что он прошел через семилетний ад из-за такой...

Крэндол представил себе все это и пожал плечами:

— И пусть. Ей это только полезно.

Тут он почувствовал, что очень голоден.

Он хотел было распорядиться, чтобы обед принесли ему в номер, опасаясь еще одной встречи со стефансоновским метателем шаров, но потом передумал. Если Стефансон всерьез охотится за ним, то нет ничего легче, чем подсыпать чего-нибудь в предназначенный ему обед. Куда безопаснее поесть в ресторане, выбранном наугад.

Кроме того, будет приятно посидеть в ярко освещенном зале, послушать музыку, развлечься немного. Ведь

это его первый вечер на свободе — и надо как-то избавиться от скверного привкуса во рту, который остался от разговора с Полли.

Прежде чем выйти за дверь, он внимательно осмотрел коридор. Ничего подозрительного. Но ему вспомнилась крохотная планетка вблизи Веги, где они вот так же оглядывались по сторонам каждый раз, когда выбирались из туннелей, образованных параллельными рядами высоких хвощей. А если не оглядеться... неосторожных иногда подстерегал огромный пиявкообразный моллюск, который умел метать куски своей раковины с большой силой и на порядочное расстояние. Обломок только оглушал жертву, но за это время пиявка успевала подобраться к ней. А эта пиявка была способна высосать человека досуха за десять минут.

Один раз такой осколок попал в него, но пока он валялся без сознания, Хенк... Старина Отто-Блотто! Крэндол улыбнулся. Неужели настанет день, когда они будут вспоминать пережитые ужасы с ностальгической грустью? Так старым солдатам бывает приятно за кружкой пива вспомнить даже самые тяжелые испытания войны. Ну, что ж — во всяком случае, они пережили эти ужасы не ради жирных святош вроде мистера Эдварда Болласка, мечтающих безнаказанно убивать чужими руками.

И если уж на то пошло, не ради подлецких трусливых потаскушек вроде Полли.

«Фредерик Стоддард Стефансон. Фредерик Стоддард...»

Кто-то положил руку ему на плечо, и, очнувшись, он увидел, что уже прошел половину вестибюля.

— Ник!

Крэндол обернулся. Подстриженная бородка клинышком — у него не было знакомых с такими бородками, но глаза были ему мучительно знакомы...

— Ник, — сказал человек с бородой, — я не смог.
Эти глаза... ну конечно же, это его младший брат!

— Дэн! — крикнул он.
— Да, это я. Вот!

Что-то со стуком упало на пол. Крэндол посмотрел вниз и увидел на ковре бластер — большего калибра и значительно более дорогой, чем его собственный. «Почему Дэн ходит со шпалером? Кто за ним охотится?»

Эта мысль принесла с собой смутную догадку. И страх — страх перед тем, что может сказать брат, которого он не видел столько лет.

— Я мог бы убить тебя, как только ты вошел в вестибюль, — говорил Дэн. — Я все время держал тебя под прицелом. Но я хочу, чтобы ты знал, что я не нажал на спусковую кнопку не из-за срока, который дают за совершенное убийство.

— Да? — сказал Крэндол на медленном выдохе протяжением во все вновь пережитое прошлое.

— Я просто не мог вынести мысли, что буду еще больше виноват перед тобой. Со времени этой истории с Полли я постоянно...

— С Полли? Да, конечно, с Полли, — казалось, к его подбородку подвесили гирю, она оттягивала его голову вниз, мешала закрыть рот. — С Полли. Этой истории с Полли.

Дэн дважды ударил кулаком по ладони.

— Я знаю, что рано или поздно ты придешь рассчитаться со мной. Я чуть с ума не сошел от ожидания — и от угрозений совести. Но я не думал, что ты выберешь такой путь, Ник. Семь лет ожидания!

— Поэтому ты и не писал мне, Дэн?

— А что я мог написать? И сейчас — что я могу сказать? Мне казалось, что я люблю ее, но все кончилось, как только вы развелись. Наверное, меня всегда тянуло

к тому, что было твоим, Ник, потому что ты мой старший брат. Другого оправдания у меня нет, и я прекрасно понимаю, чего оно стоит. Ведь я знаю, как было у вас с Полли, и я разрушил все это просто из желания сделать гадость. Но вот что, Ник: я не убью тебя, и я не буду защищаться. Я слишком устал. И слишком виноват. Ты знаешь, где меня найти, Ник. Приходи когда захочешь.

Дэн повернулся и быстро зашагал к выходу. Металлические блестки на его икрах — последний крик моды — сверкали и переливались. Он не оглянулся, даже когда проходил за прозрачной стеной вестибюля.

Крэндол долго смотрел ему вслед, затем тоскливо прокормотал «Гм»!, нагнулся, поднял второй бластер и отправился искать ресторан.

Он сидел, рассеянно ковыряя пряные деликатесы с Венеры, которые оказались далеко не такими вкусными, как представлялось ему в воспоминаниях, и думал о Полли и Дэне. Всякие мелочи теперь, когда они встали на свое место, всплывали в его памяти одна за другой. А он-то и не подозревал... Но кто мог заподозрить Полли? Кто мог заподозрить Дэна?

Крэндол достал из кармана свое свидетельство об освобождении и начал внимательно его изучать: «Полностью отбыв максимальный семилетний срок тюремного заключения с предварительным зачетом, Никлас Крэндол освобождается со всеми правами допреступника...»

...чтобы убить свою бывшую жену Полли Крэндол?

...чтобы убить своего младшего брата Дэниела Крэндоля?

Какая нелепость!

Но им-то это не показалось нелепостью! Оба они были так блаженно уверены в своей вине, так самодовольно считали себя и только себя единственным объектом ненависти, столь свирепой, что жажда мести не отступила

даже перед самым страшным из всего, чем располагает Галактика,— оба они были так в этом уверены, что их проверенная на деле хитрость изменила им и они неправильно истолковали радость в его глазах! И Полли, и Дэн легко могли бы оборвать уже начатую исповедь — и он ни о чем не догадался бы! Если бы только они не были так заняты собой и вовремя заметили его удивление, они могли бы и дальше обманывать его. Если не обоим, то уж кому-нибудь одному-то из них это наверняка удалось бы!

Уголком глаза Крэндол заметил, что возле его столика стоит женщина. Слегка наклонившись, она читала свидетельство через его плечо. Он откинулся и оглядел ее с головы до ног, а она улыбнулась ему.

Незнакомка была сказочно красива. Она обладала не только тем, что делает женщину красивой — идеальной фигурой, лицом, осанкой, волосами, кожей и глазами,— но ко всему этому добавлялись и те завершающие штрихи, которые, как и в любом виде искусства, отличают шедевр от просто прекрасного произведения. Одним из этих штрихов было, конечно, богатство, которое воплощалось в прическе и платье, достойно обрамлявших подобную красоту, и в единственном пеаза, бесценном камне с Сатурна, черным пламенем горевшем на ее груди. Но к этим же штрихам можно было отнести и светившийся в ее глазах ум, и породистость, пикантно дополнявшие это великолепное творение, созданное из живой плоти.

— Вы позволите мне сесть рядом с вами, мистер Крэндол? — спросила она голосом, о котором достаточно будет сказать, что он вполне гармонировал с ее обликом.

Эта просьба позабавила Крэндола, но и преисполнила его бодрящим волнением. Он подвинулся, и незнакомка села рядом с ним на диванчике, точно императрица, опускающаяся на трон под взглядами сотни царей-данников.

Крэндол примерно догадывался, кто она такая и чего

ищет. Это могла быть либо одна из юных львиц высшего света, либо кинозвезда, совсем недавно вспыхнувшая и еще сохраняющая статус Новой.

А он, только что освобожденный каторжник, владеющий правом жизни и смерти, был редкостной новинкой, которую ей во что бы то ни стало захотелось испробовать.

Конечно, такой интерес к нему был не слишком лестен, но, с другой стороны, при обычных обстоятельствах простому смертному нечего и мечтать о встрече с подобной женщиной, так почему бы ему и не извлечь пользы из своего положения? Он удовлетворит ее каприз, а она в первый его вечер на свободе...

— Это ваше свидетельство об освобождении, не так ли? — спросила она и перечитала документ еще раз. Кожа на ее верхней губе слегка увлажнилась, и Крэндол удивился, заметив подобный признак усталой пресыщенности у этого живого воплощения победоносной юности и красоты.

— Скажите, мистер Крэндол,— заговорила наконец незнакомка и повернулась к нему. Капельки пота на ее верхней губе заблестели еще ярче.— Скажите, вы же отбыли срок за убийство как допреступник? Но ведь правда, что наказание за убийство и наказание за самое зверское изнасилование одинаковы?

После долгого молчания Крэндол потребовал у официанта счет и вышел из ресторана.

Когда он подошел к своему отелю, он уже успокоился настолько, что не забыл внимательно оглядеть вестибюль за прозрачной стеной. Никого похожего на стефансоновского наемника. Впрочем, Стефансон — осторожный игрок и, потерпев неудачу, пожалуй, не станет торопиться со следующей попыткой.

Но эта девица! И мистер Эдвард Болласк!

В его почтовом ящике лежала записка. Кто-то звонил

ему и оставил свой номер, но больше ничего передать не просил.

Поднимаясь к себе, Крэндол раздумывал, кому еще он мог понадобиться. Может быть, Стефансон решил нащупать почву для примирения? Или какая-нибудь глубоко несчастная мать попросит, чтобы он убил ее неизлечимо больное дитя?

Он назвал номер и с любопытством уставился на экран.

Экран замерцал, и на нем появилось лицо. Крэндол еле удержался от радостного возгласа. Нет, один друг в Нью-Йорке у него все-таки есть. Старина Ирв, всегда благородный и надежный. Его бывший компаньон.

Но в тот самый миг, когда Крэндол был уже готов выразить свою радость вслух, он вдруг прикусил язык. Слишком много неожиданностей принес ему этот день. А в выражении лица Ирва было что-то такое...

— Послушай, Ник,— сумрачно начал Ирв после неловкой паузы.— Я хотел бы задать тебе только один вопрос.

— А именно, Ирв?

— Ты давно знаешь? Когда ты догадался?

Крэндол перебрал в уме несколько возможных ответов и выбрал наиболее подходящий.

— Очень давно, Ирв. Но ведь тогда я ничего не мог сделать.

Ирв кивнул.

— Я так и думал. Ну, так послушай. Я не стану просить и оправдываться. За эти семь лет ты столько перенес, что никакие мои оправдания, конечно, ничего изменить не могут. Но поверь одному: много брать из кассы я начал, только когда заболела жена. Мои личные средства были истощены. Занимать я больше не мог, а у тебя хватало и собственных семейных неприятностей. Ну, а когда

дела фирмы пошли лучше, я боялся, что слишком большое несоответствие между прежними цифрами и новыми откроет тебе глаза. Поэтому я продолжал прикарманивать прибыль уже не для того, чтобы платить по больничным счетам, и не для того, чтобы обманывать тебя, Ник, поверь мне, а просто чтобы ты не узнал, сколько я уже присвоил. Когда ты пришел ко мне и сказал, что совсем пал духом и хотел бы уйти из фирмы... ну, тогда, не спорю, я поступил подло. Мне следовало бы сказать тебе правду. Но, с другой стороны, как компаньоны мы не очень подходили друг другу, а тут мне представился случай стать одному хозяином фирмы, когда ее положение уже упрочилось, ну, и... и...

— И ты выкупил мою долю за триста двадцать кредитов,— договорил за него Крэндол.— А сколько теперь стоит фирма, Иrv?

Иrv отвел глаза в сторону.

— Около миллиона. Но послушай, Ник! В прошлом году оптовая торговля переживала небывалый расцвет. Так что твоего тут уже не было. Послушай, Ник...

Крэндол угрюмо и насмешливо фыркнул.

— Я слушаю, Иrv.

Иrv достал чистую бумажную салфеточку и вытер вспотевший лоб.

— Ник,— сказал он, наклоняясь вперед и изо всех сил стараясь дружески улыбнуться.— Послушай меня, Ник. Забудь про это, не преследуй меня, и я тебе кое-что предложу. Мне нужен управляющий с твоими техническими знаниями. Я дам тебе двадцать процентов в деле, Ник... нет, двадцать пять. Я готов дать даже тридцать... тридцать пять...

— И ты думаешь, что это компенсирует семь лет катогри?

Иrv умоляющее поднял трясущиеся руки.

— Нет, Ник, конечно нет. Их ничто не компенсирует. Но послушай, Ник. Я готов дать сорок пять про...

Крэндол выключил телевизор. Некоторое время он продолжал сидеть, потом вскочил и начал расхаживать по комнате. Он остановился и осмотрел свои бластеры — купленный утром и брошенный Дэном. Достал свидетельство об освобождении и внимательно прочел его. Потом снова сунул в карман туники.

Позвонив дежурной, он заказал межконтинентальный разговор.

— Хорошо, сэр. Но вас хочет видеть один джентльмен. Мистер Отто Хенк, сэр.

— Пошлите его сюда. И включите мой экран, как только вас соединят, мисс.

Через несколько минут к нему в номер вошел Отто-Блотто. Он был пьян, но, как обычно в таких случаях, внешне это у него не проявлялось.

— Как ты думаешь, Ник, как ты думаешь, что, черт...

— Ш-ш-ш! — перебил его Крэндол. — Меня соединили.

Телевизионистка где-то в Гималаях сказала:

— Говорите, Нью-Йорк.

И на экране появился Фредерик Стоддард Стефансон. Он постарел гораздо больше всех тех, кого Крэндол успел повидать в этот день. Впрочем, это еще ни о чем не говорило: когда Стефансон разрабатывал сложную операцию, он всегда казался постаревшим.

Стефансон ничего не сказал. Он только смотрел на Крэндоля, крепко скав губы. Позади него виднелся зал охотничьего домика — совсем такой, каким подобные залы рисуются воображению телевизионных режиссеров.

— Ну ладно, Фредди, — заговорил Крэндол. — Я долго тебя не задержу. Можешь отозвать своих псов и не стараться больше убить меня или искалечить. Я на тебя теперь даже не зол.

— Даже не зол... — Стефансон с трудом обрел привычное железное самообладание. — А почему?

— Потому что... ну, тут много причин. Потому что теперь, когда мне осталось только убить тебя, твоя смерть не подарит мне семи лет адской радости. И потому, что ты не сделал мне ничего такого, чего не делали все остальные — кто что мог и, вероятно, со дня моего появления на свет. Очевидно, я простофиля от рождения. Так уж я создан. И ты просто этим воспользовался.

Стефансон наклонился, вперил в его лицо внимательный взгляд, потом перевел дух и облегченно скрестил руки на груди.

— Пожалуй, ты говоришь искренне.

— Конечно, я говорю искренне. Видишь? — он показал на два бластера. — Сегодня я их выброшу. С этих пор я не буду носить никакого оружия. Я не хочу, чтобы от меня хоть как-то зависела чья-то жизнь.

Стефансон задумчиво поковырял под ногтем большого пальца.

— Вот что, — сказал он. — Если ты говоришь серьезно — а, по-моему, это так и есть, — то, может быть, мы что-нибудь придумаем. Скажем, будем выплачивать тебе какую-то долю прибыли. Там поглядим.

— Хотя это не принесет тебе никакой выгоды? — с удивлением спросил Крэндол. — Почему же ты раньше мне ничего не предлагал?

— Потому что я не люблю, чтобы меня принуждали. До сих пор я противопоставлял силу силе.

Крэндол взвесил этот ответ.

— Не понимаю. Но, наверное, ты так создан. Что же, как ты сказал, — там поглядим.

Когда он наконец повернулся к Хенку, Отто-Блотто все еще растерянно покачивал головой, занятый только собственной нездачей.

— Представляешь, Ник? Эльза месяц назад отправилась в увеселительную поездку на Луну. Кислородный шланг в ее костюме засорился, и она умерла от удушья, прежде чем ей успели помочь. Черт-те что, Ник, верно? За месяц до конца моего срока! Не могла подождать какой-то паршивый месяц! Она хотела надо мной, когда помирила. Это уж как пить дать!

Крэндол обнял его за плечи.

— Пойдем погуляем, Отто-Блотто. Нам обоим будет полезно проветриться.

«Странно, как право на убийство действует на людей,— думал он.— Полли поступила на свой манер, а Дэн — на свой. Старина Иrv отчаянно вымаливал себе жизнь — но старался не переплатить. Мистер Эдвард Болласк и девица в ресторане... И только Фредди Стефансон, единственная намеченная жертва, только он не пожелал просить».

Просить он не пожелал, но на милостыню расщедрился. Способен ли он принять от Стефансона то, что в сущности будет подачкой? Крэндол пожал плечами. Кто знает, на что способен он или любой другой человек?

— Что же нам теперь делать, Ник? — обиженно спросил Отто-Блотто, когда они вышли из отеля.— Нет, ты мне ответь: что нам теперь делать?

— Я, во всяком случае, сделаю вот что,— ответил Крэндол, беря в каждую руку по бластеру.— Только это, и больше ничего.

Он по очереди швырнул сверкающие бластеры в стеклянную дверь роскошного вестибюля «Козерог-Ритца». Раздался звон, затем снова звон. Стена рухнула, расколоввшись на длинные кривые кинжалы. Люди в вестибюле оборачивались, выпучив глаза.

К Крэндолу подскочил полицейский. Бляха на его металлической форме отчаянно дребежжала.

— Я видел! Я видел, как ты это сделал! — кричал он, хватая Крэндола.— Ты получишь за это тридцать суток!

— Да неужто? — сказал Крэндол.— Тридцать суток? — он вытащил из кармана свое свидетельство об освобождении и протянул его полицейскому.

— Вот что, уважаемый блюститель порядка. Сделайте-ка в этой бумажке надлежащее число проколов или оторвите купон соответствующих размеров. Либо так, либо эдак. А можете и так и эдак. Как вам больше нравится.

СТАЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК

Из здания вокзала вышли двое, таща за собой покрытый брезентом предмет. Они поплелись по длинной платформе, остановились у одного из последних вагонов и, наклонившись, с трудом подняли предмет и установили его на вагонной площадке. Пот катился по их лицам, а мятые рубашки прилипли к мокрым спинам. Вдруг из-под брезента выскочило одно колесико и покатилось вниз по ступенькам. Тот, который был сзади, успел подхватить его и передал человеку в старом коричневом костюме, что был впереди.

— Спасибо,— сказал человек в коричневом костюме и положил колесико в карман пиджака.

Войдя в вагон, они покатали покрытый брезентом предмет по проходу между сиденьями. Поскольку одного из колесиков не хватало, тяжелый предмет все время кренился на одну сторону, и человеку в коричневом костюме — Келли — приходилось подпирать его плечом. Он тяжело дышал и время от времени слизывал крошечные капельки пота, которые тут же снова появлялись на верхней губе.

Добравшись до середины вагона, они втащили предмет между сиденьями; Келли просунул руку в прорезь чехла и начал искать нужную кнопку.

Предмет тяжело опустился в кресло около окна.

— О господи, как он скрипит! — вырвалось у Келли.

Его спутник, Поул, пожал плечами и с глубоким вздохом сел в кресло.

— А ты что думал? — спросил он после минутного молчания.

Келли стащил с себя пиджак, бросил его на сиденье напротив и сел рядом с предметом.

— Ну что ж, как только нам заплатят, мы сразу купим для него все, что нужно, — сказал он и с беспокойством взглянул на предмет.

— Если нам удастся найти все, что нужно, — заметил Поул. Он сидел сгорбившись, худой как щепка — ключицы выпирали из-под рубахи — и смотрел на Келли.

— А почему бы нет? — спросил Келли, вытирая лицо уже мокрым платком и засовывая его в карман.

— Потому что этого никто больше не производит, — ответил Поул с притворным терпением, словно ему десятки раз приходилось повторять одно и то же.

— Ну и идиоты, — прокомментировал Келли. Он стащил с головы шляпу и смахнул пот с лысины, обозначавшейся посреди его рыжей шевелюры. — Б-2 — их же везде еще полным-полно.

— Так уж и полным-полно, — сказал Поул, положив ногу на предмет.

— Убери ногу! — рявкнул Келли.

Поул с трудом опустил ногу вниз и вполголоса выругался. Келли вытер платком внутреннюю сторону шляпы, хотел надеть ее, но передумал и бросил на сиденье.

— Господи, какая жарища! — сказал он.

— Будет еще похлеще, — заметил Поул.

Напротив них, по другую сторону прохода, только что пришедший пассажир кряхтя поднял свой чемодан, положил на багажную полку и, тяжело отдуваясь, снял пиджак. Келли посмотрел на него, потом отвернулся.

— Ты думаешь, в Мэйнарде будет похлеще? — спросил он с беспокойством.

Поул кивнул. Келли с трудом проглотил слюну. У него внезапно пересохло горло.

— Надо было нам хватить еще по бутылочке пива,— сказал он.

Поул, не отвечая, смотрел в окно на колышущееся марево, которое поднималось от раскаленной бетонной платформы.

— Я уже выпил три бутылки,— продолжал Келли,— но пить хочется еще больше прежнего.

— Угу,— буркнул Поул.

— Как будто после Филли во рту не было маковой росинки,— сказал Келли.

— Угу,— снова буркнул Поул.

Келли замолчал, уставившись на Поула. Лицо Поула казалось особенно белым на фоне черных волос, у него были большие руки, намного больше, чем нужно для человека его сложения. Но это были золотые руки. «Да, Поул один из лучших механиков,— подумал Келли,— один из самых лучших».

— Ты думаешь, он выдержит? — спросил Келли.

Поул хмыкнул и улыбнулся печальной улыбкой.

— Если только на него не будут сыпаться удары,— ответил он.

— Нет-нет, я не шучу,— сказал Келли.

Темные безжизненные глаза Поула скользнули по зданию станции и остановились на Келли.

— Я тоже,— подчеркнул он.

— Ну ладно, брось глупые шутки.

— Стил,— сказал Поул, — ведь ты знаешь это не хуже меня. Он ни на что не годен.

— Неправда,— буркнул Келли, ерзая на сиденьи.— Ему нужен только пустяковый ремонт. Перебрать движущиеся части, смазать — и он будет совсем как новенький.

— Да-да, «пустяковый» ремонт на три-четыре тысячи долларов,— саркастически заметил Поул.— И детали, которые больше не производятся.— Он снова уставился в окно.

— Ну брось, дела не так уж плохи,— примирительно сказал Келли.— Послушать тебя, так это форменный металлом.

— А разве не так?

— Нет,— с раздражением сказал Келли,— не так.

Поул пожал плечами, и его длинные гибкие пальцы бес усилия легли на колени.

— Ведь нельзя же списывать его только потому, что он не первой молодости,— сказал Келли.

— Не первой молодости? — иронически повторил Поул.— Да это же совершенная развалина!

— Будто бы,— Келли набрал полную грудь горячего воздуха и медленно выпустил его через широкий расплющенный нос. Он отеческим взглядом окинул предмет, покрытый брезентом, словно сердился на сына за его недостатки, но еще более сердился на тех, кто осмелился на них указать.

— В нем еще есть порох,— сказал он наконец.

Поул молча посмотрел на платформу. Его взгляд механически скользнул по тележке носильщика, полной чемоданов и свертков.

— Скажи... у него все в порядке? — спросил Келли, в то же время боясь ответа.

Поул повернулся к нему.

— Не знаю, Стил,— откровенно сказал он.— Ему нужен ремонт, тебе это известно. Пружина мгновенной реакции в его левой руке рвалась столько раз, что теперь она состоит из отдельных кусочков. Слева у него нет надежной защиты. Левая сторона головы разбита, глазная линза треснула. Ножные кабели износились и ослабли, и

подтянуть их невозможно. Даже гироскоп у него может каждую минуту выйти из строя.

Поул отвернулся и, скривив гримасу, снова уставился на платформу.

— Не говоря уже о том, что у нас не осталось ни капли масла,— добавил он.

— Ну масло-то мы раздобудем! — сказал Келли с наигранной бодростью.

— Да, но после боя, после боя! — огрызнулся Поул.— А ведь смазка нужна ему до боя! Скрип его суставов будет слышен не только на ринге, а во всем зале! Он скрипит как паровой экскаватор. Если он продержится два раунда, это будет чудом! И вполне вероятно, что нас обмажут дегтем, вывалиают в перьях и вынесут из города на шесте.

— Не думаю, что дойдет до этого,— с тревогой произнес Келли, проглотив комок в горле.

— Не думаю, не думаю! — передразнил его Поул.— Будет еще хуже, вот посмотришь! Стоит зрителям увидеть нашего «Боевого Максо» из Филадельфии, как они поднимут такой крик, только держись! Если нам удастся улизнуть, получив пятьсот долларов, мы сможем считать себя счастливчиками.

— Но контракт уже подписан,— твердо сказал Келли,— теперь им нельзя идти на попятную. Копия лежит у меня в кармане, вот здесь.— Келли похлопал себя по карману.

— В контракте речь идет о «Боевом Максо»,— возразил Поул,— в нем ни слова об этой... этой паровой лопате.

— Максо справится,— сказал Келли, убеждая скорее самого себя.— Он совсем не так безнадежен, как ты думаешь.

— Не так безнадежен? В борьбе против Б-7?

— Это только экспериментальный образец,— напомнил ему Келли.— Во многом несовершенный.

Поул отвернулся и снова уставился в окно.

— Боевой Максо, — проговорил он, — Максо — на один раунд! Сенсация — боевой экскаватор на ринге!

— Заткнись! — внезапно рявкнул Келли, покраснев как рак.— Ты все время говоришь о нем как о куче металломана, больше ни на что не годной. Не забудь, что он выступал на ринге двенадцать лет и будет еще выступать не один год! Положим, ему нужна смазка. И пустяковый ремонт. Ну и что? За пятьсот зелененьких мы ему сможем купить целую ванну машинного масла. И новую пружину для левой руки. И новые кабели для ног. И все остальное. Только бы получить эти пять сотен! Господи!

Он откинулся на спинку сиденья, еле переводя дух после длинной речи в такую жару, и начал вытираять щеки мокрым носовым платком. Внезапно он повернулся и взглянул на сидящего рядом Максо, затем нежно похлопал робота по бедру. От тяжелого прикосновения его руки стала под брезентом загудела.

— Ты с ним справишься,— сказал Келли своему боксеру.

Поезд мчался по раскаленной от солнца прерии. Все окна в вагоне были открыты, но ветер, врываясь, только обдавал невыносимым жаром.

Келли сидел, склонившись над газетой. Мокрая рубаха облипала его широкую грудь. Поул тоже снял пиджак и сидел, уставившись незрячим взглядом на проносящуюся мимо пустыню. Максо, по-прежнему покрытый брезентовым чехлом, сидел привалившись к стенке вагона и ритмично покачивался в такт движению поезда.

Келли сложил газету.

— Ни единого слова! — с негодованием воскликнул он.

— А ты что думал? — сказал Поул, не оборачиваясь. Района Мэйнарда эти газеты не касаются.

— Максо — это тебе не какая-нибудь железка из Мэйнарда. Когда-то он был знаменитым боксером. — Келли пожал могучими плечами. — Я думал, что они помнят его.

— Помнят? Из-за двух схваток в «Мэдисон сквер гардене» три года назад? — спросил Поул.

— Нет, парень, не три года назад, — возразил Келли.

— Ну как же так? Это было в семьдесят седьмом, — сказал Поул, — а сейчас тысяча девятьсот восемьдесятый. Меня всегда учили, что восемьдесят отнять семьдесят семь будет три.

— Он выступал в «Гардене» в конце семидесят седьмого, перед самым рождеством. Разве ты не помнишь? Это было как раз перед тем, как Мардж...

Келли не окончил фразы. Он опустил голову и уставился на газету, будто увидел в ней фотографию Мардж, снятую в тот день, когда жена оставила его.

— Не все ли равно? — пожал плечами Поул. — Кого из двух тысяч боксеров страны помнят по сей день? В газеты попадают только чемпионы и новые модели.

Поул перевел взгляд на покрытого брезентом Максо. — Я слышал, что «Моулинг корпорейшн» выпускает в этом году модель Б-9, — сказал он.

— Вот как? — спросил Келли без всякого интереса, оторвавшись на мгновение от газеты.

— Пружины супер-реакции в обеих руках — и в ногах тоже. Сделан целиком из сплавов алюминия и стали. Тройной гироскоп. Тройная проводка. Вот, наверно, хороша штучка!

Келли опустил газету на колени и пробормотал:

— Я думал, что его запомнят. Ведь это было совсем недавно...

Внезапно черты его лица смягчились, и он улыбнулся.

— Да, мне никогда не забыть того вечера,— сказал он, погружаясь в воспоминания.— Никто и не подозревал, что произойдет. Все ставили на Каменного Димзи, Димзи-Скалу, как его называли. Три к одному на Димзи, Каменного Димзи — четвертого в списке лучших полуутяжеловесов мира. Он обещал больше всех.— Келли улыбнулся и глубоко вздохнул.— И как мы его обрабатали! — сказал он.— Я до сих пор помню этот левый встречный — бэнг! Прямо в челюсть! И непобедимый Димзи-Скала рухнул на пол как — как... как скала, да-да! — Снова счастливая улыбка озарила лицо Келли.— Да, парень, что это был за вечер,— прошептал он,— что за вечер!

Поул взглянул на Келли и быстро отвернулся, уставившись в окно.

Келли заметил, что их сосед-пассажир смотрит на Максо. Он перехватил взгляд незнакомца, улыбнулся и кивнул в сторону неподвижной фигуры.

— Мой боксер,— сказал он громко.

Человек вежливо улыбнулся и приложил руку к уху.

— Мой боксер,— повторил Келли громче.— Боевой Максо. Слышали о нем?

Человек несколько секунд смотрел на Келли, затем покачал головой.

— Да, мой Максо был одно время почти чемпионом в полуутяжелом,— улыбнулся Келли, обращаясь к незнакомцу. Тот вежливо кивнул головой.

Неожиданно для самого себя Келли встал, пересек проход и сел напротив пассажира.

— Чертовски жарко,— сказал он.

— Да, очень жарко,— ответил человек, улыбнувшись ему.

— Здесь еще не ходят новые поезда, а?

— Нет,— ответил незнакомец,— еще не ходят.

— А у нас в Филли уже ходят,— сказал Келли.— Мы с моим другом оба оттуда. И Максо тоже.

Келли протянул руку.

— Меня зовут Келли, Стил Келли,— представился он.

Человек удивленно посмотрел на него и слабо пожал протянутую руку. Затем он незаметным движением вытер ладонь о штаны.

— Меня называли «стальной Келли»,— продолжал Келли.— Когда-то я сам занимался боксом. Еще до за-прещения, конечно. Выступал в полутяжелом.

— Неужели?

— Совершенно верно. Меня называли «стальной», по-тому что никто не мог послать меня в нокаут. Ни разу.

— Понимаю,— вежливо ответил человек.

— Мой боксер,— Келли кивнул в сторону Максо.— Тоже в полутяжелом. Сегодня вечером выступаем в Мэйнарде. Вы не туда едете?

— Я — нет,— сказал незнакомец.— Я скожу в Хейесе.

— Ага. Очень жаль. Будет хорошая схватка.— Келли тяжело вздохнул.— Да, когда-то мой Максо был четвертым в своем весе. Но он снова вернется на ринг, обязательно вернется. Это он нокаутировал Димзи-Скалу в конце семьдесят седьмого. Вы, наверно, читали об этом?

— Бряд ли,— ответил незнакомец.

— Угу,— кивнул Келли.— Это было во всех газетах восточного побережья. Нью-Йорк, Бостон, Филли. Самая большая сенсация года.

Он почесал лысину.

— Мой Максо — модель Б-2, то есть вторая модель,

выпущенная Моулингом,— пояснил Келли.— Его выпустили еще в семидесятые годы. Да-да, в семидесятые.

— Вот как,— ответил незнакомец.

Келли улыбнулся.

— Да,— продолжал он.— Я и сам когда-то выступал на ринге. Тогда еще дрались люди, а не роботы. До запрещения.— Он покачал головой, затем еще раз улыбнулся.— Ну что ж, мой Максо справится с этим Б-7. Не знаю даже, как его зовут,— добавил Келли с бодрой улыбкой.

Внезапно его лицо потемнело, и в горле застрял комок.

— Мы ему покажем,— прошептал он чуть слышно.

Когда незнакомец сошел с поезда, Келли вернулся на свое место. Он вытянул ноги, положил их на сиденье напротив и накрыл лицо газетой.

— Вздремну малость,— сказал он.

Поул хмыкнул.

Келли сидел, откинувшись назад, глядя невидящими глазами на газету перед самым носом. Он чувствовал, как Максо время от времени ударяет стальным боком по его плечу, и слышал скрип заржавленных суставов боксер-робота.

— Все будет в порядке,— пробормотал он ободряюще.

— Что ты сказал? — спросил Поул.

— Ничего. Я ничего не говорил.

В шесть часов вечера, когда поезд замер у перрона Мэйнарда, они осторожно опустили Максо на бетон и выкатили его на привокзальную площадь. С другой стороны площади их окликнул шофер одинокого такси.

— У нас нет денег на такси,— сказал Поул.

— Но не можем же мы катить его по улицам,— возразил Келли.— Кроме того, мы не знаем, где находится стадион Крюгера.

— А на какие деньги мы будем обедать?
— Отыграемся после боя, — сказал Келли. — Я куплю тебе бифштекс толщиной в три дюйма.

Тяжело вздохнув, Поул помог выкатить Максо на мостовую, такую раскаленную, что жар ощущался сквозь подошвы ботинок. У Келли опять простили капельки пота на верхней губе, и он снова начал ее облизывать.

— Господи, и как они только здесь живут? — спросил он.

Когда они подняли Максо и начали втискивать его в такси, еще одно колесико отвалилось и упало на мостовую. Поул яростно пнул его ногой.

— Что ты делаешь? — озадаченно спросил Келли.

Поул молча влез в машину и прилип к горячей кожаной обшивке сиденья, а Келли по мягкой асфальтовой мостовой поспешил за катящимся колесиком и поймал его.

— Ну, куда, хозяин? — спросил шофер.

— Стадион Крюгера, — ответил Келли.

— Будет сделано, — шофер протянул руку и нажал на кнопку стартера. Ротор загудел, и машина мягко заскользила по дороге.

— Какая муха тебя укусила? — спросил Келли вполголоса. — Больше чем полгода мы бились, чтобы заключить контракт, а теперь, когда нам наконец удалось, тебе все не по нраву.

— Тоже мне контракт, — проворчал Поул. — Мэйнард, штат Канзас — боксерская столица Соединенных Штатов!

— Ведь это только начало, правда? — спросил Келли. — После этой схватки у нас будут деньги на хлеб и масло, верно? Мы приведем Максо в порядок. И если нам повезет, мы окажемся...

Поул с отвращением огляделся вокруг.

— Я не понимаю тебя,— спокойно продолжал Келли.— Почему ты так легко списываешь со счетов нашего Максо? Ты что, не хочешь его победы?

— Стил, я механик класса А,— сказал Поул притворно терпеливым голосом.— Механик, а не мечтатель. Наш Максо — это груда металломолота против самого современного Б-7. Это вопрос простой механики, Стил, вот и все. Если Максо удастся сойти с ринга на своих двоих, считай, что ему необыкновенно повезло.

Келл сердито отвернулся.

— Это экспериментальный Б-7,— пробормотал он,— экспериментальный, с массой недоделок.

— Конечно, конечно,— поспешил согласиться Поул.

Несколько минут они сидели молча, глядя на проносящиеся мимо дома. Келли сжимал кулаки, его плечо касалось стального плеча Максо.

— Вы видели в бою Мэйнардскую Молнию? — спросил Поул шофера.

— Молнию? Конечно, видел! Да, ребята, это настоящий боец! Выиграл семь боев подряд! Даю голову на отсечение, он пробьется в чемпионы. Между прочим, сегодня вечером он дерется с каким-то ржавым Б-2 с восточного побережья.

Келли уставился на затылок шо夫ера, мускулы на его скулах напряглись до боли.

— Вот как? — угрюмо пробормотал он.

— Да уж будьте спокойны, наша Молния разнесет...

Внезапно шофер замолчал и посмотрел на Келли.— Послушайте, ребята, а вы не...— начал он, затем снова повернулся к рулю.— Я не знал, мистер,— сказал он примирительно,— я просто пошутил.

— Ладно, что там,— неожиданно сказал Поул.— Ты был прав.

Келли тотчас же повернулся к Поулу.

— Заткнись! — прошипел он сквозь зубы и уставился в окно. На его лице застыло каменное выражение.

— Я куплю ему немного смазки,— сказал он после минутного молчания.

— Великолепно! — с сарказмом заметил Поул.— А мы сами будем есть инструменты.

— Иди к черту! — огрызнулся Келли.

Такси остановилось у входа в огромное кирпичное здание стадиона, и Максо вынесли на тротуар. Поул потянул робота на себя, и Келли, нагнувшись, вставил колесико. Затем Келли заплатил шоферу точно по счетчику, и они покатали Максо к входу.

— Посмотри,— сказал Келли, кивнув на огромный щит рядом с входом. Третья строка гласила:

— МЭЙНАРДСКАЯ МОЛНИЯ, Б-7, п/т, ПРОТИВ БОЕВОГО МАКСО, Б-2, п/т.

— Это будет великая схватка,— сухо прокомментировал Поул.

Улыбка исчезла с лица Келли. Он повернулся к Поулу, чтобы оборвать его, но, сжав губы, промолчал.

Когда они подкатили Максо к двери и начали поднимать его по ступенькам, колесико снова выскочило и покатилось по тротуару. Ни один из них не сказал ни слова.

Внутри было еще жарче, чем на улице. Неподвижный воздух казался осязаемым.

— Захвати колесико,— бросил Келли и направился по коридору к стеклянной двери менеджера. Остановившись возле нее, он осторожно постучал.

— Войдите! — раздался голос. Келли распахнул дверь и, сняв шляпу, вошел в комнату.

Толстый лысый человек, сидевший за огромным сто-

лом, поднял голову. На его лысине сверкали капельки пота.

— Я — хозяин Боевого Максо,— сказал Келли, улыбаясь и протягивая руку. Человек за столом, казалось, не заметил ее.

— Я уж думал, вы не доберетесь вовремя,— сказал менеджер, мистер Водоу. — Ваш боксер в хорошей форме?

— В великолепной,— ответил Келли, не моргнув глазом.— Лучше быть не может! Мой механик — а у меня механик класса А — разобрал его и проверил все механизмы как раз перед самым отъездом из Филли.

На лице менеджера отразилось недоверие.

— Он в отличной форме,— еще раз повторил Келли.

— Вам чертовски повезло, что подвернулся контракт для вашего Б-2,— сказал мистер Водоу.— Вот уже больше двух лет на нашем ринге не выступал ни один робот класса ниже чем Б-4. Но боксер, которого мы наметили для этой схватки, попал в автомобильную катастрофу и погиб.

Келли сочувственно кивнул.

— Сейчас вам не о чем беспокоиться. Мой боксер в отличной форме. Вы, наверно, помните, как в Мэдисоне три года назад он нокаутировал Димзи-Скалу.

— Мне нужна хорошая схватка,— сказал толстяк.

— И вы ее получите,— ответил Келли, чувствуя тянувшую боль в области желудка.— Максо великолепно подготовлен. Вы сами увидите. Он в отличной форме.

— Мне нужен хороший бой.

Несколько мгновений Келли молча смотрел на толстяка. Затем он спросил:

— У вас есть свободная раздевалка? Механик и я хотели бы сейчас поесть.

— Третья дверь по коридору направо,— ответил мистер Водоу.— Ваш бой начинается в восемь тридцать.

Келли кивнул.

— Окей.

— И чтобы без опозданий,— добавил менеджер и снова склонился над столом.

— Э... а как относительно... — начал Келли.

— Деньги после боя,— прервал его мистер Водоу.

Улыбка исчезла с лица Келли.

— Окей,— сказал он.— Увидимся после боя.

Поняв, что мистер Водоу не собирается отвечать, Келли повернулся к выходу.

— Не хлопайте дверью,— сказал менеджер, не поднимая головы. Келли осторожно прикрыл за собой дверь.

— Пошли,— бросил он Поулу. Вместе они подкатили Макса к раздевалке и, втащив его туда, поставил в угол.

— Теперь неплохо бы проверить его,— напомнил Келли.

— Теперь неплохо бы подумать о моем брюхе,— огрызнулся механик.— Я не ел уже целый день.

Келли тяжело вздохнул.

— Ну ладно, пошли,— сказал он.

Но ему трижды пришлось хлопнуть дверью, прежде чем он услышал щелканье замка. Наконец Келли пошел к выходу, качая головой. Машинально он поднял к лицу левую руку и посмотрел на запястье; там виднелся лишь бледный след от заложенных в ломбарде часов.

— Сколько времени? — спросил он механика.

— Шесть двадцать пять,— ответил Поул.

— Придется есть побыстрее. Нужно как следует проверить его перед схваткой.

— А зачем?

— Ты слышал, что я сказал? — Келли сердито посмотрел на Поула.

- Ну ладно, ладно.
 - Он должен вырвать победу у этого сукиного сына
- Б-7, — процедил Келли, едва разжимая губы.
- Конечно. Зубами.

— Ну и город! — с отвращением бросил Келли, когда они после обеда отправились на стадион.

— Я же говорил тебе, что здесь нет машинного масла, — сказал Поул. — Зачем оно им? Б-2 тут больше не выступают. Максо, наверно, единственный Б-2 на тысячу миль в округе.

Келли быстро прошел по коридору и отомкнул дверь в раздевалку. Стоя на пороге, он повернулся к механику:

— Принимайся за работу, времени совсем в обрез.

Поул подошел к Максо, стащил с него брезентовый чехол, наклонился и начал отвертывать гайки. Аккуратно разложив их на скамье, он выбрал длинную отвертку и принялся за работу.

Келли задержал взгляд на кудрявой голове Максо. «Если бы я не видел, что у него внутри, — уже в который раз подумал Келли, — я не сумел бы отличить его от человека». Только механики знали, что боксеры-роботы модели Б — не настоящие люди. Часто и зрители принимали их за людей, и тогда в редакции газет шли гневные письма с протестами против выступления людей на рингах страны несмотря на запрет. Даже с кресел возле самого ринга движения боксеров-роботов, их волосы, кожа — все выглядело совершенно естественным. У Моулинга был специальный патент на все это.

При виде своего боксера Келли улыбнулся.

— Хороший парень, — пробормотал он.

Поул не слышал его слов. Он был поглощен работой, его искусные руки сновали в гуще проводов, проверяя контакты и реле.

— Ну как он, в порядке? — обеспокоенно спросил Келли.

— В полном порядке, — ответил механик. Он осторожно взял крошечную стеклянную трубочку в стальной оправе. — Если только эта штука не подкачет, — сказал он.

— Что это такое?

— Это субпара, — раздраженно объяснил Поул. — Я уже предупреждал тебя об этом восемь месяцев назад, когда Максо дрался последний раз.

Келли нахмурился.

— После этого боя мы ему купим новую, — сказал он.

— Семьдесят пять долларов, — прошептал Поул. Ему почудилось, как деньги улетают от него на зеленых крыльях.

— Не подкачет, — сказал Келли больше себе, чем Поулу.

Механик пожал плечами и вставил трубку обратно. Затем он утопил ряд кнопок на основном щитке управления. Максо шевельнулся.

— Осторожнее с левой рукой, — предупредил его Келли; — сбереги ее для боя.

— Если она не работает сейчас, она не будет работать и на ринге, — ответил Поул.

Он нажал еще одну кнопку, и левая рука Максо начала описывать небольшие концентрические круги. Затем Поул нажал кнопку, вводящую в действие защитную систему робота, и, отступив на шаг, нанес удар, целясь в правую часть подбородка Максо. Тотчас же рука робота стремительно поднялась вверх и прикрыла лицо. Левый глаз Максо сверкнул, подобно рубину на солнце.

— Если левая глазная линза выйдет из строя... — пробормотал механик.

— Не выйдет, — сказал Келли, стиснув зубы. Он не отрываясь смотрел, как Поул имитировал удар левой в

голову. Чуть замешкавшись, рука взлетела вверх и парировала удар. Суставы робота заскрипели.

— Достаточно — сказал Келли. — Левая рука действует. Проверь все остальное.

— В бою ему придется отразить больше чем два удара, — заметил механик.

— Левая рука в порядке, — отчеканил Келли. — Проверяй остальное, тебе говорят.

Поул засунул руку в грудную клетку Максо и включил ножные центры — ноги стали двигаться. Робот поднял левую ногу и вытряхнул колесико. Затем он, покачиваясь, встал на обе ступни; он напоминал калеку, который после длительной болезни поднялся на ноги.

Поул протянул руку и нажал кнопку «На полную мощность», затем быстро отскочил назад. Глаза робота остались на механике, и Максо начал скользить вперед, прикрывая лицо руками и высоко подняв плечи.

— Черт побери, — прошептал Поул, — скрип будет слышен даже в последних рядах зала.

Келли поморщился, прикусив губу. Он следил за тем, как Поул нанес удар справа и как Максо резким движением поднял руку для защиты. В горле у него все пересохло, ему стало трудно дышать.

Поул двигался быстро, робот неотступно шел за ним по пятам; его резкие судорожные движения контрастировали с мягкими плавными движениями человека.

— Да, он великолепен, — съязвил механик. — Действительно великий боксер!

Максо продолжал атаковать механика, подняв руки в защитной стойке. Поул изловчился и, наклонившись вперед, нажал кнопку «Стой». Максо замер.

— Послушай, Стил, мы должны поставить его на оборону, — сказал механик. — Если он попытается перейти в наступление, Б-7 разнесет его на куски.

Келли откашлялся.

— Нет,— сказал он.

— О господи, подумай хоть немного, Стил! — взмолился Поул.— Ведь Максо лишь Б-2, ему все равно крышка, так давай спасем хотя бы часть деталей!

— Они хотят, чтобы он наступал,— сказал Келли.— Так и записано в контракте.

Поул отвернулся.

— Кому все это нужно? — прошептал он.

— Проверь-ка его еще раз.

— Зачем? От этого лучше не будет.

— Делай, как тебе говорят! — закричал Келли, давая выход ярости, накопившейся в нем за день.

Поул послушно кивнул, повернулся к работе и нажал кнопку. Левая рука Максо взлетела вверх, затем внутри что-то треснуло, и рука упала вниз, ударившись о бок с металлическим звоном.

Келли вздрогнул, на его лице застыла маска отчаяния.

— Боже мой! Ведь я тебя просил не трогать левую руку! — вырвалось у него. Он побежал к механику. Тот, побледнев, изо всех сил нажимал кнопку. Левая рука не двигалась.

— Я же говорил — оставь левую руку в покое! — зарыдал Келли.— Неужели непонятно...— Келли оборвал фразу на полуслове: голос отказал ему.

Поул не ответил. Он схватил отвертку и начал колдовать над щитком, прикрывающим механизм левой руки.

— Если ты сломал ему руку, клянусь богом, я...— занялась, начал Келли.

— Если я сломал руку! — огрызнулся механик.— Послушай, ты, безмозглый дубина! Эта развалина уже три года держалась на честном слове!

Келли сжал кулаки, его глаза налились кровью.

— Сними щиток,— приказал он.

— С-с-сукин сын,— шептал Поул дрожащим голосом, отвертывая последний болт на плечевом щитке.— Попробуй, найди такого механика, который все эти годы ремонтировал бы этот экскаватор лучше меня! Найди хоть одного!

Келли не отвечал. Он стоял и смотрел, как механик снимает щиток.

Как только щиток был снят, пружина сломалась пополам, и кусок ее со звоном отлетел в другой угол комнаты.

Поул хотел что-то сказать, но не мог. Как зачарованный, он смотрел, не отрываясь, на пепельное лицо Келли.

Келли повернулся к механику.

— Почини его,— сказал он хриплым голосом.

Поул с трудом проглотил слюну.

— Стил, я не...

— Почини его!

— Я не могу, Стил! Эта пружина латалась уже столько раз, что ее больше нельзя чинить, на ней живого места нет!

— Ты ее сломал. Теперь почини! — пальцы Келли тисками сжали руку механика. Поул рванулся в сторону.

— Отпусти меня!

— Что с тобой, Поул? — неожиданно тихо спросил Келли.— Ты ведь знаешь, что мы должны починить эту пружину! Должны!

— Стил, нам нужна новая пружина.

— Так найди ее!

— А где? В этом городе нет таких пружин, Стил! И кроме того, у нас нет шестнадцати долларов...

— О... боже мой,— прошептал Келли. Его рука разжалась и бессильно повисла. Он повернулся, нетвердыми шагами направился к скамье, сел и долго смотрел на высокую неподвижную фигуру Максо.

Поул тоже застыл на месте с отверткой в руках. Он

не мог отвести взгляда от лица Келли, полного отчаяния.

— Может быть, он не выйдет в зал смотреть схватку,— чуть слышно прошептал Келли.

— Что?

Келли поднял голову и посмотрел на механика. Его лицо внезапно похудело и осунулось, бескровные губы сжались в узкую серую черту.

— Если он не выйдет в зал посмотреть схватку, может, и сойдет,— отчеканил он.

— О чём ты говоришь?

Келли встал и начал расстегивать рубашку.

— Что ты хо...— Поул, не договорив, замер с открытым ртом.— Ты сошел с ума!— прошептал он.

Келли расстегнул рубашку и начал ее стаскивать.

— Стил, ты сошел с ума! — закричал Поул.— Ты не имеешь права делать это!

Келли продолжал раздеваться.

— Но... Стил... послушай, Стил, ведь это убийство...

— Если мы не выставим боксера, нам не дадут ни копейки,— сказал Келли.

— Но ведь он убьет тебя!

Келли снянул майку и бросил ее на скамью. Его широкая грудь была покрыта густыми рыжими волосами.

— Придется сбрить волосы,— бросил он.

— Стил, не делай глупостей,— сказал Поул умоляющим голосом.— Ведь ты...

Широко раскрытыми от ужаса глазами он смотрел, как Келли сел на скамейку и начал расшнуровывать ботинки.

— Они не позволят тебе,— внезапно начал Поул.— Ты не сумеешь провести их...— Он замолчал и сделал неуверенный шаг.— Стил, ради бога...

Келли окинул механика мертвым взглядом.

— Ты поможешь мне,— сказал он.

— Но ведь они...

— Никто не знает, как выглядит Максо. И один только Водоу видел меня. Если он останется у себя в кантропе и не выйдет посмотреть бой, все будет в порядке.

— Но...

— Они не догадаются. Роботы тоже получают синяки, у них тоже течет кровь.

— Стил, перестань,— сказал Поул дрожащим голосом. Пытаясь овладеть собой, он сделал глубокий вдох и опустился на скамью рядом с широкоплечим ирландцем.

— Послушай, Стил,— сказал он,— в Мэриленде у меня живет сестра. Если я отобью телеграмму, она вышлет нам деньги на обратную дорогу.

Келли выпрямился и расстегнул пояс.

— Стил, я знаю парня в Филли, который по дешевке продаст Б-5,— в отчаянии продолжал Поул.— Мы соберем деньги и... Стил, ну ради бога! Он же тебя убьет! Ведь это Б-7! Неужели ты не понимаешь? Это Бэ-Семь! Он изувечит тебя одним ударом!

Келли подошел к Максо и начал стаскивать с него трусы.

— Я не позволю тебе, Стил,— сказал Поул.— Сейчас я пойду и...

Он умолк, потому что Келли, внезапно повернувшись, схватил его за воротник рубашки и поднял на ноги. В глазах Келли не было и проблеска человечности, а хватка напоминала объятия бездушной машины.

— Пятьсот долларов! — прошипел Келли.— Ты мне поможешь, или я разобью твою голову о стену!

— Тебя убьют,— прошептал Поул, задыхаясь.

— Вот и хорошо,— ответил Келли.

Мистер Водоу вышел в коридор в тот момент, когда Поул вел покрытого брезентом Келли к рингу.

— Быстрее, быстрее,— сказал мистер Водоу,— вы заставляете публику ждать.

Поул судорожно кивнул и быстрее повел Келли по коридору.

— А где хозяин робота? — крикнул вдогонку мистер Водоу.

Поул проглотил внезапно набежавшую слюну.

— В зале,— торопливо ответил он.

Мистер Водоу что-то пробормотал, и Поул услышал, как захлопнулась дверь его конторы. «Надо было сказать ему», — прошептал он.

— Я бы тебя убил на месте,— послышался сдавленный голос из-под брезента.

Когда они повернули за угол, из зала донесся рев многочисленной толпы. Келли почувствовал, как по его виску потекла струйка пота.

— Послушай, Поул,— сказал он,— тебе придется вытирать меня в перерыве между раундами.

— В перерыве между какими раундами? — спросил механик.— Ты и одного не продержишься.

— Заткнись!

— Стил, ты думаешь, что тебе предстоит обычный бой с хорошим боксером? — спросил Поул.— Не строй иллюзий — ты будешь драться с машиной, понимаешь, с машиной! Разве ты...

— Я сказал, заткнись!

— Хорошо, болван ты этакий. Но ведь если я буду вытирая тебя в перерыве, все догадаются.

— Они не видели Б-2 уже много лет,— напомнил Келли.— Если кто-нибудь спросит, отвечай, что протекает масло.

— Хорошо,—сказал Поул, нервно облизывая губы.— Стил, ты не сможешь...

Конец фразы внезапно потонул в реве тысячи глоток — они вошли в огромный зал. Теперь они спускались к рингу по наклонному проходу среди жаркого шумного моря зрителей. Келли старался подтягивать колено к колену и шагать рывками. Со всех сторон неслись выкрики:

— Его увезут отсюда в ящике!

— Посмотрите-ка на этого Ржавого Максо!

Но чаще всего раздавалось неизбежное: «Куча металлической ломоты!»

Келли чувствовал, что его колени стали ватными. «Господи, как хочется пить», — подумал он. Моментально в его мозгу возникла картина бара в Канзас-Сити, тускло освещенное помещение рядом с вокзалом, свежий ветерок, холодная, покрытая изморозью бутылка пива в руке. За последний час он не выпил ни капли воды. Он знал, что чем меньше выпьет, тем меньше будет потеть.

— Внимание! — услышал он голос Поула; механик скжал его локоть.— Ступеньки ринга,— прошептал Поул.

Келли осторожно поднялся по ступенькам и протянул руку. Она коснулась канатов ринга. Очень трудно пролезать между канатами в тесном брезентовом чехле. Келли споткнулся и едва не упал. Раздался оглушительный свист. Поул подвел его к своему углу, и Келли судорожно опустился; вернее, почти упал, на табуретку.

— Эй, что делает на ринге этот подъемный кран? — закричал какой-то остряк из второго ряда. Смех и аплодисменты, затем снова свист.

В следующее мгновение Поул стянул с Келли чехол, и он увидел перед собой противника.

Келли замер, глядя на Мэйнардскую Молнию.

Б-7 стоял неподвижно, его руки, закованные в черные боксерские перчатки, висели по бокам. Волосы, лицо,

мускулы на руках и ногах казались идеальными. Боксер походил на окаменевшего Адониса. На секунду Келли показалось, что он перенесся в прошлое и снова стоял на ринге, принимая вызов молодого соперника. Осторожно, стараясь не выдать себя, он проглотил слюну.

— Стил, не надо; — прошептал Поул, делая вид, что закрепляет наплечную пластинку.

Келли не ответил. Не отрываясь, он смотрел на Мэйнардскую Молнию, думая о том, сколько разнообразных, мгновенно действующих реле и переключателей скрыто у того в широкой груди. Ноги у него были как лед. Казалось, какая-то холодная рука внутри него тянула за обрывки мускулов и нервов.

Краснолицый мужчина в белоснежном костюме вскарабкался на ринг и протянул руку к спустившемуся сверху микрофону.

— Итак, дамы и господа, первый номер нашей сегодняшней программы — схватка в десять раундов, полутяжелый вес; — объявил он хриплым голосом. — В красном углу — Б-2, Боевой Максо из Филадельфии!

Раздался свист и топот тысячи ног. Зрители из ближних рядов кидали в Келли бумажные стрелы и кричали: «Металлолом!»

— В синем углу — его соперник, наш Б-7, Мэйнардская Молния!

Одобрительные крики и громкие аплодисменты. Механик Мэйнардской Молнии коснулся кнопки на груди робота, и тот вскочил, сделав победный жест — поднял руки над головой. Толпа загудела от восторга.

— Господи, я никогда не видывал ничего подобного! — прошептал Поул. — Это что-то новое.

— За этим боем последует еще три схватки, — объявил краснолицый мужчина и начал спускаться с ринга. Микрофон поднялся вверх, под купол арены.

На ринге остались только боксеры. За боем роботов не наблюдает рефери — если робот падает, он уже больше не может встать на ноги.

— Стил, это твой последний шанс, — прошептал Поул.

— Отойди, — прошипел Келли, не разжимая губ.

Поул взглянул на Келли, на его застывшие глаза, и тяжело вздохнул.

— По крайней мере старайся держать его на дистанции, — едва слышно пробормотал механик, пролезая под канатами.

В противоположном углу ринга боксер-робот стоял, ударяя перчаткой о перчатку, подобно молодому бойцу, которому не терпится вступить в схватку. Келли встал, и Поул убрал с ринга табуретку. Глаза Мэйнардской Молнии неотрывно смотрели на Келли, и тот снова ощутил приятный холодок внизу живота.

Ударил гонг.

Б-7 мягким шагом двинулся из своего угла навстречу Келли, подняв руки в классической защитной стойке, описывая перчатками концентрические круги. Келли тоже двинулся к центру ринга, едва волоча внезапно отяжелевшие ноги. Он почувствовал, как его руки автоматически выдвинулись вперед — левая закрыла локтем живот, а правая перчатка прикрыла челюсть. Глаза Келли были прикованы к лицу Мэйнардской Молнии.

Человек и робот сблизились. Левая перчатка Б-7 устремилась вперед, и Келли машинально парировал удар, даже через перчатку почувствовав гранитную твердость кулака противника. Робот мгновенно отступил назад и тут же выбросил вперед левую руку. Келли уклонился, и ветерок от молниеносного движения перчатки противника коснулся его щеки. В следующее мгновение Келли увидел брешь в обороне соперника, и его левая нацелилась прямо в лицо Мэйнардской Молнии. Казалось, Келли

с размаху ударил по дверной ручке. Острая боль пронзила левую кисть, и Келли стиснул зубы, пытаясь удержать гримасу.

Б-7 сделал обманное движение левой, и Келли, поддавшись на обман, уклонился от удара. У него уже не было времени защититься от удара правой, которая стремительным движением рассекла воздух и, скользнув по правому виску, ободрала его. Непроизвольно Келли откинулся голову назад, и в ту же секунду левый кулак робота съездил ему по уху. Келли пошатнулся, но удержался на ногах и попытался атаковать прямым слева. Робот легко уклонился, сделав шаг в сторону. Келли двинулся за ним и нанес сильнейший апперкот в челюсть противника. Снова острая боль пронзила кисть руки. Робот даже не пошатнулся, продолжая свое методичное наступление. Обманное движение левой, и тяжелый удар правой обрушился на плечо Келли.

Инстинктивно Келли сделал два шага назад и услышал, как кто-то в зале завопил: «Сядь лучше на велосипед!» — В следующий миг он вспомнил предупреждение мистера Водоу насчет хорошей схватки, и снова двинулся вперед.

Свинг левой попал ему прямо в сердце, и удар потряс Келли. Боль раскаленными иглами вонзилась в сердце. Он тут же судорожно ударил левой, и кулак попал роботу прямо в нос. Ничего, кроме боли. Келли сделал шаг назад, и кулак Б-7 ударил его в грудь. Сила удара заставила его отшатнуться, и тут же последовал новый удар — в плечо. Келли потерял равновесие и сделал несколько шагов назад. Толпа загудела. Б-7 двинулся вслед за Келли, плавно и совершенно беззвучно.

Келли удалось восстановить равновесие. В следующее мгновение он сделал обманное движение левой и нанес сильнейший удар правой. Робот молниеносно уклон-

нился, и Келли по инерции развернулся влево. Б-7, оценив представившуюся возможность, тут же ударил левой по правому плечу боксера. Келли успел почувствовать, как онемевшая рука опускается, и в следующее мгновение гранитный кулак Мэйнардской Молнии погрузился в живот боксера. Келли согнулся, как паяц, пытаясь закрыть лицо руками. Глаза робота, неотрывно следившие за боксером, сверкнули.

В тот момент, когда робот двинулся вперед, чтобы нанести решающий удар, Келли сделал шаг в сторону, и фотоэлементы глаз Б-7 потеряли его. Еще два шага, и Келли разогнулся, стараясь отдохнуться. Воздух с хрипом врывался в его измученные легкие.

— Металлом! — раздалось из зала.

В горле у Келли пересохло, он судорожно глотнул и двинулся в атаку в то самое мгновение, когда глаза Мэйнардской Молнии снова нашли его. Келли сделал быстрый шаг вперед, надеясь опередить электрический импульс, и сильно ударили правой. Левая перчатка соперника тут же взметнулась вверх, и удар Келли был отбит. Тотчас же правая Мэйнардской Молнии снова заставила Келли согнуться пополам и уйти в глухую защиту. Он отшатнулся, Б-7 последовал за ним, сохраняя дистанцию. Всхлипнув, Келли начал наносить удары наугад, но Б-7 отражал слепые удары и наносил встречные, точно поражающие цель. Голова Келли каждый раз дергалась, когда несильные, но точные удары робота попадали в цель. Келли видел, как Б-7 готовит сильнейший удар правой — видел, но уже не мог парировать его.

Удар в голову был подобен удару стального молота. Лезвия боли впились в мозг Келли. Казалось, черное облако опустилось на ринг. Его сдавленный крик утонул в реве многотысячной толпы, требовавшей, чтобы Б-7 добил его. Келли покачнулся и оперся на канаты, которые

спасли его от падения. Жесткая веревка впилась в поясницу, а из носа и рта потекла яркая кровь, очень похожая на краску, применяемую для большего правдоподобия у боксеров-роботов.

Какое-то неуловимое мгновение Келли бессильно висел на канатах, пытаясь защититься свободной левой рукой. Он зажмурился несколько раз, пытаясь сфокусировать зрение. Я — робот, беззвучно кричали его кровоточащие губы, я — робот!

Новый удар Мэйнардской Молнии попал в грудь, на несколько сантиметров выше солнечного сплетения. Чуть-чуть ниже, и Келли не удержался бы на ногах. Однако и этот удар заставил его задохнуться. Тут же правая робота опустилась на голову Келли, снова отбросив его к канатам. Толпа оглушительно заревела.

Как будто в тумане перед Келли маячил силуэт Мэйнардской Молнии. Еще один удар в грудь, будто дубиной, затем новый в плечо. Келли успел парировать правый хук робота поднятым плечом и сам ударил прямым справа. Б-7 легко отразил удар и ответил прямым в живот. Келли снова согнулся, не в силах вздохнуть. Еще удар в голову, и Келли отлетел к канатам. Он чувствовал соленый вкус крови во рту, оглушительный рев толпы поглотил его, подобно безбрежному океану. «Стой, — беззвучно кричал он, — стой! Только бы устоять, только бы не упасть... Пятьсот долларов...» — Ринг покачивался перед Келли подобно черной воде.

Отчаянным усилием он выпрямился и из последних сил ударил в это красивое лицо. Что-то громко хрустнуло, и руку пронизала нестерпимая боль. Хриплый вскрик Келли остался незамеченным в оглушительном реве зрителей. Правая рука бессильно опустилась.

— Прикончи его, Молния, прикончи его!

Теперь их отделяло всего несколько дюймов. Б-7 об-

рушил на Келли град ударов, ни один из которых не прошел мимо цели. Келли качался взад-вперед, как тряпичная кукла, но продолжал стоять на ногах. Кровь текла по его лицу и груди алыми лентами. Руки бессильно висели по бокам, он ничего не видел. Из внешнего мира до его сознания доходил лишь рев толпы и бесконечные тяжелые удары. «Держись,— думал он.— Держись. Держись. Держись. Я должен выдержать, должен!» Он попытался втянуть голову в плечи.

Келли продолжал стоять, когда за семь секунд до конца первого раунда правая рука Мэйнардской Молнии, подобно молоту, ударила в челюсть, и он рухнул на пол.

Келли лежал, судорожно хватая воздух широко открытым ртом. Внезапно он попытался встать и затем так же внезапно осознал, что не может. Он снова опустился на окровавленный пол ринга. Голова разрывалась на тысячу частей. Рев и свист толпы доносились откуда-то издалека.

Когда Поул сумел наконец поднять Келли и накинуть на него брезентовый чехол, толпа свистела и ревела так громко, что Келли не слышал слов механика. Он чувствовал, как большая рука бережно поддерживает его, но его ноги сдали, и когда Келли пролезал под канатами, он едва не упал. «Держись,— билось в его мозгу,— держись. Мы должны показать хорошую схватку. Нам нужна хорошая схватка. Человек против робота».

В раздевалке Келли бессильно опустился на цементный пол и потерял сознание. Поул попытался поднять его и посадить на скамью, но тяжелая ноша оказалась ему не под силу. Наконец он сложил вдвое свой пиджак и подсунул его под голову Келли вместо подушки. Затем, встав на колени, механик начал вытираять ручейки крови на груди и лице боксера.

— Ах ты кретин,— бормотал он дрожащим голосом,— безмозглый ты дурень.

Через несколько минут Келли открыл глаза.

— Иди,— прошептал он едва слышно,— иди за деньгами.

— Что?

— Деньги! — прохрипел Келли из последних сил.

— Но...

— Немедленно! — рыкнул Келли.

Поул выпрямился и несколько секунд, не отрываясь, смотрел на изувеченного боксера. Затем повернулся и вышел.

Келли лежал, тяжело дыша. Он не мог шевельнуть правой рукой: знал, что она сломана. Из носа и рта продолжала течь кровь. Боль пульсировала в его теле, все оно было как одна сплошная рана.

Через некоторое время ему удалось приподняться на локте и повернуть голову. Наболевшие мускулы шеи мешали ему, но Келли поворачивал голову до тех пор, пока не увидел стоящего в углу Максо. Убедившись, что с роботом ничего не случилось, Келли снова опустился на холодный пол. Губы исказились в подобии улыбки.

Когда Поул вернулся, Келли опять поднял голову. Механик подошел и, опустившись рядом с ним на колени, снова начал вытираять лицо боксера.

— Ты получил деньги? — спросил Келли хриплым шепотом.

Поул тяжело вздохнул.

— Ну?

Поул с трудом проглотил комок в горле.

— Только половину,— сказал он.

Глаза Келли уставились невидящим взглядом в лицо механика, рот приоткрылся. Казалось, он не верит своим ушам.

— Он сказал, что не будет платить пять сотен за один раунд.

— Что ты говоришь? — раздался наконец голос Келли. Пытаясь встать, он оперся на правую руку. Смертельно побледнев, Келли с приглушенным криком рухнул на пол. Голова глухо ударила о сложенный пиджак.

— Не может... не может... этого быть, — прохрипел Келли.

Поул нервно облизнул сухие губы.

— Стил... ничего нельзя поделать... Там с ним несколько парней... типичные гангстеры... — Он опустил голову. — А если он узнает, как было дело, он может забрать все... не дать ни цента...

Лежа на спине, Келли не отрываясь смотрел на голую электрическую лампочку под потолком. Грудь его содрогалась от рыданий.

— Нет, — шепнул он. — Нет...

Прошло несколько минут, долгих, как часы. Поул встал, принес воды, вытер лицо Келли и дал ему напиться. Затем он открыл свой чемоданчик с инструментами и пластирем заклеил раны на его лице. Правую руку Поул уложил в импровизированный лубок.

Через четверть часа Келли поднял голову.

— Мы поедем на автобусе, — сказал он.

— Что?

— Мы поедем на автобусе, — медленно повторил Келли. — Это нам встанет только в пятьдесят шесть зелененьких. Он пошевелился и поднял голову. — Тогда у нас останется почти две сотни. Мы купим ему... новую пружину... и линзу фотоглаза... и ... — Комната снова окуталась черным туманом, он мигнул и закрыл глаза. — И масляной смазки, — добавил он немного погодя. — Целую ванну масла. Он снова будет... будет как новенький...

Келли перевел взгляд на механика и продолжал.
— И он снова будет в порядке. Он будет, как и раньше, в отличной форме. И мы обеспечим его хорошими схватками. — Келли замолчал и с трудом вздохнул. — Его нужно только немного подремонтировать. Новая пружина, линза — это поставит его на ноги. Мы покажем этим мерзавцам, что может сделать Б-2, наш старый добродушный Максо. Верно?

Поул посмотрел на лежащего ирландца и тяжело вздохнул.

— Конечно, Стил, — сказал он.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

От первого удара молотка дверь тряхнуло, от второго тонкая деревянная доска загудела подобно барабану. Бенедикт Верналл распахнул дверь и ткнул пистолетом в живот человека еще до того, как молоток в третий раз успел опуститься.

— Убирайся отсюда! Немедленно убирайся! — крикнул он пронзительней, чем ему бы хотелось.

— Не будь дураком, — спокойно сказал бейлиф, делая шаг в сторону, чтобы Бенедикт мог видеть двух полицейских за его спиной. — Я — бейлиф и исполняю свой долг. Если ты застрелишь меня, этим двоим приказано убить тебя и всех, кого они обнаружат в квартире. Будь разумным человеком. Это ведь не первый случай. Он предусмотрен законом.

Один из полицейских поднял дуло автомата и с иронической улыбкой на лице щелкнул затвором. Рука Бенедикта с пистолетом медленно опустилась вниз.

— Так-то лучше, — одобрил бейлиф и в третий раз опустил молоток, накрепко пригвоздивший объявление к двери.

— Сорви с моей двери эту грязную бумажку, — прорычал Бенедикт, задыхаясь от ярости.

— Бенедикт Верналл, — бейлиф поправил очки на носу и начал размеренно читать объявление, которое он только что прикрепил к двери. — Вас уведомляют, что в соответствии с Актом о преступном деторождении от 1993 года вы являетесь виновным в преступном рож-

дении ребенка. Таким образом, вы объявлены вне закона и государство больше не защищает вас от насилия.

— Вы даете право какому-нибудь сумасшедшему убить меня... что это за грязный закон?

Бейлиф снял очки и холодно посмотрел на Бенедикта. — Мистер Верналл, — сказал он, — имейте мужество нести ответственность за последствия своих действий. Родился у вас незаконный ребенок или нет?

— Незаконный ребенок — нет! Беззащитное существо...

— Имели вы или нет разрешенный законом максимум — двоих детей?

— Да, у нас двое детей, но это не зна...

— Вы отказались воспользоваться советом и помощью местной клиники по контролю над рождаемостью. Вы выгнали правительенного чиновника из департамента по вопросам населения. Вы отказались от услуг клиники абортов...

— Убийцы!

— ...и от попыток Совета планирования семьи помочь вам. Предписанные законом шесть месяцев прошли, и вы не приняли никакого решения. Вы получили три предупреждения и игнорировали их. Ваша семья все еще имеет на одного потребителя больше, чем это предписано законом, поэтому мне было дано указание прикрепить на вашей двери это объявление. Вы сами в ответе за все, мистер Верналл, и в этой истории виноваты только вы.

— А по-моему, виноват этот мерзкий закон.

— Тем не менее это закон данной страны, — сказал Бейлиф, выпрямляясь во весь рост, — и ни вы, ни я не имеем права оспаривать его. — Он вынул из кармана свисток и поднес его к губам. — Моей обязанностью является, мистер Верналл, напомнить вам о том, что даже сейчас у вас есть возможность избежать печальных по-

ледствий, если вы согласитесь воспользоваться услугами Клиники умерщвления.

— Убирайся к дьяволу!

— Вот как! Меня уже посылали туда.— Бейлиф приложил свисток к губам и пронзительно засвистел. На его лице промелькнуло что-то вроде улыбки, когда Бенедикт захлопнул дверь.

Когда полицейские, преграждавшие путь толпе, отошли в сторону, на нижней площадке лестницы раздался животный рев. Толпа сцепившихся мужчин запрудила лестницу и, не прекращая схватки, кинулась вверх. Один из них вырвался было из ревущего клубка, но кулак одного из преследователей опустился ему на голову, он упал, и остальные затоптали его. Крича и ругаясь, толпа медленно продвигалась вверх по лестнице, и в тот момент, когда казалось, что до заветной двери осталось всего ничего и настал решающий момент, один из лидеров гонки споткнулся и свалил двух других. В то же мгновение откуда-то из середины толпы выскочил жирный коротышка и ударился о дверь с такой силой, что ручка, которую он держал в руке, проткнула бумагу объявления и вошла глубоко в дерево.

— Доброволец избран! — прокричал бейлиф, и полицейские сомкнутым строем начали теснить неудачников, спускаясь вниз по лестнице. Один из лежавших на площадке приподнялся. Изо рта его текла слюна, он жевал полоску от старого ковра. Двое санитаров в белых халатах были наготове. Один из них с привычной быстротой воткнул в шею мужчины шприц, другой развернул носилки.

В это время коротышка под внимательным взглядом

бейлифа тщательно вписал свое имя в соответствующую графу объявления, потом бережно спрятал ручку в карман.

— Рад приветствовать вас как добровольца, вызвавшегося исполнить свой общественный долг, мистер... — бейлиф наклонился вперед, к двери, близоруко щурясь, — мистер Мортимер, — сказал он наконец.

— Мортимер — это не фамилия, а имя, — мягко поправил его человек, примачивая лоб платком, извлеченным из нагрудного кармана.

— Совершенно верно, сэр, ваше желание скрыть свою фамилию вполне понятно и уважается законом как право всех добровольцев. Можно считать, что вы знакомы с остальными правилами?

— Да, можно. Параграф 46 Акта о преступном деторождении от 1993 года, пункт 14, касающийся отбора добровольцев. Во-первых, я вызвался выполнить эту задачу добровольно в течение суток. Во-вторых, за это время я не должен нарушать или пытаться нарушить законы, гарантирующие безопасность других членов общества, а если это произойдет, я буду привлечен к ответственности за свои действия.

— Отлично, сэр. Это все?

Мортимер тщательно сложил платок и сунул его обратно в нагрудный карман.

— И в-третьих, — сказал он, поглаживая карман, — если мне удастся лишить жизни приговоренного, я не буду подвергаться судебному преследованию.

— Совершенно точно, — бейлиф кивком показал на огромный чемодан. Полисмен поднял крышку. — Теперь подойдите сюда и выберите то, что считаете необходимым. — Оба посмотрели на чемодан, доверху наполненный инструментами смерти. — Надеюсь, вам понятно, что в течение этих суток вы и сами рискуете жизнью. Из-

вестно ли вам, что если за это время вы будете убиты или ранены, ваша жизнь не охраняется законом?

— Не принимайте меня за дурака, — огрызнулся Мортимер, потом он указал на чемодан. — Я хочу взять одну из этих ручных гранат.

— Это запрещено законом, — резко сказал бейлиф, задетый грубостью Мортимера. Ведь и такие вопросы можно решать корректно. — Бомбы и ручные гранаты применяют только на открытой местности, где они не причиняют вреда невинному. В жилом доме это невозможно. Вы можете выбрать любое другое оружие ближнего действия.

Мортимер нервно хрустнул пальцами и замер, склонив голову в позе молящегося. Глаза его были прикованы к содержимому чемодана — ручные пулеметы, гранаты, автоматические пистолеты, ножи, кастеты, ампулы с кислотой, кнуты, бритвы, осколки стекла, отравленные стрелы, булавы, дубинки с шипами, бомбы со слезоточивым и удушающим газом.

— Сколько я могу взять? — спросил он.

— Все, что считаете нужным. Помните только, что после вам придется отчитаться за оружие.

— Тогда я беру пистолет-пулемет Рейслинга и к нему пять двадцатизарядных магазинов, кинжал для командос с зазубринами на лезвии и несколько гранат со слезоточивым газом.

Бейлиф быстро отметил названные предметы в своем списке.

— Это все? — спросил он.

Мортимер кивнул, взял из рук бейлифа список и не читая расписался внизу. Затем он начал рассовывать по карманам патроны и гранаты, перекинув через шею ремень пистолета-пулемета.

— Итак, у вас двадцать четыре часа, — сказал бей-

лиф, глядя на свои ручные часы и заполняя еще одну графу в ведомости.— Вы располагаете временем до 17.45 завтрашнего дня.

— Бен, пожалуйста, отойди от двери, — прошептала Мария.

— Тише! — прошипел Бенедикт, прижав ухо к двери.— Я хочу знать, о чем они говорят.— Его лицо напрягалось: он пытался расслышать невнятную речь.— Ничего не понять, — сказал он наконец, отворачиваясь от двери.— Впрочем, это не имеет значения. Я знаю, что он собирается делать...

— Он хочет убить тебя, — сказала Мария тонким голосом, похожим на девичий. Младенец у нее на руках заплакал, и женщина прижала его к груди.

— Пожалуйста, Мария, иди в ванную, как мы с тобой договорились. У тебя там кровать, вода, пища. Там нет окон, и тебе не угрожает опасность. Сделай это для меня, дорогая, чтобы я не беспокоился о вас двоих.

— Тогда ты будешь здесь совсем один.

Бенедикт расправил узкие плечи и крепче сжал рукоятку револьвера.— Здесь мое место, впереди, чтобы защищать свою семью. Это старо как мир.

— Семья, — прошептала женщина и беспокойно оглянулась кругом. — Как-то там Мэтью и Агнесс?

— У твоей матери они в безопасности. Она обещала как следует присмотреть за ними, пока мы не приедем. У тебя есть еще время уехать к ним. Как бы мне этого хотелось!

— Это невозможно. Я могу быть только здесь. И не могу бросить младенца у матери. Он будет голодать без меня. — Она посмотрела на ребенка, который все еще всхлипывал, и начала расстегивать верх платья.

— Дорогая, ну пожалуйста, — сказал Бенедикт, отодвигаясь от двери. — Отправляйся с ребенком в ванную и не выходи, что бы ни случилось. Он может появиться в любую минуту.

Мария нехотя повиновалась, и через мгновение он услышал щелчок замка в ванной. Затем Бенедикт попытался забыть об их присутствии — ведь эти мысли лишь отвлекали его и могли помешать тому, что предстояло сделать. Он уже давно выработал детальный план обороны и сейчас медленно пошел по квартире, проверяя, все ли в порядке. Во-первых, входная дверь, единственная дверь, ведущая в квартиру. Она заперта и закрыта на засов с цепочкой. Нужно только придвинуть платяной шкаф, и убийца не сможет войти этим путем, разве что поднимет шум, а если он попытается сделать это, его будет поджидать Бенедикт с оружием в руках. Итак, этот участок в безопасности.

Ни в кухне, ни в ванной окон не было, поэтому за эти две комнаты он мог быть спокоен. Убийца может проникнуть в квартиру через спальню, потому что ее окно выходит на пожарную лестницу, но Бенедикт разработал план обороны и на этот случай. Окно спальни было закрыто, и открыть его снаружи можно было, только разбив стекло. Он услышит шум и успеет припереть дверь спальни диваном. Ему не хотелось баррикадировать дверь спальни заранее, потому что, может быть, ему самому придется туда отступить.

Таким образом, оставалась только одна комната, гостиная, и именно здесь он собирался расположиться. В гостиной было два окна, и дальнее окно, как и окно спальни, находилось рядом с пожарной лестницей. Убийца может ворваться через это окно. Во второе окно с пожарной лестницы попасть было нельзя, хотя убийца мог обстреливать его из здания напротив. Но угол, в котором

он расположился, был надежно защищен от этого огня, так что здесь Бенедикту и следовало быть. Он задвинул в угол большое кресло и, внимательно осмотрев запоры на окнах гостиной, уселся в него.

Он опустил револьвер на правое колено, направив дуло его к дальнему окну около пожарной лестницы. Всякий, кто попытается проникнуть через него в квартиру, тут же попадет под огонь Бенедикта. Правда, рядом было еще одно окно, но это мало беспокоило его, если только он не будет стоять прямо перед ним. Тонкие полотняные занавески были опущены, и, как только стемнеет, Бенедикт сможет смотреть через них, сам оставаясь невидимым. Повернув дуло револьвера на несколько градусов, Бенедикт мог держать под огнем дверь в прихожую. Если он заслышит возню около входной двери, то несколько шагов — и он окажется возле нее. Да, он сделал все что мог. Он снова опустился в кресло.

Приближался вечер, и комната постепенно погружалась в темноту, однако отблеск городских огней позволял ему ориентироваться в полураке. Было тихо, и каждый раз, когда он двигался в кресле, ржавые пружины под ним громко стонали. Прошло несколько часов, и Бенедикт понял, что в его плане есть одно маленькое упущение. Ему хотелось пить.

Сначала он попытался не замечать жажды, но к девяти часам вечера его рот совершенно пересох, а язык казался комком ваты. Он понимал, что не сумеет продержаться в таком состоянии ночь — жажда мешала ему сосредоточиться. Ему бы следовало прихватить с собой кувшин воды. Самым правильным было немедленно отправиться и принести воды, однако он боялся выйти из

своего укрытия. Убийца не подавал никаких признаков жизни, и это действовало Бенедикту на нервы.

Внезапно он услышал, что Мария зовет его. Сначала тихо, затем ее голос стал все громче и громче. Она беспокоится о нем. С ним ничего не случилось? Бенедикт выругался про себя. Он не решался ответить ей, по крайней мере не из гостиной. Единственно, что ему оставалось, это тихонько прокрасться к двери ванной, шепотом сказать ей, что все в порядке, чтобы она не волновалась. Может быть, тогда она сможет заснуть. А затем он мог бы пройти в кухню, набрать воды и принести ее с собой в гостиную.

Тихо, стараясь не дышать, Бенедикт встал, выпрямился в полный рост, расправил затекшие ноги. Все это время он не отрывал глаз от серого прямоугольника дальнего окна. Упершись носком одной ноги в пятку другой, он бесшумно снял туфли и на цыпочках пошел к двери. Мария уже почти кричала, стучала в дверь ванной, и он поспешил к ней. Неужели она не понимает, что подвергает его смертельной опасности?

В тот самый момент, когда он приблизился к двери гостиной, в коридоре загорелся свет.

— Что ты делаешь? — крикнул он, застыв на месте и глядя на Марию. Женщина стояла у выключателя, щурясь от внезапного света.

— Я так беспокоилась...

Внезапно из гостиной донесся звон разбитого стекла, за которым тут же последовал оглушающий грохот автоматной очереди. Острая боль пронзила Бенедикта, и он упал на пол в коридоре.

— Марш в ванную! — крикнул он, посыпая пулью за пулей в темноту гостиной.

Он едва слышал сдавленный крик Марии и стук захлопнувшейся двери, и на мгновение забыл о боли. Го-

стиной наполнилась острым запахом пороха, и из неё потянулись клубы голубоватого дыма. Там что-то скрипнуло и Бенедикт мгновенно выстрелил в темноту. Тут же ответная очередь прошила стену над его головой, и посыпавшаяся штукатурка заставила его поморщиться.

Стрельба прекратилась, и Бенедикт понял, что пули убийцы не могли достать его — он был в стороне от дверного проема. Тем не менее он продолжал держать дуло револьвера в направлении двери гостиной. Чтобы стрелять наверняка, убийце придется войти в коридор, и вот тут-то Бенедикт и пристрелит его. В стену над головой Бенедикта врезалось еще несколько очередей, но он не отвечал на них. Когда выстрелы стихли и наступила тишина, Бенедикт улучил момент, достал из кармана патроны и быстро перезарядил револьвер. Под ним растекалась большая лужа крови.

Направив дуло револьвера на дверь гостиной, Бенедикт левой рукой неумело закатал штанину на ноге и быстро взглянул вниз. Кровь продолжала струиться по его лодыжке, пропитывая носок. Пуля навылет пробила икру, оставив две круглые, темные дырки, из которых текла густая кровь. У него закружилась голова, он быстро отвел взгляд от раны и опять прицелился. Револьвер дрожал в его руке. Из гостиной не доносилось ни звука. Левый бок тоже горел как в огне, но когда Бенедикт вытащил рубашку из брюк и посмотрел, он понял, что эта вторая рана болезненна, но не опасна. Пуля скользнула по ребрам, и из образовавшейся царапины уже почти перестала течь кровь. А вот с раной в ноге нужно было что-то делать.

— Поздравляю тебя, Бенедикт, у тебя неплохая реакция...

От звука этого голоса Бенедикт непроизвольно нажал на спусковой крючок и дважды выстрелил в ту сторону,

откуда доносился голос. Человек в гостиной засмеялся.

— Нервы, Бенедикт, нервы. То, что я собираюсь убить тебя, не мешает нам разговаривать, правда?

— Ты мерзавец, грязное, мерзкое животное! — вырвалось у Бенедикта. С его губ слетали грязные ругательства, цветистые обороты, которые он не употреблял со школьных времен. Внезапно он остановился, вспомнив, что его может услышать Мария. Прежде она никогда не слышала брань из его уст.

— Нервы, Бенедикт,— раздался сухой смешок из гостиной.— Все эти ругательства по моему адресу не меняют создавшегося положения.

— Слушай, уходи, я не буду в тебя стрелять,— сказал Бенедикт, осторожно вытаскивая левую руку из рукава.— Я не хочу с тобой знаться. Почему ты не уходишь?

— Боюсь, что все это не так просто, Бен. Ты сам создал это положение, в определенном смысле ты сам позвал меня сюда. Подобно волшебнику, выпустившему злого духа из бутылки. Хорошее сравнение, не правда ли? Разрешите представиться. Меня зовут Мортимер.

— Я не желаю знать твоё имя, ты... мерзкая скотина. — Бенедикт не кричал больше, а почти шептал, он был занят тем, что молча снимал с себя рубашку. Она висела теперь на его правой руке, и Бенедикту пришлось на мгновение взять револьвер в левую руку, чтобы снять ее. Нога невыносимо болела, и, когда материя рубашки коснулась раны, Бенедикт застонал. Тут же он снова заговорил, чтобы скрыть стон.— Ты пришел сюда сам, по своему желанию — и я убью тебя!

— Молодец, Бенедикт, твоя смелость мне нравится. В конце концов, ты совершил самое серьезное преступление наших дней, ты человек антисоциальный, индивидуалист, продолжатель традиций Диллинджера и братьев Джеймс. Единственная разница в том, что они несли

смерть, а ты несешь жизнь. Но оружие у тебя поплошё, чем у них...— Последовал сухой смешок.

— Ты ненормальный человек, Мортимер. Впрочем, чего еще можно ожидать от человека, который вызвался быть убийцей. Ты просто болен.

Бенедикту хотелось, чтобы разговор продолжался по крайней мере до тех пор, пока он не успеет забинтовать ногу. Рубашка была вся пропитана кровью, и он никак не мог затянуть скользкий узел одной левой рукой.

— Да-да, ты, конечно, болен, иначе ты не пришел бы сюда,— продолжал он.— Что другое могло толкнуть тебя на это?— Бесшумно положив револьвер на пол, Бенедикт начал поспешно затягивать узел.

— Понятие болезни относительно,— донесся голос из темноты,— как относительно понятие преступления. Человек создает общество, и законы созданных им обществ определяют понятие преступления. Кто совершает преступление— человек или общество? Кто из них преступник? Ты можешь оспаривать свою вину, но ведь сейчас мы говорим о существующем положении вещей. Закон говорит, что ты преступник. Я здесь для того, чтобы обеспечить выполнение закона.— Грохот автоматной очереди как бы подтвердил его слова, и щепки от плинтуса осипали Бенедикта. Тот затянул узел и поспешно схватил револьвер.

— Нет, это я олицетворяю высший закон,— сказал Бенедикт.— Закон природы, святость жизни, необходимость продолжения рода. В соответствии с этим законом я женился и любил, и мои дети — благословение нашего союза.

— Такое благословение у тебя и у остального человечества привело к тому, что люди пожирают мир подоб-

но саранчё,— ответил Мортимер.— Но это попутное замечание. Прежде всего я должен ответить на твои аргументы.

Первое. Естественный закон — это только тот, по которому образуются толщи осадочных пород и солнечный спектр. То, что ты называешь естественным законом, создано людьми и варьируется в зависимости от религии. Так что этот аргумент беспочвен.

Второе. Жизнь — это бесконечный поток, и сегодняшнее поколение должно умереть, чтобы могло жить завтрашнее. Все религии подобны двуликуму Янусу. Они хмурятся при виде убийства и в то же время улыбаются, наблюдая войны и смертные казни. Этот аргумент также не имеет основания.

И последнее. Формы союза мужчины и женщины так же разнообразны, как и создавшие их общества. И этот аргумент беспочвен. Твой высший закон неприменим в мире фактов. Если он тебе нравится и дает тебе удовлетворение, ты можешь верить в свой высший закон, однако не пытайся оправдать им свои преступные действия.

— Это ты преступник! — закричал Бенедикт, дважды выстрелив в дверной проем. Ответная очередь распорола стену над самой его головой, и он прижался к полу. Оглушенный грохотом выстрелов, он услышал детский плач: в ванной заплакал разбуженный стрельбой ребенок. Бенедикт сунул руку в карман и быстро перезарядил барабан револьвера, с яростью бросая на пол стреляные гильзы.— Это ты преступник, ты пытаешься убить меня,— продолжал он.— Ты — орудие мерзавцев, принявших этот бесчестный закон. Они заявляют, что я больше не могу иметь детей. Разве у них есть право на это?

— Какой же ты глупец,— вздохнул Мортимер.— Ты — общественное животное и как таковое не колеблясь принимаешь общественные дары. Ты принимаешь от обще-

ства лекарства, и твои дети не умирают, как они умерли бы в прошлом. Ты получаешь от общества питание, и твои дети не голодают. На это ты согласен. Но ты не согласен ограничить размеры своей семьи и пытаешься нарушить закон. Впрочем, ты уже нарушил его. В обществе ты должен или соглашаться со всеми его законами, или отвергать все его принципы. Ты получаешь еду, так изволь платить за это.

— Я не прошу больше пищи, чем мне выделяется сейчас. Ребенок питается молоком матери, мы будем делиться остальной пищей...

— Слушай, не болтай чепухи. Ты и тебе подобные наводнили мир своими выродками, и вы еще не хотите остановиться. Вас уговаривали, упрашивали, подкупали, угрожали, но все напрасно. Сейчас пора кончать! Ты отказался от помощи — теперь в нашем голодном мире лишним ртом больше, а если так, то нужно закрыть этот лишний рот, убрать одного иждивенца. Это гуманный закон, он вырос из давних традиций индивидуализма и свободной инициативы. Он дает тебе возможность защищать свои идеалы с оружием в руках. И свою жизнь.

— Это бесчеловечный закон, — ответил Бенедикт. — И как ты только можешь его принимать? Он жесток, холoden и не имеет смысла.

— Совсем наоборот. В этом законе заключен глубокий смысл. Посмотри на себя со стороны, попробуй без предрассудков оценить проблему, перед которой стоит наш народ. Мир жесток, но он не безжалостен. Закон сохранения массы является одним из основных во Вселенной. Мы так долго не считались с этим законом, и теперь здравый смысл обязывает нас оградить земной шар от избытка человеческой плоти. Призывы к разуму здесь бесполезны, пришлося принять закон. Любовь, женитьба, семья — все это разрешается, но до определенного пре-

дела. Если же у человека больше двух детей, он добровольно отказывается от защиты общества и принимает на себя всю ответственность за свои безрассудные действия. Если он нездоровый эгоист, его смерть принесет пользу всему обществу. Если же он здоров и в состоянии защитить свои интересы с оружием в руках, тогда он нужен обществу, а значит, и его потомство нужно. Этот закон ничем не угрожает добропорядочным гражданам.

— Как ты смеешь так говорить! Разве бедная беспомощная мать незаконного ребенка — преступница?

— Нет, пока она не отказывается от помощи общества. Ей даже позволено иметь ребенка. Если же она упорствует, то она должна за это поплатиться. Всегда найдутся тысячи бездетных женщин, которые добровольно примут участие в битве, чтобы сравнять счет. Они, как и я, на стороне закона и жаждут применить силу. Так что заткни мне глотку, если сможешь, Бенедикт, а то я с удовольствием заткну твой жадный рот.

— Сумасшедший,— прошипел Бенедикт, скрежеща зубами.— Подонок. Этот бесчеловечный закон вызвал к жизни отбросы общества, дал им в руки оружие и позволил убивать.

— И все же это полезный закон. Лучше безумный убийца, который приходит смело и открыто, чем преступник, тайком убивающий твоего ребенка где-то в парке. Сейчас этот безумный убийца рискует своей жизнью, и, кто бы из нас ни был убит, обществу это пойдет на пользу.

— Ты признаешь, что ты безумец — убийца с лицензией на убийство? — Бенедикт попытался встать, но у него закружилась голова и потемнело в глазах. Он тяжело опустился на пол.

— Нет, не признаю,— равнодушно ответил Мортимер из темноты гостиной.— Я человек, добровольно помогаю-

щий закону уничтожить ваше подлое племя, размножающееся как свиньи.

— Тогда ты извращенный человек, ненавидящий любовь мужчины и женщины.

Донесшийся из темноты холодный смешок привел Бенедикта в ярость.

— Ты больной или сумасшедший! — закричал он.— Или сам не способен иметь детей и ненавидишь тех, у кого они есть...

— Замолчи! Мне надоело говорить с тобой, Бенедикт. Теперь я тебя убью...

Бенедикт впервые услышал нотки гнева в голосе Мортимера, и понял, что попал в его слабое место. Он замолчал. Он был слаб и болен, кровь продолжала сочиться сквозь импровизированную повязку, и лужа на полу все росла. Необходимо сберечь остаток сил, чтобы прицелиться и выстрелить, когда убийца появится в двери. Он услышал, как за спиной почти беззвучно отворилась дверь ванной и прошелестели шаги. Безнадежным взглядом он окунул залитое слезами лицо Марии.

— С кем ты говоришь? — закричал Мортимер из гостиной.— Я слышал шепот. Если это твоя жена, Бенедикт, скажи ей, чтобы она уходила. Я не хочу нести ответственность за твою корову. Пришло время платить за свои ошибки, Бенедикт, и я буду оружием закона.

Мортимер выпрямился и разрядил автомат в направлении коридора, затем нажал кнопку, освободил магазин, швырнул его вслед за пулями и мгновенно вставил запасной. Быстрым движением он передернул затвор, загнав в ствол патрон, и подготовился.

Итак, он принял решение. Ему не потребуется нож. Он сделает несколько шагов, пошлет очередь в коридор,

затем швырнет туда гранату со слезоточивым газом. Газ или ослепит Бенедикта, или по крайней мере не даст ему возможности прицелиться. И тогда он войдет в коридор с нажатым спусковым крючком, поливая пространство впереди себя градом пуль, и Бенедикт будет мертв. Мортимер сделал глубокий вздох и весь передернулся, но внезапно оцепенел. В дверном проеме показалась рука, медленно двигающаяся вверх.

Это было настолько неожиданно, что в первую секунду Мортимер не выстрелил. Когда же он наконец выстрелил, то промахнулся. Рука — плохая мишень для автоматического оружия. Рука повернула выключатель и исчезла. И в ту же секунду в гостиной вспыхнули лампы.

Мортимер выругался и послал длинную очередь туда, где только что была рука. Большие куски штукатурки посыпались на пол. Он чувствовал себя удивительно беззащитным в ярко освещенной комнате.

Из-за грохота автомата он не услышал первого револьверного выстрела и не понял, что в него стреляют, пока вторая пуля не воинзилась в пол рядом с его ногами. Он прекратил стрельбу, повернулся к окну и замер.

На пожарной лестнице у разбитого окна стояла женщина. Тоненькая, с широко раскрытыми глазами, она покачивалась, словно под сильными порывами ветра, и обеими руками сжимала револьвер, целясь в Мортимера через разбитое стекло. Револьвер судорожно дергался в ее руках при каждом выстреле, но она никак не могла попасть в Мортимера. В панике он нажал на спусковой крючок, посыпая пули по широкой дуге к окну.

— Не стреляй! Я не хочу убивать тебя! — выкрикнул Мортимер.

Последняя пуля воинзилась в стену, автомат щелкнул и остался с открытым затвором. Мортимер выбросил пустой магазин и попытался вставить на его место новый.

Револьвер выстрелил еще раз, пуля ударила Мортимера в бок, и он кубарем полетел на пол. Падая, он выронил автомат. В то же мгновение Бенедикт, который медленно, с трудом подполз к нему, схватил его за горло холодными пальцами.

— Не надо... — прохрипел Мортимер, судорожно отталкивая Бенедикта.

— Пожалуйста, Бенедикт, не убивай его, — крикнула Мария, влезая в окно. — Ты задушишь его.

— Нет... я слишком слаб, — прохрипел Бенедикт.

Взглянув вверх, он увидел револьвер в руке Марии. Протянув руку, Бенедикт выхватил его и прижал горячее дуло к груди Мортимера. — Одним ртом меньше! — крикнул он и нажал на спусковой крючок. Раздался приглушенный выстрел, человек судорожно дернулся, и все было кончено.

— Милый, как ты себя чувствуешь? — Мария плача наклонилась над Бенедиктом, прижимая его голову к своей груди.

— Все... все в порядке. Я очень слаб, но это от потери крови. Кровотечение уже остановилось. Все кончилось. Мы победили. Теперь нам дадут дополнительный паек, и больше никто не будет нас беспокоить.

— Я так рада, — Мария попыталась улыбнуться сквозь слезы. — Я не хотела говорить тебе об этом раньше, у тебя и так было достаточно неприятностей. Но у нас... — Она опустила глаза.

— Что? — спросил он не веря своим ушам. — Ты хочешь сказать...

— Да, — Мария провела рукой по своему округлившемуся животу.

В ответ Бенедикт уставился на нее, широко открыв рот, не в силах вымолвить ни единого слова, подобно беспомощной рыбе, выброшенной на берег.

БЛАГОСОСТОЯНИЕ ЭДВИНА ЛОЛЛАРДА

Обвиняемый сидел на скамье подсудимых. Уже были отобраны присяжные — двенадцать неоспоримо состоятельных граждан. И обвинитель и защитник отказались от вступительной речи. Где-то среди складок жира, в глубинах которого таилась душа Р. Н. Неддла, окруженного прокурора, затерялась и еще одна складка: сфинкторные мышцы его ротовой полости образовали самоуверенную улыбку.

На губах обвиняемого тоже играла улыбка, но разгадать ее смысл было не так просто. Самоуверенность? Едва ли. Бравада? Вряд ли, если учитывать характер обвиняемого. Неуважение к суду? Но как можно было не уважать такой суд? Антикварная мебель, портьеры из серебряной парчи, позолоченные карнизы и драгоценные жемчужины в пышно взбитом парике судьи — все это блестело, переливалось, дышало богатством и благосостоянием под ярким светом хрустальных люстр. Бархатные, отделанные горностаем костюмы служителей суда казались особенно строгими по сравнению с вычурными нарядами зрителей на галерее, где букмекеры еще записывали последние пари. Справа от судейского кресла висел флаг Соединенных Штатов Америки, слева — флаг суверенного штата Квебек.

Прокурор вызвал первого свидетеля обвинения, сержанта полиции Джая Гарднера.

— Арест был произведен вами?

- Угу.
- Не объясните ли вы суду, почему вы арестовали обвиняемого?
- Он мне показался вроде бы подозрительным.
- Подозрительным? В каком смысле?
- Ну, худым, что ли...— Присяжные могли воочию убедиться в правдивости показаний сержанта Гарднера: обвиняемый был очень худ. Кроме того, он был одет в костюм из синей саржи!.. — ну, и грязным, а еще он просто сидел на садовой скамейке и ничего не делал. Он просидел так пять минут и все ничего не делал, ну я и подумал: а не арестовать ли его? То есть я хочу сказать, что ничего такого лично я против него не имел — ну, там преступление...
- Придерживайтесь только фактов и предоставьте истолкование их суду,— твердо прервал его прокурор.
- Ну, в общем у меня на такие вещи вроде как особый нюх. Я забрал его в участок и проверил, что у него в карманах. Денег при нем вовсе не было, а только одна дурацкая книжонка.
- Вы имеете в виду эту книгу, сержант Гарднер? — прокурор протянул свидетелю небольшой томик в кожаном переплете.
- Угу.
- Эту книгу, «Цветочки святого Франциска Ассизского», ваша честь, я прошу приобщить к делу в качестве вещественного доказательства под номером первым. А теперь, сержант, продолжайте: в момент ареста были у подсудимого какие-нибудь часы? Ручные или карманные?
- Нет, сэр, не было.
- У меня больше вопросов нет. Вы свободны, сержант Гарднер.

— ...и клянитесь именем божьим?

— Да.

— Садитесь.

Миссис Мод Дулут начала осторожно опускаться на скамью для свидетелей. Зашуршали и зашелестели шелка, затанцевали страусовые перья, и наконец, облегченно отдуваясь, свидетельница завершила эту деликатную операцию.

— Миссис Дулут, вы узнали бы обвиняемого, если бы увидели его в толпе? — спросил прокурор.

— Еще бы, ваша честь!

— Употреблять подобное обращение по отношению ко мне нет надобности. Не укажете ли вы на обвиняемого Эдвина Лолларда? — Мод указала, и блеск драгоценных камней на ее руке ослепил зрителей. — Не будете ли вы так добры объяснить суду, какой характер носило ваше знакомство с обвиняемым?

— Он был моим первым мужем. Мы поженились пятнадцать лет назад, и это была самая большая глупость за всю мою жизнь. Но, конечно, я была тогда совсем ребенком, мне не исполнилось и... — Мод с трудом произвела в уме какие-то арифметические действия и решила не уточнять. — Да, совсем ребенком. Я познакомилась с ним в общеобразовательном колледже. Я имею степень магистра методологии домоводства.

На присяжных это не произвело особого впечатления. Согласно закону об образовании в штате Квебек, степень бакалавра давно уже стала обязательной для всех его граждан.

— Не могли бы вы рассказать нам что-нибудь про вашу замужнюю жизнь?

— Ну... (свидетельница слегка краснеет)... тут почти не о чем рассказывать. После медового месяца... Это был прекрасный медовый месяц: Гавайи, Япония, Новая

Зеландия, круиз по морю Росса... После медового месяца, как я сказала, мы почти ничего не делали. То есть никуда не ходили — даже по воскресеньям в Первое евангелическое казино, хотя жили от него в двух шагах. Ни на скачки, ни на танцы... хотя, по правде говоря, в те дни я уже не так увлекалась танцами, как прежде. То есть я хочу сказать, что я была еще ребенком, но... — Мод совсем запуталась и в смущении неуклюже докончила. — Конечно, он работал, и это отнимало у него много времени.

— Где он работал, миссис Дулут?

— В рекламном агентстве «Истина». Именно Эдвин придумал снова пустить в ход сандвичменов — ну, вы знаете, людей, которые расхаживают по тротуарам с рекламными щитами на груди и на спине. Только эта затея с треском провалилась — то есть как реклама. Ведь если человек — пешеход, он же ничего купить не в состоянии, верно? А когда мчишься в автомобиле, то где тут смотреть на какие-то плакатики! Конечно, эта затея с треском провалилась, но нельзя отрицать, что она обошлась в миллионы долларов, истраченных на зарплату сандвичменам. Все говорили, что это способствовало подъему экономики. Да, Эдвин тогда очень выдвинулся.

— Сколько времени он проводил на работе?

— Ну... часов двадцать в неделю...

Над складками прокурорского жира возникла одна скептически выгнутая бровь.

— Во всяком случае, не меньше десяти часов, — твердо сказала Мод.

— И все же у него не оставалось времени, чтобы совместно с вами посвящать его нормальным занятиям?

— Время у него было. Я постоянно ему повторяла, сколько самых разных занятий мы могли бы найти, вместо того чтобы сиднем сидеть дома и смотреть телевизор.

Но он даже и телевизора не смотрел. Все сидел в кресле и читал книги,— она возвела глаза к галерее в поисках сочувствия. Замигали импульсные лампы фоторепортеров.— Или что-то писал.

— Рекламные объявления?

— Нет. Просто... всякое...

Прокурор подождал, давая миссис Дулут время оправиться.

— А потом в довершение всего он ушел из агентства. Сто тысяч долларов в год — а ведь он был еще совсем молод. И знаете, что он задумал? Уехать в деревню и... и жить на деньги, которые он скопил. Все это время он тайком копил деньги, пока мы... пока мы сидели дома и... и буквально умирали с голода. Вот почему мне пришлось с ним развестись.

— Не казалось ли вам в то время, миссис Дулут, что ваш муж был, как говорится, «нищ духом»?

— Что он был тронутым? Еще бы! А ведь он из такой солидной, состоятельной семьи! Двести тысяч долларов в год. Государственная служба. Его бедные родители до сих пор не могут понять, в чем была их ошибка. Это такая трагедия, что плакать хочется.

В подтверждение ее последних слов на щеку Мод выползла слеза и шлепнулась на широкий уступ ее корсажа.

— Благодарю вас, миссис Дулут.

Следующая свидетельница говорила настолько сбивчиво и невнятно, что секретарь сумел зафиксировать лишь общий смысл ее показаний. Мисс Навзикая Гочкис была преподавателем английского языка и заслуженным профессором Квебекского государственного колледжа, где пятнадцать лет назад обвиняемый получил свою степень бакалавра. Мисс Гочкис показала, что обвиняемый

умел читать не шевеля губами, писать не только печатными буквами и декламировать наизусть длинные стихи; кроме того, на занятиях он имел обыкновение спорить с преподавателями, а во время товарищеских спевок не открывал рта. Адвокат выразил протест, указав, что его подзащитный обвиняется не в превышении грамотности, а потому показания мисс Гочкис не имеют отношения к настоящему делу и только внушают присяжным предубеждение против его подзащитного. Прокурор в ответ заявил, что показания эти не только имеют самое прямое отношение к делу, но и подтверждают последовательные антисоциальные тенденции в поведении обвиняемого, тенденций, в конце концов приведшие к преступлению, за которое его теперь судят. Судья отклонил протест адвоката, но мисс Гочкис была так потрясена, что из ее последующих показаний, которые она давала еще полчаса, никто не понял ни единого слова. Однако, если все присутствующие вежливо не замечали жалобного лепета мисс Гочкис и негромко переговаривались между собой, то обвиняемый постепенно накалялся. В конце концов он воскликнул:

— Эта... эта клиническая идиотка — профессор английского языка?! Профессор... ха-ха-ха!

Вызванный с галереи врач дал впавшему в истерику обвиняемому большую дозу успокоительного.

— Будьте добры, повторите вашу фамилию по буквам для секретаря.

— Андерсон. А-Н-Д-Е-Р-С-О-Н. Джек Андерсон.

— Ваше занятие, мистер Андерсон?

— Консультант по ссудам и младший компаньон ссудно-протекционистской корпорации «Кленовый лист». Наш девиз: «Любая сумма на любых условиях». За

двадцать два года существования фирмы это первый случай...

— Благодарю вас,— перебил прокурор, подняв глыбу мяса, которая ему служила правой верхней конечно-стью.— Расскажите вкратце суду, как вы познакомились с обвиняемым.

— Я занимался его просьбой о ссуде. Это было два года назад.

— Какая же сумма была ему выдана?

— Видите ли, он просил только миллион, но мы в конце концов убедили его взять три. Очевидно, мы сделали ошибку. Наша фирма не из крупных, хотя мы существуем уже двадцать два года. Я не упоминал про это? У нас нет возможности наводить о каждом клиенте такие подробные справки, как хотелось бы. Как вы, возможно, помните, в тот момент экономику требовалось взбодрить, а проценты, объявленные Федеральным резервным банком, были для нас очень выгодны. С этой ссуды мы получили бы чистых семнадцать процентов. А вы знаете старинную пословицу: «Быстрее едешь — дальше будешь».

— Вам было известно, что обвиняемый за год до этого уже был признан банкротом?

— Нет. Тогда бы мы действовали более осмотрительно. Но, как я уже говорил, нужно было торопиться. Операция первостепенной важности. Трехмиллионная ссуда — не пустяк. Выглядел он вполне солидно и представил надежные рекомендации. Смею думать, я — неплохой психолог. И никому не удастся меня провести. Это в первый раз...

— Мистер Андерсон, вам было известно, на что предназначались эти три миллиона?

Мистер Андерсон нервно посмотрел по сторонам, вынул из грудного карманашелковый платочек, смахнул пылинку с лакированной туфли из кожи кенгурунка,

сунул платочек в карман и (раз уж вопрос не исчез вместе с пылинкой) ответил:

— Насколько я понял его объяснения, он был издателем. Издавал книги.

Прокурор выжидательно молчал.

— Ведь в издании книг нет ничего противозаконного? Лично я противник книг, но семнадцать процентов — это семнадцать процентов. И ведь это была не порнография, а книги с картинками. Я видел образчик. Цена — двадцать пять долларов. А название — «Дивный мир святого Франциска Ассизского». Религиозная книга! Разве же можно было ждать, что религиозный человек окажется мошенником?

Мистер Андерсон поднялся со скамьи для свидетелей, разгладил морщинки на своем златотканом костюме, дружески, но с большим достоинством подмигнул судье и вышел из зала.

— Ваше имя?

— Брат Франциск Симеон.

— А дальше? — осведомился судья.

— Те, кто принадлежит к нашему братству, отрекаются от всех мирских имен. Когда я вступил на стезю праведности, я принял имя святого Франциска и имя Симеона Столпника.

Брат Симеон молитвенно сложил ладони и наклонил голову.

— Вы ассизист? — продолжал прокурор.

— Хвала господу!

— Как должен суд истолковать такой ответ? — спросил судья.

— Если мне будет дозволено дать истолкование, ваша честь, то он хотел ответить «да», — объяснил прокурор.—

Я прошу снисхождения у суда за то, что был вынужден вызвать столь необычного свидетеля — человека, который, по его же собственному признанию, в сущности почти преступник. Однако его показания необходимы для подтверждения нашего обвинения.

Судья кивнул с величественной снисходительностью.

— Будьте так добры, брат Симеон, объясните суду сущность и цели вашей организации.

— Мы — религиозная община, так называемые «Цветочки», были зарегистрированы сто с лишним лет назад. Только в этой стране наше братство насчитывает более десяти тысяч членов. Мы практикуем аскетизм и живем подаянием.

— Вы проповедуете ниспровержение правительства Соединенных Штатов путем применения силы и насилия?

— Хвала господу!.. Нет!

— Но аскетизм вы проповедуете? Вы открыто объявляете себя врагами благосостояния?

— Мы понимаем, что аскетизм не всякому по нутру. Однако мы рекомендуем умеренность. Например, три еды в день по две тысячи калорий каждая не нанесут вреда здоровью.

Одни дамы на галерее громко ахнули, другие — более искушенные — захихикали, остальные же с таким увлечением грызли воздушную кукурузу, что не расслышали показаний брата Симеона.

— Постарайтесь избегать излишних описаний непристойных мерзостей,— предостерег прокурор.

— Хвала господу!

— Сколько вы весите?

— Я протестую! — вмешался защитник.

— Суд принимает протест,— объявил судья.

Но прокурор уже добился своего. Брат Симеон, рост которого в сандалиях ручной работы был равен пяти фу-

там восьми дюймам, весил не более ста восьмидесяти фунтов. Прокурор поспешил воспользоваться полученным преимуществом.

— Вы друг обвиняемого Эдвина Лолларда?

— Хвала господу! Прежде был.

— Он тоже принадлежал к аистам... простите, к ассилистам?

— Формально нет. Он был, так сказать, попутчиком. Поскольку мы не можем владеть собственностью, он вел некоторые дела нашей общины. Значительная часть недвижимости «Цветочков» была записана на его имя, в том числе издательство, которое он, кроме того, возглавлял. Строго говоря, это имущество не являлось нашей собственностью, но нам было разрешено свободно им пользоваться, а прибыль шла на содержание общины. Однако юридически его владельцем был Лоллард.

— Не скажете ли вы нам, какое конкретно имущество вы имеете в виду?

— Отель «Ритц», где постоянно проживают многие «цветочки», клуб «Ракетка», едальня «Знаток» на Диленбейкер-драйв, «Дешевая распродажа дорогих мехов» и издательство «Цветочки». Могу добавить, что некоторые из самых богатых граждан штата Квебек — как и более южных штатов — симпатизируют целям ассилистов. Именно этим людям мы в основном обязаны хлебом насыщенным. Добавлю также, что наш хлеб насыщенный обходится им недешево. Аскетизм требует больших расходов. Мы не употребляем в пищу продуктов гидропоники, а кроме того, среди наших членов много вегетарианцев, хотя вегетарианство и не входит в число догматов нашей веры. Пища, которую мы вкушаем, должна быть взращена без применения химических удобрений. Мы пользуемся оловянной посудой и мебелью ручной работы. Все это требует денег. И еще каких!

— Когда обвиняемый начал работать для вашей организации?

— Десять лет назад или даже раньше. Вскоре после развода он прочел «Цветочки святого Франциска Ассизского». Благодаря этой маленькой книжке от новообращенных просто отбоя нет — и от их денег, разумеется. Члены нашего ордена, естественно, отказываются от личной собственности. Мистер Лоллард посетил брата настоятеля в «Ритце». Там я с ним и познакомился, ибо я заместитель брата настоятеля по финансовым делам. Мистер Лоллард сказал нам, что он отдал свое сердце Даме Нищете. Он сказал (эти его слова я запомнил точно): «Я хочу раздать все мое достояние беднякам». Брат настоятель изображает это куда смешнее, чем я.

Наступило неловкое молчание. Брат Симеон хихикнул.

— Разве вы не видите, в чем соль? Бедняков-то больше нет! Они, как говорится, покинули эту юдоль, — брат Симеон потуже затянул изящное серебряное вервие ручного плетения, препоясывавшее его отвислое брюшко. — Ну, конечно, принять сумасшедшего в наш орден мы не могли, но брат настоятель сумел приспособить его к делу.

— Назначил его директором издательства «Цветочки»?

— Да. То есть хвала господу! Ему это даже нравилось, на его ненормальный лад. Книгочай, знаете ли. Сам же я... ну... — брат Симеон искательно улыбнулся присяжным. — Книгами я не грешу. С гордостью могу сказать, что я так и не научился читать. Однако продаем мы их в немалом количестве, а деньги — это деньги.

— Вы в больших количествах продаете книги? — недоверчиво спросил судья.

— Хвала господу! В лучших домах входят в моду библиотеки. А вы сами понимаете, во что обходится об-

ставить комнату от стены до стены и от пола до потолка книгами по двадцать пять долларов штука.

— А каких размеров бывают книги? — спросил судья.

— Обычно в дюйм толщиной, не больше. Вот тут на столе лежит одна из наших книжек,— брат Симеон указал на вещественное доказательство номер первый.

— Так каким же образом, черт подери, подсудимый обанкротился?

— Это объяснит наш следующий свидетель, ваша честь,— поспешил вмешаться прокурор.— Благодарю вас, брат Симеон.

Брат Франциск Симеон покинул скамью свидетелей, бросил на обвиняемого взгляд, исполненный самой ядовитой ненависти, и вполголоса вознес коротенькую молитву об отмщении.

— Будьте добры, повторите по буквам еще раз для секретаря.

— Ка-О-Эл-Тэ, — она отчеканила каждую букву. — По-моему, фамилию «Колт» может правильно написать любой идиот.

Джилиен Колт плевать хотела и на суд, и на общественное мнение, и на двенадцать неоспоримо состоятельных присяжных, и на вспышки импульсных ламп, и на смертоносные взгляды дам на галерее и куда менее смертоносные взгляды спутников этих дам.

— Как давно вы знакомы с обвиняемым?

— Два года... или около того. Я не веду дневника. Смелости не хватает.

— Вы познакомились с ним...

— В едальне «Знаток». Я обычно обедаю там, когда бываю в городе. Для сохранения фигуры. По-моему, толщина безобразит, а как по-вашему?

— Будьте так добры! Вопросы задаю я.
Джилиен обратила на всколыхнувшийся лик прокурора взгляд, полный невинного удивления.

— Ну конечно! Я просто пошутила!

— Вы ассистка, мисс Колт?

— Не говорите глупостей. Я? Кстати, можете называть меня Джилиен. Я ничего не имею против.

— Но ведь вы соблюдаете диету?

— Я уже сказала, что толщина, по-моему мнению, безо...

— Вы знали, что обвиняемый был членом этой организации?

— Эдди был аистом? Никогда не поверю. Он считал, что они все обманщики. А меня это ничуть не трогало. Ведь если на то пошло, то в конечном счете кто не обманщик? Так какого черта?

— Мисс Джилиен!

— А?

— Мисс Колт, будьте добры отвечать на вопросы коротко и без отступлений! — прокурор отошел к своему столу и сосредоточенно поглядел на пустую страницу записной книжки. — В то время вы близко сошлись с обвиняемым?

Джилиен только загадочно улыбнулась.

— Я хочу сказать... после этой первой встречи вы часто виделись с обвиняемым?

— Ну да. Он был совсем свихнутый — называл меня своей Дамой Нищетой. Но у него был стиль. Ну как бы вам объяснить? Скажем, некоторые женщины носят такие платья, что рядом с ними королева Елизавета показалась бы нищей. То есть первая королева Елизавета. А я считаю, что простота более элегантна. Как-то я даже вступила в общество nudистов, но только это все оказались пожилые супружеские пары. Психи-пенсионеры. Ну

а Эдди не был психом, и у него был стиль. Да, мы часто виделись.

— Вам было известно его финансовое положение?

— Да нет. Деньги — это так скучно, верно? Я сама унаследовала большое состояние. Но разве это деньги? Капитала я тратить не могу и получаю только какие-то крохи. Эдди заключил свою дурацкую сделку с аистами. Перед этим он обанкротился. Нет, в самом деле — бросил работу, жил на то, что скопил, и ничем не занимался. Потом с ним развелась жена — это было бы и к лучшему, только она его совсем обчистила. Свое первое банкротство он называл очищением, а иногда клизмой, — Джилиен засмеялась.

— Мисс...

— Но я же отвечаю! Его уже тогда бы арестовали, но аисты всучили ему эту их недвижимость. Просто взяли и отдали, но я думаю, они так обставили дело, что вся прибыль шла им. И вдруг Эдди стал миллионером. По-моему, всем надо быть миллионерами. Они куда симпатичнее. Но он-то думал только об одном — куда бы все это отдать. А я считала, что это дурацкая мысль. Ведь, если уж на то пошло, никто не возьмет издательство даже даром. Неблагородное занятие. Ну да Эдди во все и не думал отдавать издательство кому угодно. Он хотел отдать его беднякам! Представляете? Он все время старался найти бедняков. Собственно, потому-то я его и заинтересовала — ему казалось, что я выгляжу бедной! Я была ужасно польщена. Ну, конечно, никаких бедняков он не нашел. Но он все равно решил разделаться со всем этим имуществом, просто чтобы подложить свинью аистам. Он продал отель и все прочее, занял кучу денег и начал печатать книги. Он совсем помешался на книгах. Такого чудака я в жизни не встречала! Миллионы книг. Вы бы просто не поверили! Целые тонны книг в рос-

кошных кожаных переплетах, на веленевой бумаге, с раззолоченными заставками. Он забил этими книгами десяток складов. И все они были одинаковые: «Цветочки святого Франциска Ассизского». Он все время цитировал эту книжку, и, честное слово, этот святой Франциск был такой же чокнутый, как Эдди. Ну, потом он продал издательство и купил целую флотилию судов. Двадцать штук, и все грузовые. Он завалил трюмы своими книгами, и мы поплыли. На север. Знаете, что он решил сделать? Раздать эти книги эскимосам. Он говорил, что в наши дни только эскимос способен понять Франциска Ассизского. Наверное, он думал, что они бедные. Совсем сумасшедший. Ну, я, естественно, поехала с ним. Прогретиться. На Баффиновой Земле эскимосов совсем не осталось. То есть настоящих эскимосов. Но в конце концов он все-таки одного разыскал. И очень расстроился, потому что у этого эскимоса уже был один экземпляр «Цветочеков» и взять второй он не захотел. Эдди и эскимос проговорили всю ночь напролет во время бури, а утром Эдди вывел свою флотилию в Гудзонов залив на двадцать миль от берега и там одно за другим потопил все суда. Вот это было зрелище! Море на целые мили покрылись «Цветочками». Они качались на волнах, а потом все утонули. Мне даже грустно стало. У нас оставалось еще немного денег — моих, и мы сняли эту лачугу...

— Мисс Колт, постарайтесь не употреблять непристойных выражений.

— Но ведь это и была лачуга! Мы прожили там все лето, а потом явились люди, которых нанял мой дядя, и увезли меня домой. Не представляю, как Эдди добрался сюда — ведь у него не осталось ни гроша. Это было чудесное лето. Днем Эдди возился в саду или удил, а я оставалась дома, и стряпала, и стирала, и даже штопала его одежду...

— Мисс Колт, если вы не перестанете употреблять подобные выражения, вас привлекут к ответственности за неуважение к суду.

— Извините, ваша честь. Но право же, это было очень весело. А вечером перед сном он учил меня читать. Я и сейчас еще умею. Он захватил с собой несколько разных книг и читал их по часу без перерыва. Смешно, конечно, но, по-моему, он действительно любил читать.

— Вы свободны, мисс Колт!

К свидетельнице подошел человек в белом халате, бережно вывел ее из зала суда на улицу и усадил в лимузин, который ждал там, чтобы отвезти ее назад в клинику для душевнобольных «Золотой покой», куда она была помещена по настоянию родных.

Прокурор встал, готовясь произнести заключительную речь, и на галерее опять разгорелись страсти. Появление на скамье свидетелей мисс Колт вновь подняло ставки на оправдание, а после того как обвиняемый отказался отвечать на вопросы своего защитника, букмекеры совсем уже не знали, что им думать и как менять ставки.

Судья призвал присутствующих к порядку.

Точно два перископа, поднимающиеся из океанской глубины, глаза прокурора возникли над розовыми складками жира и холодно уставились на присяжных.

— Господа присяжные! — начал прокурор. — Обвиняемый Эдвин Лоллард повинен во многих преступлениях. Сегодня вам будет предложено рассмотреть одно из них. Возможно, вам покажется, что преступление, за которое его судят, — отнюдь не самое тяжкое из тех, которые он совершил. Но закон, господа присяжные, не допускает расширительного толкования, а согласно закону Эдвин Лоллард виновен лишь в одном преступлении.

Он не виновен в превышении грамотности, ибо грамотность не есть преступление. Некоторые из благороднейших деятелей нашей истории были грамотны: те, кто подписал Декларацию независимости, Авраам Линкольн, Дуайт Эйзенхауэр и еще многие другие. Книги вовсе не обязательно оказывают разлагающее влияние, и мне хотелось бы указать для протокола, что лично я книги одобряю. Я читал их немало — нередко с удовольствием — и не презираю людей, которые читали больше меня.

Конечно, чтение книг, как и многие другие безобидные занятия, может перерасти в крайность, а любая крайность — это зло. Весьма возможно, что у обвиняемого грамотность превратилась в порок. Но в порок, не наказуемый законом. Прошу вас помнить об этом, господа, когда вы будете выносить свой вердикт.

Обвиняемый не виновен и в банкротстве. Если бы дело обстояло так, это скорее говорило бы в его пользу, ибо свидетельствовало бы, что в своем позорном падении он все же сохранил какое-то чувство собственного достоинства. Но именно это чувство совершенно отсутствует у обвиняемого. Вам всем, возможно, знакома история Билли Соль-Эстеса, одного из величайших светочей духа двадцатого века. В пору своего наивысшего взлета Билли не имел ничего, кроме долгов, но должен он был миллионы! Обвиняемый же не имеет ничего, даже долгов! Он попросту неимущий, он — нищий!

Обвиняемый согласно закону не виновен ни в присвоении чужого имущества, ни в растрате. Деньги, которые он промотал таким чудовищным способом, в определенном смысле не принадлежали ему — они принадлежали Братству святого Франциска. Но согласно букве закона Братство это не может владеть собственностью. Продавая имущество Братства и топя суда, обвиняемый бессовестно обманул своих доверителей, но преступления

он не совершил. Как могу я, господа, просить вас не принимать во внимание подобный мерзостный поступок, когда вы будете решать его судьбу? Но я обязан просить вас об этом. Закон не допускает расширительного толкования, господа присяжные, и иногда он бессилен.

Так неужели Эдвин Лоллард избежит кары из-за казуистики судопроизводства, из-за негибкости закона и капризов логики? Неужели он уйдет от наказания с помощью спасительных лазеек? Нет, господа, к счастью, это ему не удастся. Ибо Эдвин Лоллард повинен в гнуснейшем преступлении, и закон объявляет его виновным. Как объявили и вы, господа.

Обвиняемый виновен, самым непростительным образом виновен в преступной бедности.

Трудно поверить, что в век, подобный нашему,— в век просвещения, в обществе, подобном нашему,— в обществе благосостояния и все растущего процветания хотя бы один человек, как бы ни был он убог духом, позволил себе стать нищим. Много веков назад существовало такое явление, как безработица. Нищета была настолько распространена, что никто не осмеливался вслух заявить о ее преступной природе. Но в наши дни никому нет нужды быть бедняком. Современная наука и чудеса автоматики уничтожили не только нищих, но и просто обеспеченных людей. В наши дни все люди богаты, а если бедны, то лишь благодаря преднамеренным и преступным действиям. Подобным тем действиям, господа, к каким прибегал Эдвин Лоллард.

Господа присяжные, рассмотрите представленные вам улики! Человек воспитывается богатыми родителями в доме, так похожем на те, в которых росли вы сами. Он ни в чем не знает отказа, любая его прихоть удовлетворяется. Обычное детство — идеальное детство! Он поступает в колледж, и уже там его преступные наклонности

дают себя знать. Он агрессивен, неуживчив, угрюм. Вы сами видели, как он вел себя с женщиной, которая посвятила год своей жизни его образованию. Подобно всем прочим предоставленным ему благам, он отверг и это благо.

Он женится и находит хорошую работу. Но добропорядочная жизнь для него невыносима. Он бросает работу и вынуждает жену развестись с ним. Он становится банкротом. Если бы не роковое и необычное стечье обстоятельств, его похождениям уже тогда был бы положен конец. Но, как мы слышали, это оказалось лишь началом. Он вступает в организацию, которая — тут мы вновь видим всю меру снисходительности закона! — беспрепятственно проповедует в демократическом обществе свое евангелие, разлагающее нравы. Это называют религией! Но даже пользующееся столь дурной славой Братство недостаточно мерзко для вкусов этого человека. И вот он предает и его!

Эта организация снабдила его богатством, о котором он не мог и мечтать. И тогда в сообществе с женщиной, безусловно душевнобольной и несомненно порочной, обвиняемый совершает свое последнее невероятное деяние. Он обращает новообретенное богатство в сотни тонн печатного мусора, а потом выбрасывает эти плоды своей закоснелости в воды Гудзонова залива — самое подходящее для них место, по моему мнению.

Поступок сумасшедшего? Да, такое черное злодеяние не может не показаться безумным всякому нравственному человеку. Но Эдвин Лоллард сознавал последствия своего поступка. Он понимал, что сделал себя нищим.

Полагаю, мне незачем объяснять вам всю чудовищность преступления Лолларда. Оно наносит удар по самой основе нашего социального строя. Оно возвращает

нас к кошмарным дням неудовлетворенных потребностей. Да, святой Франциск Ассизский — это достойный символ тех дней: худой человек, одетый в лохмотья, целующий руку прокаженного! Я знаю, господа, что позволил себе прибегнуть к сильным выражениям, но без них невозможно выразить сущность бедности.

Заложенное в ней зло наиболее ярко выразил Бернард Шоу, этот пророк двадцатого века, лично наблюдавший бедность. Шоу говорил о «неопровергимой», заложенной в самой природе истине, от которой мы все с отвращением отворачиваемся и отрекаемся, а именно что величайшее из наших зол и худшее из наших преступлений — это бедность и что наш первый долг, которому следует принести в жертву все остальное,— это не быть бедным. Уверенность в завтрашнем дне, это высшее достижение цивилизации, не может существовать там, где над каждой головой нависает самая страшная из опасностей — опасность бедности».

Общество не может терпеть существование бедняков! Святое Писание гласит: «Сожги колдуны!», подразумевая, конечно, бедняка.

Общество не имеет права сказать: «Человек может быть беден, если он так хочет». Шоу разоблачил опасность такой необоснованной терпимости, и, заканчивая свою речь, я ничего не могу добавить к его словам: «Что, собственно, означает это «пусть он будет беден»? Это означает — пусть он будет слаб. Пусть он будет невежествен. Пусть он станет носителем болезней. Пусть он будет вечным примером уродства и грязи. Пусть его дети болеют раком. Пусть его жилища превращают наши города в ядовитые скопления трущоб. Пусть недостойные становятся еще менее достойными, и пусть достойные собирают себе не сокровища небесные, а ужасы ада на земле».

Господа присяжные, если вам дорога страна, в которой вы живете, если вам дорого благосостояние и если вам дорога истина, вы должны признать Эдвина Лолларда виновным в преступной бедности.

Эдвин Лоллард был признан виновным в преступной бедности и приговорен к двадцати пяти годам тюремного заключения в исправительной колонии «Голубой лес» под городом Квебеком. В течение двух лет он всеми силами старался добиться именно этого — и вот наконец добился.

Прорваться в тюрьму не так-то просто. Убийц казнят, воров и других преступников, стремящихся к обогащению, привлекают к ответственности чрезвычайно редко; тех немногих нарушителей закона, которые не подпадают под эти категории, обычно признают невменяемыми и подвергают лоботомии. Всех, кроме нищих. Нищих отправляют в колонию под Квебеком. Однако в обществе, где царит истинное благосостояние, стать нищим очень трудно, и еще труднее доказать, что ты им стал. Но Эдвин Лоллард сумел этого добиться.

И когда его увозил тюремный фургон, он с тихой радостью думал о том, что теперь будет вести жизнь, о которой так долго мечтал,— жизнь, свободную от благосостояния, свободную от мертвящей душу обязанности потреблять во что бы то ни стало. Он будет волен читать, наслаждаться безмятежным отдыхом, быть нищим. Блаженны нищие, думал он (несколько перевиная евангельский текст), ибо они пребудут в уюте.

Он вдруг с нежностью вспомнил Джилиен. Грустно, что они больше никогда не увидятся. Но, может быть, она будет так же счастлива в «Золотом покое», как он надеялся быть счастлив в «Голубом лесе»?

Он ничего не ждал, а потому и полагал, что будет счастлив. Скудное питание, тяжелый труд днем, а ночью — камера с голыми стенами. Койка, лампа, книга и полное одиночество. За двадцать пять лет он успеет прочесть все книги, на которые ему прежде не хватало времени: Гиббона и Тойнби, Виргилия и Данте, Толстого, Джойса и Гэддиса, Фэрбота и Маккалема.

Он чувствовал себя влюбленным женихом и в упоении воображал все восторги, которыми одарит его одетая в ру比ще невеста — Дама Нищета.

Как большинство его современников, он не имел ни малейшего представления о тюрьмах. И совсем не был подготовлен к тому, что ожидало его в «Голубом лесе».

У тюрем есть два назначения — изолировать и наказывать. Изолирован «Голубой лес» безупречно: сложная система стен, проволочных заграждений и минных полей исключала всякую возможность побега. Однако начальник тюрьмы, просвещенный человек, которому надо было куда-то девать колоссальную ежегодную дотацию, не считал нужным подвергать вверенных его заботам узников бессмысленным и унизительным лишениям. Его заключенные хорошо питались — два завтрака, обед, чай и ужин по будним дням, обильные и разнообразные, а по воскресеньям — праздничный банкет продолжительностью в двенадцать часов: они спали в комнатах, фотографии которых могли бы стать украшением любого номера «Современного жилища»; они смотрели телевизор в огромном зале, а их робото-спортивная аrena не уступала и столичной. Начальник чрезвычайно гордился хоровым обществом «Голубого леса», в котором состояли поголовно все заключенные. Хоровое общество создало уже три альбома, имевших большой успех: «Песни бодрости и веселья», «Что вам подарить на рождество?» и

«Баюкающая музыка». Заканчивалась постройка нового корпуса для физиотерапии и массажа.

Все заключенные были счастливы и довольны. Они жили ничуть не хуже, чем на воле. Впрочем, счастливы они были куда больше, чем на воле, и ничего не могли с этим поделать. В их пищу добавлялся бредомицин.

Библиотеки в «Голубом лесе» не было.

ТОРГОВЦЫ РАЗУМОМ

Нэва не любила приносить домой вечернюю газету. Ее пугало нетерпение, с которым ее муж Кол выхватывал газету у нее из рук и, поспешно перелистывая, выискивал раздел объявлений. Она знала, что за этим последует. Тяжело дыша, фыркая от возмущения, он будет шарить глазами по убористым колонкам, а потом отбросит скомканные листы газеты к колесам своего кресла-каталки, которое было для него тюрьмой.

Но на этот раз все было не так. Когда Нэва вошла, Кол встретил ее тихой улыбкой, его тонкое умное лицо оставалось спокойным. Когда она положила газету ему на колени, он не торопясь раскрыл ее и даже вскользь просмотрел на заголовки, прежде чем перейти к отделу объявлений.

Ободренная его поведением, Нэва сказала:

— Кол, оставь, ведь это тебя так расстраивает...

Он усмехнулся:

— Ничего, милая. Правда же, я сегодня чувствую себя великолепно. Это меня нисколько не расстроит.

— Я так рада!

Она опустилась у его ног и положила белокурую голову ему на колени. Он погладил длинные мягкие пряди. Даже при тусклом свете сумерек он заметил седину, уже пробивавшуюся в ее золотистых волосах. Кол ощутил горечь: ведь ей было только тридцать.

Затем он снова повеселел.

— Ну хорошо, радость моя. Разреши мне почтить газету. Кто знает, может, я найду идеальное объявление: «Нужен психосемантик, желательно калека. Высокая оплата, короткий рабочий день...»

— Кол!..

Он потрепал ее по голове.

— Поди-ка, богиня, свари картошки,— я умираю с голodom.

Она встала и, мурлыча песенку, пошла в уютную кухоньку их двухкомнатной квартиры.

Кол Донхью развернул газету и начал, ведя пальцем сверху вниз, проглядывать столбцы объявлений по найму. Нетрудно было убедиться в том, что поиски его безнадежны. Его специальность считалась непрактичной и, что хуже всего, была доступна лишь немногим посвященным. Но только в этой области знаний он был крупным специалистом. Физически Кол был очень слаб.

Он сжал ручки кресла-каталки, подавляя нарастающее чувство гнева и отвращения к себе.

Затем Кол перевернул страницу и стал читать объявления о купле-продаже. Как всегда, преобладали объявления посреднического агентства «Куплю-продам» («К-П») и предложения посредников и маклеров агентства «Приобретайте знания» («П-З») и частных клиентов.

ПРОДАМ. Знание (в совершенстве) минералогии; окончил колледж. Кристаллография, геология, горная промышленность. Практика полевых работ — двенадцать лет. Обращаться: Нью-Йорк, 7, агентство Эдамса «П-З».

ПРОДАМ. Абсолютное знание французского языка. Окончил французскую школу, постоянно проживаю во Франции. Готов пожертвовать всем. Звонить после шести, Оксфорд, 5-89-00.

ПРОДАМ. Инженер — специалист в новой области сопротивления материалов предлагает свои обширные знания. Три года колледжа и четыре практической

деятельности. Заплатит взнос „П-З“. Обращаться в отделение Гарвей агентства „П-З“, Бруклин, Гранд, 150.

Кол быстро пробежал колонку в поисках раздела купли. Наконец нашел нужное: объявление, которое появлялось из номера в номер.

КУПЛЮ. Знания в различных областях, без ограничений. Самая высокая плата, обеспечиваю все взносы агентства „П-З“ и его отделений. Обращаться: Нью-Йорк, 17, Мэдисон, 585, Агентство „П-З“, отделение Мэнн.

Кол еще всматривался в слова, когда из кухни вышла Нэва в аккуратном передничке, облегающем ее стройную фигурку. Кол улыбнулся Нэве.

— О Кол,— сказала она,— ты представить себе не можешь, как мне хорошо, когда ты такой.

— Разве мне не дано быть счастливым? Сегодня я польщен. Моей особой заинтересовались.

— Да? — Она смешно наклонила голову вперед, изображая ревнившую жену.— Так кто же эта блондинка?

— О нет, ты единственная блондинка в моей жизни. Если уж говорить серьезно, это был маленький лысый человечек из фирмы, которая называется Агентством Мэнн. Один из этих маклеров по торговле разумом.

Нэва помрачнела. Она предпочитала не слышать ничего об этих агентствах «П-З»; вся система купли-продажи знаний пугала ее и выводила из себя. Однажды Кол попробовал объяснить ей, как это делается, но она заткнула уши и отказалась слушать. Торговать знаниями с таким же холодным цинизмом, с каким играют на бирже,— это безбожно, это значит не иметь за душой ничего святого.

— Что ему было нужно? Зачем он к нам пришел?

— Сейчас скажу. Насколько я понял со слов моего

маленького лысого друга, все это Агентство Мэнн — предприятие, обслуживающее только одного человека. Он выражался довольно осторожно, но из его рассказа мне стало ясно...

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

— Ну, ты же знаешь, как работают эти агентства «П-З». Они всего лишь посредники. Желающие продать свои знания с их помощью находят покупателей. То же самое делают желающие купить знания. Агентства берут за это взносы, и в конце концов все довольны.

— Но они не... — Нэва с трудом проглотила комок в горле. — Они не занимаются самим процессом?

— Нет, они не занимаются самим процессом пересадки. Это уж дело покупателей и продавцов. Они находят какую-нибудь подходящую для «П-З» специальную лабораторию трансформации. Но вот что я выяснил об Агентстве Мэнн: оно принадлежит Эмерсону Уэри.

— Кому?

— Уэри. Я уже говорил тебе о нем. У него огромные капиталы. Множество атомных предприятий. Только теперь Уэри надоело копить доллары. Он скапивает знания, разум.

Нэву передернуло. Она посмотрела в направлении кухни, туда, откуда доносилось привычное, успокаивающее бульканье кипящей в кастрюльке воды. Ей не нравились эти разговоры о купле-продаже, но сегодня Кол был в таком хорошем расположении духа, что она не решилась ему перечить. Она только спросила:

— Но зачем, Кол? Зачем ему все эти знания?

— Поди разберись! Денежные тузы часто стремятся к власти. Может быть, и Уэри такой же. Он уже набил башку этими чертовыми знаниями больше, чем кто-нибудь другой в целом мире. А ему все мало.

— Но почему?..

— Сам удивляюсь. Он вырос в трущобах, был бедным ребенком, не умел читать. Может быть, теперь ему хочется сравняться со всеми теми «шикарными» молодчиками, скупая то, что они знают. Но кому бы могло прийти в голову, что ему понадобится психосемантика?

Это ее потрясло.

— Кол!

— Не надо так волноваться,— усмехнулся Кол.— Я не собираюсь продавать свои знания. Специальность у меня скромная, я даже не могу нас прокормить, но это все, что я имею.

— Ужасно! Предлагать тебе такую вещь!

— А почему бы и нет? Это же бизнес, Нэва. У меня есть то, в чем нуждается Уэри, он предлагает деньги. Нечего тут расстраиваться.

Нэва содрогнулась, ей стало противно.

— Бр-р! Меня тошнит. Обворовывать человеческие мозги, выдергивать знания, как... как выдергивают зубы. Случись это с тобой, Кол, я бы не вынесла.

— Даже за пять тысяч?

— Ни за какие деньги!

Кол потянулся к ней, обнял. Немного погодя он прошептал:

— Иногда мне кажется, что я сошел с ума. Может, этот лысый прав. Пять тысяч пригодятся нам, милая. Их хватит ненадолго, но они помогут. Может, и мне будет лучше, если очистить мои мозги от этой психосемантики...

— Не говори так!

— Но ведь это правда. Много ли проку от меня такого, Нэва? Ведь я не больше чем вещь в этом кресле-каталке...

Он снова впал в депрессию, а Нэва сжимала его крепче, крепче, чтобы поддержать в нем силы.

— Ты — талант,— горячо убеждала она. — Никогда не забывай этого, Кол. Ведь так сказали там, в университете.

— Таланты тоже едят, милая. Их жены тоже должны есть. Вспомни ту книгу, Нэва, этот мой несчастный шедевр — тиражом пятьсот семнадцать экземпляров...

— Прекрасная книга! «Научное обозрение»...
Он горько усмехнулся.

— Кол! — вскрикнула Нэва, и все напряжение этого вечера оборвалось, словно туго натянутая струна. Потекли слезы, как кипящая вода, хлынувшая через край кастрюльки.

На следующее утро Нэва поздно пробудилась от тревожного сна и бросилась готовить завтрак для Кола. Она была стенографисткой класса З-А в муниципалитете, но высокая квалификация не давала ей права опаздывать. Нэва торопливо поцеловала Кола и убежала.

Когда она ушла, Кол обежал на кресле комнаты, пытаясь настроить себя на рабочий лад и вернуться к старенькой разбитой пишущей машинке, которая прислонилась на краю обеденного стола. Статья по его специальности, наполовину написанная им, плод длительных раздумий, должна была появиться в малотиражном научном журнале, который платил своим авторам условно, ради престижа.

«Престиж и картошка,— криво усмехнулся Кол.— Престиж жареный, престиж пареный, престиж под соусом».

Все предвещало неудачный день.

К одиннадцати часам он отстучал на машинке восемь строк статьи и обрадовался, когда звонок в дверь прервал его работу.

Человек, ожидавший у порога, снял шляпу, и свет из прихожей заиграл на его лысине.

— Опять вы? — удивился Кол. — Я же вам вчера сказал, мистер...

— Бич, — вежливо подсказал лысый, входя в прихожую и снимая пальто. Он нежно сжимал под мышкой лоснящийся кожаный саквояж. — Вчера было вчера, — улыбнулся он. — Я имел возможность переговорить с моим клиентом и готов сделать другое предложение.

— Вы зря теряете время, мистер Бич.

— Как знать, я еще ничего не сказал. — Он сел и щелкнул толстыми металлическими застежками саквояжа. — Так вот, мистер Уэри просто преклоняется перед вашими познаниями и щедр как никогда. По совести говоря, он превзошел себя...

— Послушайте, дело не в цене. Мне не по душе вся эта «П-З»-контора, и я не хочу иметь с ней никакого дела.

— Вы уверены?

Кол засомневался.

— Ну ладно, выкладывайте цену и потом катитесь.

— Пятнадцать тысяч. — Бич поспешил вынуть толстую авторучку, открутил колпачок. — Итак, вы подпишете первым.

— Постойте! Я ничего не собираюсь подписывать.

— Может, вы не расслышали. Я сказал — пятнадцать тысяч.

— Отлично расслышал. Но даже если бы вы сказали пятьдесят тысяч, и то я не стал бы торговаться своими мозгами.

Лысый уставился на Кола, как священник на богохульника — ошеломленно, но с выражением безграничной терпимости на лице.

— Ага! — произнес он наконец. — Понятно. Вас немного пугает сам процесс трансформации. Полагаю, мне

не за что укорять, ведь многие имеют об этом ложное понятие. Позвольте заверить вас, это так же просто... нет, даже проще, чем удаление гланда. Аппаратура фирмы «П-З» делает тщательную запись биотоков — копию только тех знаний, которые подлежат трансформации. После «операции» у вас просто не остается этих знаний, зато покупатель их приобретает. А во всем остальном вы ни чуточки не меняетесь. Итак, будьте благоразумны, мистер Донхью. Чем скорее мы договоримся насчет лаборатории...

Кол остановил взгляд на широком лысом черепе мистера Бича, как бы примериваясь, куда лучше ударить топором. Потом он что-то прорычал, подкатил к двери и распахнул ее.

— Вон! — крикнул Кол.

— Но, мистер Донхью...

— Вон! Скажите мистеру Уэри, пусть он грабит мозги у кого-нибудь другого!

Лысый быстро собрал свои вещички и поспешил к двери.

— Ну ладно, мистер Донхью. Не набрасывайтесь на меня. Я же человек подневольный. Придется сообщить мистеру Уэри, но я должен знать, какая цена вас...

— Никакая! — вскричал Кол.— И убирайтесь отсюда!

Он с такой яростью захлопнул дверь за мистером Бичем, что со стены упала фотография в рамке, обнажив квадрат на выцветших обоях. Он подъехал и поднял ее. Стекло растрескалось так, что стало почти не видно изображения его и Нэвы. Фотография была сделана в день свадьбы. Он стоял очень прямой и высокий.

Почти две недели потребовалось Колу, чтобы закончить статью. Когда она была написана, он сложил на

обеденном столе страницы в стопку и засунул их в коричневый конверт. Написав адрес, он повернулся к Нэве, сидящей с шитьем у окна, и сказал:

— Отправь завтра, хорошо?

— Конечно, Кол.— Она поглядела на него, наморщив лоб.— Тебя что-нибудь тревожит? Ты чем-то подавлен сегодня?

— Просто занят. Заканчивал свою статейку. Пришлось поторопиться и отпечатать, и теперь нам остается вкушать престиж.

— Что это?

— Не беспокойся.— Он подкатил к бюро и бросил на него конверт. Потом взял почту, полученную днем от Агентства Мэнн, поморщился и сунул ее обратно. Это не укрылось от Нэвы.

— Что это, Кол? От кого письмо?

— Все та же компания. Похоже, мистер Уэри до сих пор не оставил своей идеи. Последнее его предложение — тридцать пять тысяч. Мне кажется, он на этом не остановится. Продержись мы подольше, из этого чудака можно вытянуть и миллион.

Нэва бросила шитье на колени.

— Не говори так. Я не потерплю этого. Даже за десять миллионов долларов.

— Не волнуйся, милая. Единственное, что осталось у меня на свете, это моя работа. Нет,— добавил он поспешно,— я не собираюсь продаваться.

Нэва улыбнулась сквозь слезы и прижалась к нему.

Через несколько минут раздался звонок в дверь.

— Миссис Донхью? Я Эмерсон Уэри,— представился пришедший.

Нэва прижала руку к груди.

Уэри был крупным мужчиной. Он заслонил собою весь дверной проем. Весил он на добрую сотню фунтов больше нормы, но мастерство портного скрадывало полноту. У него были мелкие черты лица, а глаза полуприкрыты тяжелыми надбровными дугами. В квартиру он вошел непринужденно. Он не курил, но в комнате распространился аромат дорогих сигар.

Гость снял шляпу и вежливо сказал:

— Простите за неожиданное посещение. Надеюсь, вы уделите мне несколько минут.

Кол подкатил к двери встретить гостя.

— Что вам угодно, мистер Уэри?

— Вы Колвин Донхью?

— Да.

— Разрешите присесть?

— Да,— взволнованно сказала Нэва, пытаясь не показать своего страха перед этим человеком. Она знала, каково сейчас Колу.

Грузное тело Эмерсона Уэри полностью скрыло стул.

— Я не хочу зря тратить ваше время, мистер Донхью. Но из сегодняшнего разговора с мистером Бичем...

— Послушайте,— сдержанно сказал Кол,— этот ваш наймит — как чума на наш дом, мистер Уэри. Премного буду вам обязан, если вы его отзовете. Поймите же, я не продаю своих знаний. Вот что я сказал ему сегодня.

— Мне уже передали. Поэтому я здесь.

— Предложите мне миллион,— сказал Кол.— Я говорил жене, что вы это сделаете. Предложите мне миллион.

— Если это ваша окончательная цена...

У Нэвы перехватило дыхание; даже Кол был потрясен готовностью, прозвучавшей в его ответе, но потом совладал с собой.

— Не согласен,— сказал он.— Не продается. Прощайте, мистер Уэри.

— Минутку. Когда я ехал сюда, я имел в виду совсем другую оплату.

— Какую?

Уэри улыбнулся. Он достал из нагрудного кармана тонкую сигару и предложил ее Колу:

— Курите, прошу вас. Мне это запрещено, но я обожаю аромат сигары.

— Нет, благодарю.

Уэри, вздохнув, убрал сигару, затем сложил руки на коленях и сказал:

— Мое предложение касается кое-чего более ценного, чем деньги, мистер Донхью. Если говорить прямо, речь идет о том, чтобы поставить вас на ноги.

Нэва встала без видимой причины. Но уходить было некуда, и, глубоко вздохнувшая, она поспешила снова сесть.

Кол молчал, уставившись на Уэри.

— Конечно, это звучит необычно,— сказал Уэри.— Но я пришел именно с таким предложением. Когда вы откали мне в первый раз, я позволил себе изучить историю вашей болезни, мистер Донхью. Интересная история. Как вы, возможно, слышали, у меня довольно обширные познания в некоторых областях медицины...

— Куплены и оплачены,— сказал Кол.

— Совершенно верно, куплены и оплачены. Но это позволило мне понять вашу болезнь. Несчастный случай, повреждены нижние центры двигательной системы. Я вам сочувствую.

— Ну и что же? — спросила Нэва дрожащим голосом.— Говорите, что же вы хотели сказать?

Уэри улыбнулся ей.

— Есть один человек.

— И что?

— Имя этого человека Уикрайт, он довольно известный врач. У вас своя специальность, мистер Донхью, у Уикрайта своя. И вот случилось так, что он делает очень тонкую и сложную операцию пациентам, подобным вам. Его операции всегда проходят успешно.

В комнате стало так тихо, что глубокий вздох Нэвы был отчетливо слышен.

— Продолжайте,— сказал Кол.

— Сегодня я разговаривал с доктором Уикрайтом. Он уже не молодой человек и редко прибегает к своим хирургическим талантам. Его операции стоят дорого, в среднем десять тысяч долларов.

— Не верю,— отрезал Кол.— Никогда не слышал об этом человеке.

— Я тоже до нынешнего года никогда не слышал о психосемантике,— улыбнулся Уэри.— Но теперь, когда я о ней услышал, мистер Донхью, я полон решимости получить эти знания в свою собственность. Я, кажется, выражаюсь достаточно ясно?

Нэва встала рядом с Колом.

— Нет, не достаточно, мистер Уэри. Если Кол отдаст вам свои знания, гарантируете ли вы, что он снова сможет ходить?

— Почти уверен. Если вы сомневаетесь, зайдите к самому доктору Уикрайту. Но не рассчитывайте на благотворительность, миссис Донхью,— этот номер не пройдет. У Уикрайта превосходное положение. Если бы он занимался благотворительностью, у него было бы столько посетителей...— он развел руками.

— Хорошо,— сказал Кол,— если это все, что вы имеете сказать, мистер Уэри, разговор окончен.

— Вас это совсем не интересует?

Нэва открыла было рот, но муж не дал ей сказать ни слова.

— Абсолютно,— ответил он.— Прощайте, мистер Уэри. Великан поднялся.

— По крайней мере обдумайте мое предложение,— сказал он.— Я понимаю, мистер Донхью, как это трудно для вас. Такой активный человек, как вы, и вдруг прикован к своей тюрьме на колесах. Если бы вы были здоровы, вы могли бы получить хорошее место преподавателя. А ваша бедная жена, конечно...

— Вон! — крикнул Кол.

Гость встал, поклонился и вышел.

В пятницу вечером, на пятый день после визита Уэри, Кол Донхью очнулся от дремоты в своем кресле и, взглянув на кухонные часы, вдруг встревожился.

Было половина девятого.

Недоуменно посмотрев на циферблат, он перевел взгляд на темный проем окна. В небе мерцали звезды.

— Нэва! — позвал он громко.

Ответа не последовало. Он испугался. Как обезумевший, посаженный в клетку зверь, он объехал всю свою маленькую квартиру. Только через пять минут ему пришло в голову включить свет. Сделав это, он оглядел комнаты и прислушался к тишине, наполнившей пустую квартиру.

Он подошел к телефону и стал набирать рабочий телефон Нэвы. Потом вспомнил, что коммутатор муниципалитета, где работала жена, выключается в шесть. Он положил трубку, подъехал к двери, прислушиваясь к внешним звукам. Она никогда еще не возвращалась так поздно. Если с ней что-нибудь случилось, тогда зачем ему жизнь?

В девять он услышал знакомые шаги на лестнице.

— О Кол,— сказала она входя,— прости, ради бога, я... мне пришлось зайти в магазины. Я думала вернуться к половине восьмого, но столько народу...

— Что ты купила?

— Что купила? — знакомым ему жестом она провела рукой по волосам.

— Это неправда, Нэва. Ты не ходила по магазинам. Где ты была?

— Говорят тебе, в магазинах.— Она сбросила пальто и прошла на кухню.— Я приготовлю ужин, сию минуту.

— Нэва!..

— Ну, пожалуйста, Кол!.. Ты, наверное, умираешь с голodom.

— Я не хочу есть. Я хочу знать правду.

На кухне Нэва очень громко гремела кастрюльками и сковородками. Кол яростно сдвинул с места кресло-каталку и последовал за ней.

— Что случилось, Нэва? Что ты делала так поздно? Может быть... Может быть, здесь замешан мужчина?

Она повернулась так резко, что задела бедром ручку кастрюльки, и та грохнулась на пол.

Нэва бросилась к Колу и уткнулась головой ему в грудь.

— Нет! Нет! — В ее голосе слышались приглушенные рыдания.— Не хочу, чтобы ты так думал, Кол! Не позволю!

— Тогда что же?

Она подняла глаза.

— Деньги, Кол. Сегодня вечером я заработала немногого денег. Может быть, и недостаточно, но если мы поговорим с этим человеком и узнаем...

— Деньги? О чём ты говоришь?

— Семь с половиной тысяч долларов, это самая вы-

сокая цена, которую они платят. Мне так сказали в Агентстве. Подвернулся действительно удачный случай, Кол, я должна была воспользоваться им.

— Да в чём дело?!

— «П-З»! — выкрикнула Нэва.

— Что?!

— Я была в агентстве «П-З» во вторник. На сороковой улице. Сначала они меня не обнадежили, но сегодня утром мне позвонили. Я просила десять тысяч, но они не смогли найти покупателя...

— Какого покупателя? — Он схватил ее за плечи и сильно встряхнул. — Какого покупателя?

— Я продала знание стенографии.

Он отпустил ее, все поплыло у него перед глазами.

— Кол, ты должен понять. — Она заплакала, но он не стал утешать ее. — Я знаю, что ты думаешь об этом деле, но иногда бывает нужно... Это совсем не опасно, честное слово, никакого! Я только... теперь я не смогу работать как прежде. Вот и все, что случилось. Мне придется подыскать себе какую-нибудь другую работу.

— Нэва! — гримаса исказила его лицо.

— Это было важнее, Кол. Неужели ты не понимаешь? Нам теперь не придется иметь дела с этим Уэри. Мы можем идти прямо к доктору. Мы можем сами ему заплатить.

На глазах у Кола впервые после того, как он стал калекой, выступили слезы.

Шофер такси был услужлив. Он вышел из машины, подошел к задней дверце, подхватил своими сильными руками кресло-каталку. Нэва пыталась помочь, но он усмехнулся и попросил ее посторониться. С помощью

Кола он сумел выкатить кресло на тротуар перед жилым домом на Пятой авеню.

Когда такси отъехало, Кол и Нэва осмотрели впечатительный фасад здания. По-видимому, интерьер не уступал ему в великолепии.

— Итак? — сказала Нэва.— Берем быка за рога?

— Берем.

Он толкнул кресло к парадному. Они проследовали по плюшевому ковру к лифту и, войдя в него, нажали кнопку восемнадцатого этажа.

На звонок вышла пожилая женщина. Она была в черном платье с высоким воротником. Держалась строго, с достоинством, но веки у нее были красные от недавних слез.

Она провела их в комнату. Впечатление, которое на них произвел фасад дома, не обмануло их: квартира была действительно великолепной.

— Доктор Уикрайт скоро выйдет к вам,— сказала женщина в черном и удалилась.

Когда доктор вошел в комнату, они были поражены, увидев, как он стар. Седой, взлохмаченный, с глубокими морщинами на лице, он двигался при помощи костыля.

— Лучше бы вы не приходили,— сказал он.

Нэва смотрела на него во все глаза.

— Я вас не понимаю. Когда мы с вами разговаривали на прошлой неделе...

— Я обещал поговорить с вами,— ворчливо ответил Уикрайт старческим голосом.— Вот и все, что я обещал сделать. Я не думал, что вы привезете вашего мужа.

— Я надеялась, что вы посмотрите и обследуете его.

— Его болезнь мне хорошо известна. Мистер Уэри интересовался моим мнением. Я видел рентгеновские снимки и все другие показатели.

— Как же так? — удивился Кол.— Мы еще не дого-
ворились о цене...

— Цене? Разве я сказал что-нибудь о цене?

— Пожалуйста, поймите нас правильно,— поспешила
вмешаться Нэва.— Мы знаем, что главное не в деньгах.
Мы об этом заговорили потому, чтобы вы не подумали,
будто мы ищем благотворительности...

Старик затряс головой и со стоном опустился на стул.

— Мне нездоровится,— сказал он.— Доктора тоже
болеют...

— И вы не можете нам помочь? — вскричала Нэва.—
Вы это хотите сказать? Не можете, потому что больны?

— Болен? Все это не так просто. Взгляните на меня.
Я не просто болен, я стар. Мне почти семьдесят. Вот
в чем дело, понимаете?

— Пошли,— сказал Кол.

— Нет! Доктор Уикрайт, скажите правду. Вы може-
те сделать операцию? — спросила Нэва.

— Когда-то мог,— ответил старик.— Я прекрасно с
нею справился всего лишь пять месяцев назад. Но это
была последняя операция.

— Пять месяцев? Тогда вы можете это сделать! Толь-
ко один раз. Вы должны!

— Да не могу я! — Он поднялся, ноги у него дрожа-
ли.— Не могу! Никогда больше! С этим покончено.

В дверях из соседней комнаты появилась женщина,
одетая в черное.

— Мэнфорд,— сказала она очень тихо.

— Э?

— Мэнфорд,— повторила она, с сожалением глядя на
Нэву и Кола,— скажи им правду.

Нэва обернулась к ней.

— Какую правду? Что вы имеете в виду?

— Он не может сделать операцию,— холодно ответила она.— Он больше не знает, как ее делать.

— Больше не знает?

— Скажи им, Мэнфорд,— с горечью воскликнула женщина.— Скажи им, за что ты получил свои тридцать сребренников.

— Я имел право! — завопил старик.— Да, имел! Я теперь стар. Я заслужил отдых...

— Вы продали,— сказал Кол.— Я вас правильно понял, доктор?

— Да! И не стыжусь этого. Я продал свои знания.

— Кто их купил?

— Человек по имени Уэри,— сказала женщина.

Когда все устроилось, в доме Донхью наступило облегчение. Было похоже, что бури, инфекционные заболевания остались позади, и теперь болезнь сломлена. Они спокойно говорили о завтрашнем дне. Им хотелось только одного — чтобы он поскорее наступил, чтоб с ним поскорее покончить.

Кол дописывал последнюю часть своей статьи по психосемантике, с головой уйдя в работу. Нэва полностью окунулась в изучение начальных глав учебника стенографии.

Утром в четверг, через две недели после их визита к доктору Уикрайту, приземистый черный лимузин с мягким рокотом подкатил к стоянке у их дома. Шофер в ливрее, по-военному быстрый и распорядительный, позвонил в дверь, помог Нэве усадить мужа-инвалида в машину.

Через полчаса они подъехали к лаборатории «П-З», Тил-Шерман на Верхней парк-авеню. Эмерсон Уэри был уже там, он непринужденно болтал с техническим персоналом, который должен был проводить трансформацию знаний «от мозга к мозгу».

Здесь он чувствовал себя как дома и ослабил контроль над собой. Но сопровождавший его седовласый уравновешенный человек был сосредоточен и насторожен.

— Это доктор Лоуренс Мозес,— Уэри указал на своего спутника.— Мой личный врач. Более того — телохранитель. Я без него и шагу ступить не могу.

Уэри по очереди улыбнулся Колу и Нэве.

— Можно моей жене остаться здесь? — спросил Кол.

— Безусловно, — отозвался Уэри. — Итак, если вы готовы, начнем...

— Минутку... — Голос Кола сорвался.— Я хочу четко определить наши условия, мистер Уэри. Вы поняли, что мне не нужно ни цента из вашего кармана? Только гарантия, что вы вернете доктору Уикрайту знания, которые вы у него купили. И надеюсь, что вы уладите все остальное.

— Не беспокойтесь, доктор Уикрайт все сделает. Но вы не можете требовать, чтоб я гарантировал успех его операции.

Нэва вздрогнула, и Уэри отечески взглянул на нее.

— Пусть это вас не беспокоит, моя дорогая. Он не подкачет. Через несколько месяцев вы сможете совершать прогулки с вашим мужем. Итак, джентльмены...

— Один момент! — Сосредоточенный доктор Мозес поднялся со своего кресла.— Пока вы окончательно не договорились, я хочу кое-что сказать.

— Но, Лоуренс...

— Не пытайтесь остановить меня, Эмерсон. Говорить

на эту тему с вами бесполезно. Теперь я обращаюсь к мистеру Донхью.

Кол вопросительно взглянул на доктора.

— Что вы хотите этим сказать?

— А вот что: как врач мистера Уэри, я запрещаю ему производить «П-З»-трансформацию. И хочу, чтобы вы об этом знали. Более того, я собираюсь просить вас самого отказаться от трансформации.

— Что?!

— Я хочу, чтобы вы и ваша жена отказались от трансформации и вернулись домой. Я понимаю, как это важно для вас. Но теперь речь идет кое о чем, не менее важном. Речь идет о душевном здоровье человека.

— Не понимаю вас.

— Лоуренс — паникер, — усмехнулся Уэри. — Он недооценивает возможности человеческого разума.

— Я знаю, в каком состоянии ваш мозг! — огрызнулся Мозес. — И знаю, что вы переступили грань возможного, Эмерсон. Вы до того напичканы приобретенными через «П-З» знаниями, что ваш мозг может не вынести еще одной трансформации и...

— Это мой мозг! — резко обрубил Уэри. — Все ваши диаграммы и осциллограммы не скажут вам того, что знаю я.

Пальцы Кола, сжавшие поручни кресла, побелели.

— Послушайте, если есть какой-то риск...

— Только для мистера Уэри, — сказал Мозес. — Я полагаю, что эта трансформация переполнит чашу...

— У тебя все, Лоуренс? — Тонкая усмешка заиграла на лице Уэри. — Тогда не будем терять зря время. У меня важные дела сегодня вечером. И, конечно же, мистер Донхью не меньше моего хочет поскорее покончить с этим.

Он махнул рукой операторам.

— Мы готовы,— сказал он.

Два кресла, обтянутых мягкой кожей, почти соприкасались спинками. Они выглядели точно корешки книжек, засунутых на полку с электронным оборудованием. Сзади них мигала лампочка и потрескивала электронно-вычислительная машина, готовая моделировать биотоки молодого и старого мозга. Одно из кресел отодвинули и поместили там кресло-каталку Кола. Когда к вискам Кола Донхью и Эмерсона Уэри прикрепили электроды, Уэри самонадеянно улыбнулся, а на лице Кола застыла напряженная гримаса. Им подали успокаивающую мистеру, они выпили ее. Включили электронную машину, и она деловито загудела. Оператор спокойно следил за вращающимися дисками записи, сверяя данные по выносному табло, которое он держал в руке. Загорелись новые лампочки, и перо самописца зацарапало по бумаге. Где-то между креслами взвыла машина. Щелкнул тумблер. Вой машины усилился и неожиданно превратился в душераздирающий визг. Среди всей этой какофонии отчетливо стало слышно рыданье Нэвы Донхью.

Вдруг Уэри, усыпленный в своем кресле, что-то пробурчал и рассмеялся. Операторы задвигались быстро, но без суеты. На вычислительном табло замигал ряд красных лампочек, затем лампочки ярко вспыхнули и погасли. Уэри снова засмеялся и что-то сказал громко, но бессвязно. Нэва схватила доктора Мозеса за руку, он не отстранил ее. Секунды, казалось, длились вечность, потом стало тихо.

Почти тихо.

Тишину нарушал смех Эмерсона Уэри.

Скорее это было кудахтанье, довольное кудахтанье. Даже после того, как их освободили от ремней, Уэри продолжал смеяться.

— Эмерсон! — прошептал доктор Мозес.

— Боже мой! — произнесла Нэва.

Уэри смеялся. Донхью сжал руками пульсирующие виски.

— Эмерсон, что с вами? — спросил доктор Мозес.

— Умница моя, крысенок,— захлебывался смехом Уэри.— Думаешь, что ты такая уж хитрая бестия. Зарылся носом в толстые книги — и что ты от этого имеешь? Двадцать зелененьких в неделю да глоток содовой. Вот и все, Ричи...

— Что с ним? — спросила Нэва.

— Он говорит о своем брате...

— Что с ним? — удивился Кол.— Что он такое бормочет?

— Я его предупреждал,— сказал доктор.— Я говорил ему, что он слишком далеко зашел...

— Шакал жрет шакала! — визжал Уэри.— Мразь это, а не жизнь! Что она тебе даст, Ричи? Эй, мама, Ричи увяз носом в книге! Что я хотел сказать тебе, умник? Кто теперь на коне? Двадцать тысяч в месяц — вот это да! Крупнейшее предприятие в городе, и никакому колледжу я ни черта не платил. Эй, Ричи, хочешь быть дворником?

— Остановите его! — вскричала Нэва, закрыв лицо руками.

— Слишком поздно,— сказал Мозес,— если вы не...

— Денежки, денежки — это все! — смеялся Уэри.— Это говорю вам я! Никогда в жизни не читал ни одной книги, только объявления «куплю-продам» — вот и все мое чтение. А посмотри на себя и посмотри на меня. На чьей стороне удача? На чьей стороне?

— Что мы должны сделать? — обратился Кол к Мозесу.

— Вернуться к исходному, — ответил Мозес. — Возьмите обратно ваши знания, Донхью. Это единственный возможный путь. Его мозг обессилен, он требует отдыха.

— Но как же с доктором Уикрайтом, как быть с операцией? — спросила Нэва.

— Это я беру на себя, я обещаю проследить, чтобы он выполнил свой договор с вами и возвратил знания доктору Уикрайту. Но это возможно, лишь если мы сделаем все немедленно.

— Хорошо, — сказал Кол. — Тогда быстрее.

Доктор Мозес дал указания операторам. Когда они сменили электроды, он подошел к своему пациенту и положил руку ему на плечо. Мозес строго посмотрел в пустые глаза Уэри и сказал:

— Мы все повторим, Эмерсон. Вы понимаете меня? Первый раз ничего не вышло, мы собираемся повторить.

— Удача, — пробормотал Уэри, но подчинился.

Через полчаса все было окончено.

Уже стемнело, когда лимузин доставил их домой. Нэва остановилась на углу и купила вечернюю газету. Когда они пришли домой, она предложила ее Колу. Но он улыбнулся и отказался. Вместо этого он подкатил к пишущей машинке, вставил лист бумаги и написал:

«ПСИХОСЕМАНТИКА И ОБЩЕСТВО.

Часть первая».

БЕЗРАБОТНЫЙ РОБОТ

Джон Венэкс вставил ключ в дверной замок. Он просил, чтобы ему дали большой номер — самый большой в гостинице, и заплатил портые лишнее. Теперь ему оставалось только надеяться, что его не обманули. Жаловаться он не рискнет, а о том, чтобы попросить деньги назад, конечно, не могло быть и речи.

Дверь распахнулась, и он вздохнул с облегчением: номер был даже больше, чем он рассчитывал, — полных три фута в ширину и пять в длину. Места для работы было вполне достаточно. Вот сейчас он снимет ногу, и к утру от его хромоты не останется и следа.

На задней стене был стандартный передвижной крюк. Джон просунул его в кольцо под затылком и подпрыгнул так, что его ноги свободно повисли над полом. Он отключил энергию ниже пояса, и ноги, расслабившись, стукнулись о стенку.

Перегревшемуся ножному мотору надо дать остыть, и только потом уже браться за него, а пока можно будет просмотреть газету. С нетерпением и неуверенностью, обычными для всех безработных, он раскрыл газету на объявлениях и быстро пробежал колонку «Требуются (роботы)». Ничего подходящего в разделе «Специальности». И даже в списках чернорабочих — ничего. В этом году Нью-Йорк был малоподходящим местом для роботов.

Отдел объявлений, как всегда, наводил уныние, но

могло было получить заряд бодрости, заглянув в колонку юмора. У него даже был свой любимый комический персонаж, хотя он стыдился себе в этом признаться: «Робкий робот», неуклюжий механический дурак, который то и дело попадал в дурацкое положение по собственной глупости. Конечно, отвратительная карикатура, но иногда такая смешная! Он начал читать подпись под первой картинкой, но тут плафон в потолке погас.

Десять вечера, комендантский час для роботов. Свет гаснет — и сиди взаперти до шести утра. Восемь часов скучи и темноты для всех, кроме горстки ночных рабочих. Но существовало немало способов обходить закон, который не содержал точного определения, что именно понимать под видимым светом. Отодвинув один из щитков, экранировавших его атомный генератор, Джон повысил напряжение. Когда генератор чуть-чуть нагрелся, он начал испускать тепловые волны, а Джон обладал способностью зрительно воспринимать инфракрасные лучи. Используя теплый ясный свет, струящийся из его живота, он дочитал газету.

Тепломером в кончике левого указательного пальца он проверил температуру ноги. Нога уже достаточно остывала, и можно было приниматься за работу. Водонепроницаемая оболочка снялась без всякого труда, обнажив энерговоды, нейропровода и поврежденный коленный сустав. Отсоединив проводку, Джон отвинтил коленную чашечку и осторожно положил ее на полку рядом с собой. Из набедренной сумки он бережно, с нежностью достал сменную деталь. В нее был вложен трехмесячный труд — деньги, которые он заработал на свиноводческой ферме в Нью-Джерси.

Когда плафон в потолке замигал и разгорелся, Джон стоял на одной ноге, проверяя новый коленный сустав. Половина шестого! Он успел как раз вовремя. Капля

масла на новое сочленение — вот и все. Он спрятал инструменты в сумку и отпер дверь.

Шахта ненужного лифта использовалась вместо мусоропровода, и, проходя мимо, он сунул газету в дверную щель. Держась поближе к стене, он осторожно спускался по закапанным смазкой ступеням. На семнадцатом этаже он замедлил шаг, пропуская вперед двух других роботов. Это были мясники или разделыватели туш — правая рука у обоих кончалась не кистью, а остро отточенным резаком длиной в фут. На втором этаже они остановились и убрали резаки в пластмассовые ножны, привинченные к их грудным пластинам. Вслед за ними Джон по скату спустился в вестибюль.

Помещение было битком набито роботами всех размеров, форм и расцветок. Джон Венэкс был заметно выше остальных и через их головы видел стеклянную входную дверь. Ночью прошел дождь, и под лучами восходящего солнца лужи на тротуарах отбрасывали красные блики. Три робота белого цвета, отличающегося ночных рабочих, распахнули дверь и вошли в вестибюль. Но на улицу никто не вышел, так как комендантский час еще не кончился. Толпа медленно двигалась по вестибюлю, слышались тихие голоса.

Единственным человеком здесь был ночной портье, дремавший за барьером. Часы над его головой показывали без пяти шесть. Отведя взгляд от циферблата, Джон заметил, что какой-то приземистый черный робот машет ему, стараясь привлечь его внимание. Могучие руки и компактное туловище указывали, что он принадлежит к семейству Копачей, одной из самых многочисленных групп. Пробившись через толпу, черный робот с лязгом хлопнул Джона по спине.

— Джон Венэкс! Я тебя сразу узнал, как только увидел, что ты зеленым столбом торчишь над толпой. Дав-

ненько мы с тобой не встречались — с тех самых дней на Венере!

Джону незачем было смотреть на номер, выбитый на исцарапанной грудной пластине черного робота. Алек Копач был его единственным близким другом все тринадцать нудных лет в поселке Оранжевого Моря. Прекрасный шахматист и замечательный партнер для парного волейбола. Все свободное время они проводили вместе. Они обменялись рукопожатием особой крепости, которая означала дружбу.

— Алек! Старая ты жестянка! Каким ветром тебя занесло в Нью-Йорк?

— Захотелось наконец увидеть что-нибудь, кроме дождя и джунглей. После того, как ты выкупился, не жизнь стала, а сплошная тоска. Я начал работать по две смены в сутки в этом чертовом алмазном карьере, а последний месяц — и по три смены, только бы выкупить контракт и оплатить проезд до Земли. Я просидел в шахте так долго, что фотоэлемент в моем правом глазу не выдержал солнечного света и сгорел, едва я вышел на поверхность.

Алек придвинулся к Джону поближе и хрипло пропел:

— По правде говоря, я запрятал за глазную линзу алмаз в шестьдесят каратов. Здесь, на Земле, я продал его за две сотни и полгода жил припеваючи. Теперь деньги кончились, и я иду на биржу труда. — Голос его снова зазвучал на полную мощность. — Ну, а ты-то как?

Джон Венэкс усмехнулся — такой прямолинейный подход к жизни его позабавил.

— Да все так же: брался за любую работу, пока не попал под автобус — он разбил мне коленную чашечку. Ну, а с испорченным коленом мне оставалось только кор-

мить свиней помоями. Но тем не менее я заработал достаточно, чтобы починить колено. Вот и все.

Алек ткнул пальцем в сторону трехфутового робота ржавого цвета, который тихонько подошел к ним.

— Ну, если ты думаешь, что тебе тugo пришлось, так погляди на Дика — это на нем не краска. Знакомьтесь: Дик Сушитель, а это Джон Венэкс, мой старый приятель.

Джон нагнулся, чтобы пожать руку маленького робота. Его глазные щитки широко разошлись, когда он понял, что металлическое тело Дика покрыто не краской, как ему показалось вначале, а тонким слоем ржавчины. Алек кончиком пальца процарапал в ржавчине сверкающую дорожку. Он сказал мрачно:

— Дика сконструировали для работы в пустынях Марса. О влажности там и не слыхивали, и поэтому его сквердная компания решила не тратиться на нержавеющую сталь. А когда компания обанкротилась, его продали одной нью-йоркской фирме. Он стал ржаветь, работать медленнее, и тогда они отдали ему контракт и вышивнули беднягу на улицу.

Маленький робот заговорил скрипучим голосом:

— Меня никто не хочет нанимать, пока я в таком виде, а пока я без работы, я не могу сделать себе ремонт. — Его руки скрипели и скрежетали при каждом движении. — Я сегодня думаю опять заглянуть в бесплатную поликлинику для роботов: они сказали, что попробуют что-нибудь сделать.

Алек Копач прогрохотал:

— Не очень-то ты на них надейся. Конечно, капсулу смазки или бесплатный кусочек проволоки они тебе дадут. Но на настоящую помощь не рассчитывай.

Стрелки показывали уже начало седьмого, работы один за другим выходили на тихую улицу и трое собеседников двинулись вслед за толпой. Джон старался идти

медленнее, чтобы его низенькие друзья от него не отставали. Дик Сушитель шел, дергаясь и спотыкаясь, и голос у него был такой же неровный, как и походка.

— Джон... Венэкс... А что значит... эта фамилия? Может быть... как-то связана... с Венерой...

— Правильно. «Венеро-экспериментальный». В нашем семействе нас было всего двадцать два. У нас водонепроницаемые тела, выдерживающие большое давление — для работы на морском дне. Конструктивная идея была правильной, и мы делали то, что от нас требовалось. Только работы для нас всех не хватало — расчистка дна не приносила больших прибылей. Я выкупил мой контракт за полцены и стал свободным роботом.

Ржавая диафрагма Дика задергалась.

— Свобода — это еще не все. Я иногда жалею, что Закон о равноправии роботов все-таки введен. В... в... владела бы мной сейчас какая-нибудь богатая фирма с механической мастерской и... горами запасных частей...

— Ну, это ты несерьезно, Дик, — Алек Копач опустил тяжелую черную руку ему на плечо. — Многое еще скверно, кто этого не знает, но все-таки куда лучше, чем в старые времена, когда мы были просто машинами. Работали по двадцать четыре часа в сутки, пока не ломались. А тогда нас выбрасывали на свалку. Нет уж, спасибо. Нынешнее положение меня больше устраивает.

Перед биржей труда Джон и Алек попрощались с Диком, и маленький робот медленно побрел дальше по улице. Они протолкались сквозь толпу и встали в очередь к регистрационному окошку. Доска объявлений рядом с окошком пестрела белыми карточками с названиями компаний, которым требовались роботы. Клерк прикалывал к доске новые карточки.

Венэкс скользнул по ним взглядом и сфокусировал глаза на объявлении в красной рамке:

ТРЕБУЮТСЯ РОБОТЫ СЛЕДУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ:

КРЕПИЛЬЩИКИ

ЛЕТЧИКИ

АТОМНИКИ

СЪЕМЩИКИ

ВЕНЭКСЫ

Обращаться сразу в „Чейнджет лимитед“, Бродвей, 1918

Джон взволнованно постучал по шее Алека Копача.

— Погляди-ка! Работа по моей специальности! Буду получать полную ставку! Увидимся вечером в гостинице. Желаю удачи в поисках!

Алек помахал ему на прощанье.

— Ну, будем надеяться, что работа окажется не хуже, чем ты рассчитываешь. А я ничему не верю до тех пор, пока деньги у меня не в руках.

Джон быстро шел по улице, его длинные ноги отмакивали квартал за кварталом.

Старина Алек! Не верит ни во что, чего не может потрогать. Может быть, он и прав. Но зачем нагонять на себя уныние? День начался не так уж плохо — колено действует прекрасно. Он, возможно, получит хорошую работу...

Никогда еще с тех пор, как его активировали, у Джона Венэкса не было такого бодрого настроения.

Быстро повернув за угол, он столкнулся с каким-то прохожим. Джон сразу же остановился, но не успел отскочить. Очень толстый человек стукнулся об него и упал на землю. И радость сменилась черным отчаянием — он причинил вред ЧЕЛОВЕКУ

Джон наклонился, чтобы помочь толстяку встать, но тот увернулся от дружеской руки и визгливо завопил:

— Полиция! Полиция! Карапуз! На меня напали... взбесившийся робот! Помогите!

Начала собираться толпа. На почтительном расстоянии, правда, но тем не менее грозная. Джон замер. Голова у него шла кругом: что он натворил! Сквозь толпу прорывалась полицейский.

— Заберите его, расстреляйте... Он меня ударили... чуть не убил! — толстяк дрожал и захлебывался от ярости.

Полицейский достал пистолет семьдесят пятого калибра с гасящей отдачу рукояткой. Он прижал дуло к боку Джона.

— Этот человек обвиняет тебя в серьезном преступлении, жестянка. Пойдешь со мной в участок, там поговорим.

Полицейский тревожно оглянулся и взмахнул пистолетом, расчищая себе путь в густой толпе. Люди неохотно отступили. Послышались сердитые восклицания.

Мысли Джона вихрем неслись по замкнутому кругу. Как могла произойти эта катастрофа и чем она кончится? Он не осмеливался сказать правду — ведь тем самым он назвал бы человека лжецом. С начала года в Нью-Йорке замкнули уже шесть роботов. Если он посмеет произнести хоть слово в свою защиту — электрический кабель рядом, и в полицейском морге на полку ляжет седьмая выжженная металлическая оболочка.

Его охватило тупое отчаяние — выхода не было. Если толстяк не возьмет своего обвинения назад, его ждет катогра. Хотя, пожалуй, живым ему до участка не дойти. Газеты успешно раздували ненависть к роботам: она слышалась в сердитых голосах, сверкала в сузившихся глазах, заставляла сжиматься кулаки. Толпа превращалась в стаю зверей, готовую накинуться на него и растерзать.

— Эй! Что тут происходит? — прогремел голос, в котором было что-то, приковавшее внимание толпы. У тротуара остановился огромный межконтинентальный грузовик. Водитель выпрыгнул из кабины и начал проталкиваться сквозь толпу. Полицейский, когда водитель надвинулся на него, нервно поднял пистолет.

— Это мой робот, Джек. Не вздумай его продырявить. — Шофер повернулся к толстяку. — Этот жирный — врун, каких мало. Робот стоял тут и ждал меня. А жирный, наверное, не только дурак, а еще и слеп впридачу. Я все видел: он наткнулся на робота, а потом завизжал и давай звать полицию.

Толстяк не выдержал: он побагровел от ярости и бросился на шофера, неуклюже размахивая кулаками. Шофер уперся могучей ладонью в лицо своего противника, и тот вторично очутился на тротуаре.

Толпа разразилась хохотом. Замыкание и робот были забыты. Драка шла между людьми, и причина драки никого больше не занимала. Даже полицейский, убирай пистолет в кобуру, позволил себе улыбнуться, и только потом начал разнимать дерущихся.

Шофер сердито прикрикнул на Джона:

— А ну, лезь в кабину, рухляды! Забот с тобой не оберешься!

Толпа хохотала, глядя, как он толкнул Джона на сиденье и захлопнул дверцу. Шофер нажал большим пальцем на кнопку стартера, могучие дизели взревели, и грузовик отъехал от тротуара.

Джон приоткрыл рот, но ничего не смог сказать. Почему этот незнакомый человек помог ему? Какими словами его благодарить? Он знал, что не все люди ненавидят роботов. Ходили даже слухи, что некоторые обращаются с роботами не как с машинами, а как с равными себе! Очевидно, шофер грузовика принадлежал к этим

мифическим существам — иного объяснения его поступку Джон не находил.

Уверенно держа рулевое колесо одной рукой, шофер пошарил другой за приборной доской и вытащил тонкую пластикатовую брошюрку. Он протянул ее Джону, и тот быстро прочел заглавие: «Роботы — рабы мировой экономической системы». Автор — Филпотт Азимов второй.

— Если у вас найдут эту штуку, вам крышка. Спрячьте-ка ее за изоляцию вашего генератора: если вас схватят, вы успеете ее сжечь. Прочтите, когда рядом никого не будет. И узнаете много нового. На самом деле роботы вовсе не хуже людей. Наоборот, во многих отношениях они даже лучше. Тут есть небольшой исторический очерк, показывающий, что роботы — не единственные, кого считали гражданами второго сорта. Вам это может показаться странным, но было время, когда люди обходились с другими людьми так, как теперь обходятся с роботами. Это одна из причин, почему я принимаю участие в нашем движении: когда сам обожжешься, так и других тащишь из огня.

Он улыбнулся Джону широкой дружеской улыбкой — его зубы казались особенно белыми по контрасту с темно-коричневой кожей лица.

— Я должен выбраться на шоссе номер один. Где вас высадить?

— У Чейнджета, пожалуйста. Мне нужно навести там справки о работе.

Дальше они ехали молча. Прежде чем открыть дверцу, шофер пожал Джону руку.

— Извините, что обозвал вас рухлядью, — надо было умиротворить толпу.

Грузовик отъехал.

Джону пришлось подождать полчаса, но наконец подошла его очередь и клерк сделал ему знак пройти в

комнату заведующего приемом. Он быстро вошел и увидел за столом из прозрачной пластины маленького нахмуренного человека. Тот сердито перебирал бумаги на своем столе, иногда ставя на полях какие-то закорючки. Он быстро, по-птичьи покосился на Джона.

— Да, да, поскорей. Что тебе нужно?

— Вы дали объявление. Я...

Маленький человек жестом остановил его.

— Довольно. Давай твой опознавательный жетон... И поскорее. Другие ждут.

Джон вытащил жетон из щели в животе и протянул его заведующему. Тот прочел кодовый номер, а потом провел пальцем по длинному списку похожих номеров. Внезапно палец остановился, и заведующий посмотрел на Джона из-под полуопущенных век.

— Ты ошибся, у нас для тебя ничего нет.

Джон попробовал было объяснить, что в объявлении указывалась именно его специальность, но заведующий сделал ему знак замолчать и протянул обратно жетон. Одновременно он выхватил из-под пресс-папье какую-то карточку и показал ее Джону. Он продержал ее меньше секунды, зная, что фотографическое зрение и эйдетодическая память робота мгновенно воспримут и навсегда сохранят все, что на ней написано. Карточка упала в пепельницу, и прикосновение карандаша-зажигалки превратило ее в пепел.

Джон сунул жетон на место, и, спускаясь по лестнице, мысленно прочитал то, что было написано на карточке. Шесть строчек, напечатанных на машинке. Без подписи.

РОБОТ ВЕНЭКСІ ТЫ НУЖЕН ФИРМЕ ДЛЯ СТРОГО СЕКРЕТНОЙ РАБОТЫ. В АППАРАТЕ УПРАВЛЕНИЯ, ПО-ВИДИМОМУ, ЕСТЬ ОСВЕДОМИТЕЛИ КОНКУРИРУЮЩИХ КОМПАНИЙ, ПОЭТОМУ ТЕБЯ НАНИМАЮТ ТАКИМ НЕОБЫЧНЫМ СПОСОБОМ. НЕМЕДЛЕННО ИДИ НА ВАШИНГТОН СТРИТ, 787, И СПРОСИ МИСТЕРА КОУЛМЕНА.

У Джона словно гора с плеч свалилась. Ведь он уже совсем было решил, что не получит работы. Такой способ найма не вызвал у него никакого удивления. Большие фирмы ревниво охраняли открытия своих лабораторий и не стеснялись в средствах, пытаясь добраться до секретов своих соперников. Пожалуй, можно считать, что место за ним.

Громоздкий погрузчик сновал взад и вперед в полуутёме старинного склада, возводя аккуратные штабеля ящиков под самый потолок. Джон окликнул его, и робот, сложив подъемную вилку, скользнул к нему на бесшумных шинах. В ответ на вопрос Джона он указал на лестницу в глубине помещения.

— Контора мистера Коулмена вон там. На двери есть дощечка.

Погрузчик прижал пальцы к слуховой мембране Джона и понизил голос до еле слышного шепота. Человеческое ухо не уловило бы ничего, но Джон слышал прекрасно, так как металлическое тело погрузчика обладало хорошей звукопроводимостью.

— Он отпетая сволочь и ненавидит роботов. Так что будь повежливее. Если сумеешь вставить в одну фразу пять «сэров», можешь ничего не опасаться.

Джон заговорщики подмигнул, опустив щиток одного глаза, погрузчик ответил ему тем же и бесшумно отъехал к своим ящикам.

Поднявшись по пыльным ступенькам, Джон осторожно постучал в дверь мистера Коулмена.

Коулмен оказался пухлым коротышкой в старомодном желтом с фиолетовым костюме солидного дельца. Поглядывая на Джона, он сверился с описанием Венекса в Общем каталоге роботов. По-видимому, убедившись,

что перед ним действительно Венэкс, он захлопнул каталог.

— Давай жетон и встань у стенки, вон там!

Джон положил жетон на стол и попытился к стене.

— Да, сэр. Вот он, сэр.

Два «сэра» в один прием — пожалуй, не так уж плохо. Смеху ради он прикинул, удастся ли ему втиснуть пять «сэров» в одну фразу так, чтобы Коулмен не почувствовал, что над ним потешаются, — и заметил опасность, когда было уже поздно.

Скрытый под штукатуркой электромагнит был включен на полную мощность, и металлическое тело Джона буквально вжалось в стену. Коулмен крикнул, злорадно приплясывая:

— Все в порядке, Друс! Повис, как расплощенная консервная банка на рифе! Не пошевельнет ни одним мотором. Таси сюда эту штуку и обработаем его.

Друс был в комбинезоне механика, надетом поверх обычной одежды. На боку у него висела сумка с инструментами. В вытянутой руке он нес черный металлический цилиндр, старательно держа его как можно дальше от себя. Коулмен раздраженно прикрикнул на него:

— Бомба на предохранителе и взорваться не может! Перестань валять дурака. Ну-ка, присобачь ее к ноге этой жестянки, да побыстрее!

Что-то ворча себе под нос, Друс приварил металлические фланцы бомбы к ноге Джона, чуть выше колена. Коулмен подергал черный цилиндр, проверяя, прочно ли он держится, а потом повернул какой-то рычажок и вытащил блестящий черный стержень чеки. Раздался негромкий сухой щелчок — взрыватель бомбы был введен.

Джон мог только беспомощно следить за происходящим — даже его голосовая диафрагма была парализова-

на магнитным полем. У него не оставалось никаких сомнений, что заманили его сюда не ради сохранения коммерческой тайны. Он ругал себя последними словами за то, что так легкомысленно угодил в ловушку.

Электромагнит был отключен, и Джон тотчас запустил мотор движения, готовясь ринуться вперед. Коулмен достал из кармана пластмассовую коробочку и положил большой палец на кнопку в ее крышке.

— Без глупостей, ржавая банка! Этот передатчик настроен на приемник в бомбочке, приваренной к твоей ноге. Стоит мне нажать покрепче, и ты взлетишь вверх в облаке дыма, а вниз посыплюсь дождем из болтов и гаек. А если тебе захочется разыграть героя, то вспомни вот про него.

По знаку Коулмена Друс открыл стенной шкаф. Там на полу лежал человек неопределенного возраста в грязных лохмотьях. К его груди была крепко привязана бомба. Прищурив налитые кровью глаза, он поднес ко рту почти опорожненную бутылку виски. Коулмен ударом ноги захлопнул дверь.

— Это просто бездомный бродяга, Венэкс, но тебе ведь это все равно, верно? Он же че-ло-век, а робот не может убить человека. Бомбочка этого пьяницы настроена на одну волну с твоей, и, если ты попробуешь сыграть с нами какую-нибудь штуку, он разлетится на куски.

Коулмен сказал правду, и Джону оставалось только подчиниться. Все привитые ему понятия, да и 92-ой контур в его мозгу делали непереносимой для него даже мысль о том, что он может причинить вред человеку. Для каких-то неведомых ему целей эти люди превратили его в свое покорное орудие.

Коулмен оттащил в сторону тяжелый брезент, лежавший на полу, и Джон увидел в бетоне зияющую дыру —

начало темного туннеля, уходившего дальше в землю. Коулмен указал Джону на дыру.

— Пройдешь шагов тридцать и наткнешься на обвал. Убери все камни и землю. Расчистишь выход в канализационную галерею и вернешься сюда. И один! Если вздумаешь позвать лягавых, и от тебя и от старого хрыча останется мокрое место. А теперь — живо!

Туннель был прорыт совсем недавно, и крепежными стойками в нем служили такие же ящики, какие он видел на складе. Внезапно путь ему преградила стена из свежей земли и камней. Джон начал накладывать землю в тачку, которую дал ему Друс.

Он вывез уже четыре тачки и начал накладывать пятую, когда наткнулся на руку — руку робота, сделанную из зеленого металла. Он включил лобовой фонарь и внимательно осмотрел руку. Сомнений не было: шарниры суставов, расположение гаек на ладони и сочленения большого пальца могли означать только одно — это была оторванная кисть Венэкса.

Быстро, но осторожно Джон разгреб мусор и увидел погибшего робота. Торс был раздавлен, провода обуглились, из огромной рваной раны в боку сочилась аккумуляторная кислота. Джон бережно обрезал провода, которые еще соединяли шею с телом, и положил зеленую голову на тачку. Она смотрела на него пустым взглядом мертвеца: щитки разошлись до максимума, но в лампах за ними не теплилось ни искорки жизни.

Он начал счищать грязь с номера на раздробленной груди, но тут в туннель спустился Друс и навел на него яркий луч фонарика.

— Брось возиться с этой рухлядью, а то и с тобой будет то же! Туннель надо закончить сегодня!

Джон сложил бесформенные металлические обломки на тачку вместе с землей и камнями и покатил ее по тун-

нелю. Мысли у него мешались. Мертвый робот — это было страшно. Да еще к тому же робот из его семейства! Но тут начиналось необъяснимое. Что-то с этим роботом было не так — он увидел на его груди номер 17, а ведь он очень хорошо помнил тот день, когда Венекс-17 погиб на дне Оранжевого Моря, потому что в его мотор попала вода.

Только через четыре часа Джон добрался до старой гранитной стены канализационной галереи. Друс дал ему короткий ломик, и он выломал несколько больших камней, так что образовалась дыра, через которую он мог спуститься в галерею.

Затем он поднялся в контору, бросил ломик на пол в углу и, стараясь выглядеть как можно естественнее, уселся там на куче земли и камней. Он заерзал, словно устраиваясь поудобнее, и его пальцы нащупали обрубок шеи Венекса-17.

Коулмен повернулся на табурете и взглянул на стенные часы. Сверившись со своими часами-булавкой, которой был заколот его галстук, он удовлетворенно буркнул что-то и ткнул пальцем в сторону Джона.

— Слушай, ты, зеленая жестяная морда! В девятнадцать часов выполнишь одно задание. И смотри у меня! Чтобы все было сделано точно. Спустишься в галерею и выберешься в Гудзон. Выход под водой, так что с берега тебя не увидят. Пройдешь по дну двести ярдов на север. Если не напутаешь, окажешься как раз под днищем корабля. Смотри в оба, но фонаря не зажигай, понял? Пойдешь прямо под килем, пока не увидишь цепь. Влезешь по ней, снимешь ящик, который привинчен к днищу, и принесешь его сюда. Запомнил? Не то сам знаешь, что будет.

Джон кивнул. Его пальцы тем временем быстро распутывали и выпрямляли провода в оторванной шее.

Потом он взглянул на них, чтобы запомнить их порядок.

Включив в уме цветовой код, он разбирался в назначении этих проводов. Двенадцатый провод передавал импульсы в мозг, шестой — импульсы из мозга.

Он уверенно отделил эти два провода от остальных и неторопливо обвел взглядом комнату. Друс дремал в углу на стуле, а Коулмен разговаривал по телефону. Его голос иногда переходил в раздраженный визг, и все же он не спускал глаз с Джона, а в левой руке крепко сжимал пластмассовую коробочку.

Но голову Венэкса-17 Джон от него заслонял, и, пока Друс продолжал спать, он мог возиться с ней, ничего не опасаясь. Джон включил выходной штепсель в свое запястье, и водонепроницаемая крышечка, щелкнув, открылась. Этот штепсель, соединяющийся с его аккумулятором, предназначался для включения электроинструментов и дополнительных фонарей.

Если голова Венэкса-17 была отделена от корпуса менее трех недель назад, он сможет реактивировать ее. У каждого робота в черепной коробке имелся маленький аккумулятор на случай, если мозг вдруг будет отъединен от основного источника питания. Аккумулятор обеспечивал тот минимум тока, который был необходим, чтобы предохранить мозг от необратимых изменений, но все это время робот оставался без сознания.

Джон вставил провода в штепсель на запястье и медленно довел напряжение до нормального уровня. После секунды томительного ожидания глазные щитки Венэкса-17 внезапно закрылись. Когда они снова разошлись, лампы за ними светились. Их взгляд скользнул по комнате и остановился на Джоне.

Правый щиток закрылся, а левый начал отодвигаться и задвигаться с молниеносной быстротой. Это был

международный код — и сигналы подавались с максимальной скоростью, какую был способен обеспечить соленоид. Джон сосредоточенно расшифровывал:

«Позвони... вызови особый отдел... скажи: «Сигнал четырнадцатый»... помочь при...» — щиток замер и свет разума в глазах померк.

На мгновение Джона охватил панический ужас, но он тут же сообразил, что Венекс-17 отключился нарочно.

— Эй, что это ты тут затеял? Ты свои штучки брось! Я знаю вас, роботов, знаю, какой дрянью набиты ваши жестяные башки! — Друс захлебывался от ярости. Грязно выругавшись, он изо всех сил пнул ногой голову Венекса-17. Ударившись о стену, она отлетела к ногам Джона.

Зеленое лицо с большой вмятиной во лбу глядело на Джона с немой мукою, и он разорвал бы этого человека в клочья, если бы не 92-ой контур. Но когда его моторы заработали на полную мощность и он уже готов был рвануться вперед, контрольный прерыватель сделал свое дело, и Джон упал на кучу земли, на мгновение полностью парализованный. Власть над телом могла вернуться к нему, только когда угаснет гнев.

Это была словно застывшая живая картина: робот, опрокинувшийся на спину, человек, наклонившийся над ним, с лицом, искаженным животной ненавистью, и зеленая голова между ними — как эмблема смерти.

Голос Коулмена, словно нож, рассек мощный пласт невыносимого напряжения:

— Друс! Перестань возиться с этой жестянкой. Пойди открой дверь. Явился Малыш Уилли со своими разносчиками. А с этим хламом поиграешь потом.

Друс повиновался и вышел из комнаты, но только после того, как Коулмен прикрикнул на него второй раз. Джон сидел, привалясь к стене, и быстро и точно оцени-

вал все известные ему факты. О Друсе он больше не думал: этот человек стал для него теперь только одним из факторов в решении сложной проблемы.

Вызвать особый отдел — значит, это что-то крупное. Настолько, что дело ведут федеральные власти. «Сигнал четырнадцать» — за этим стояла огромная предварительная подготовка, какие-то силы, которые теперь могут быть мгновенно приведены в действие. Что, как и почему, он не знал, но ясно было одно: надо любой ценой выбраться отсюда и позвонить в особый отдел. И времени терять нельзя — вот-вот вернется Друс с неведомыми «разносчиками». Необходимо что-то сделать до их появления.

Джон еще не успел довести ход своих рассуждений до конца, а его пальцы уже принялись за дело. Спрятав в руке гаечный ключ, он быстро отвинтил главную гайку бедренного сочленения. Она упала в его ладонь, и теперь только ось удерживала ногу на месте. Джон медленно поднялся с пола и пошел к столу Коулмена.

— Мистер Коулмен, сэр! Уже время, сэр? Мне пора идти к кораблю?

Джон говорил медленно, делая вид, что идет к дыре, но одновременно он незаметно приближался и к столу.

— У тебя еще полчаса, сиди смир... Э-эй!

Он не договорил. Как ни быстры человеческие рефлексы, они не могут соперничать с молниеносными рефлексами электронного мозга. Коулмен еще не успел понять, что, собственно, произошло, а робот уже упал пополам стола, сжимая в руке отстегнутую у бедра ногу.

— Вы убьете себя, если нажмете эту кнопку!

Джон заранее сформулировал это предупреждение. Теперь, выкрикнув его прямо в ухо растерявшегося человека, он засунул отъединенную ногу ему за пояс. Все произошло, как было задумано: палец Коулмена метнул

ся к кнопке, но застыл над ней. Выпученными глазами он уставился на смертоносный цилиндр, чернеющий у самого его живота.

Джон не стал ждать, пока он опомнится. Соскользнув со стола, он подхватил с пола ломик и, оттолкнувшись единственной ногой, в один прыжок очутился у дверцы стенного шкафа. Он всадил ломик между косяком и дверцей и с силой нажал. Коулмен еще только ухватился за металлическую ногу, а Джон уже открыл шкаф и одним рывком разорвал толстый ремень, удерживавший бомбу на груди мертвеца пьяного бродяги. Бомбу он бросил в угол возле Коулмена — пусть разделяется с ней как хочет. Хоть он и остался без ноги, но во всяком случае избавился от бомбы, не причинив вреда человеку. А теперь надо добраться до какого-нибудь телефона и позвонить.

Коулмен, еще не успевший освободиться от бомбы, сунул руку в ящик стола за пистолетом. О двери нечего было и думать — там ему преградят путь Друс и его спутники. Оставалось только окно, выходившее в помещение склада.

Джон Венэкс выскоцил в окно, матовые стекла брызнули тысячью осколков, а в комнате позади него прогремел выстрел и от металлической оконной рамы отлетел солидный кусок. Вторая пуля калибра 75 просвистела над самой головой робота, поскакавшего к задней двери склада. До нее оставалось не больше тридцати шагов, как вдруг раздалось шипение, огромные створки скользнули навстречу друг другу и плотно сомкнулись. Значит, все остальные двери тоже заперты, а топот стремительно бегущих ног сказал ему, что именно там его и намерены встретить враги. Джон метнулся за штабель ящиков и посмотрел вокруг.

Над его головой, скрещиваясь и перекрещиваясь, ухо-

дили под крышу стальные балки. Человеческий глаз ничего не различил бы в царившем там густом мраке, но для Джона было вполне достаточно инфракрасных лучей, исходивших от труб парового отопления.

С минуты на минуту Коулмен и его сообщники начнут обыскивать склад, и только там, на крыше, он может спастись от плена и смерти. Да и передвигаться по полу на одной ноге было не просто. А на балках для быстрого передвижения ему будет достаточно рук.

Джон уже забрался на одну из верхних балок, когда внизу раздался хриплый крик и загремели выстрелы. Пули насквозь пробивали тонкую крышу, а одна расплющилась о стальную балку как раз под его грудью. Троє из новоприбывших начали карабкаться вверх по пожарной лестнице, а Джон тихонько пополз к задней стене.

Сейчас ему ничто непосредственно не угрожало, и он мог обдумать свое положение. Люди ищут его, рассыпавшись по всему зданию, и через несколько минут он, несомненно, будет обнаружен. Все двери заперты, и окна... он обвел взглядом склад — окна, конечно, тоже блокированы. Если бы он мог позвонить в особый отдел, неведомые друзья Венэкса-17, вероятно, успели бы прийти к нему на помощь. Но об этом не стоило и думать — единственным телефоном в здании был тот, который стоял на столе Коулмена. Джон специально проследил направление провода и знал это наверняка.

Джон машинально посмотрел вверх, туда, где почти у самой его головы протянулись провода в пластмассовой оболочке. Вон он, телефонный провод... Телефонный провод? А что еще ему нужно, чтобы позвонить?

Он ловко и быстро освободил от изоляции небольшой участок телефонного провода и вытащил из левого уха маленький микрофон. Он усмехнулся: сначала нога, теперь ухо — ради ближнего он жертвовал собой в букв-

вальном смысле слова. Не забыть потом сказать об этом Алеку Копачу — если это «потом» для него наступит. Алек обожает такие шутки.

Джон вставил в микрофон два провода и подсоединил его к телефонной линии. Прикоснувшись к проводу амперметром, он убедился, что линия свободна. Затем, рассчитав нужную частоту, послал одиннадцать импульсов, точно соблюдая соответствующие интервалы. Это должно было обеспечить ему соединение с местной подстанцией. Поднеся микрофон к самому рту, Джон произнес четко и раздельно:

— Алло, станция! Алло, станция! Я вас не слышу, не отвечайте мне. Вызовите особый отдел — сигнал четырнадцать, повторяю — сигнал четырнадцать...

Джон повторял эти слова, пока не увидел, что обыскивающие склад люди уже совсем близко. Он оставил микрофон на проводе — в темноте люди его не заметят, а включенная линия подскажет неведомому особому делу, где он находится. Упираясь в металл кончиками пальцев, он осторожно перебрался по двутавровой балке в дальний угол помещения и заполз там в нишу. Спаслись он не мог. Оставалось только тянуть время.

— Мистер Коулмен, я очень жалею, что убежал!

Голос, включенный на полную мощность, разнесся по складу раскатами грома. Люди внизу завертели головами, стараясь обнаружить, откуда он доносится.

— Если вы позволите мне вернуться и не убьете меня, я сделаю то, что вы велели. Я боялся бомбы, а теперь боюсь пистолетов. (Конечно, это звучало очень по-детски, но он не сомневался, что никто из них не имеет ни малейшего представления о мышлении роботов.) Пожалуйста, разрешите мне вернуться... сэр! — Он чуть было не забыл про магическое словечко, а потому повторил его еще раз: — Пожалуйста, сэр!

Коулмену необходим этот ящик, и, разумеется, он пообещает все что угодно. Джон прекрасно понимал, какая судьба его ждет в любом случае, но он старался выиграть время в надежде, что ему удалось дозвониться и помочь подоспеет вовремя.

— Ладно, слезай, жестянка! Я тебе ничего не сделаю, если ты выполнишь работу как следует.

Но Джон уловил скрытую ярость в голосе Коулмена. Бешеную ненависть к роботу, посмевшему дотронуться до него...

Спускаться было легко, но Джон спускался медленно, стараясь выглядеть как можно более неуклюжим. Он поскакал на середину склада, хватаясь за ящики, словно для того, чтобы не потерять равновесия. Коулмен и Друс ждали его там. Рядом с ними стояли какие-то новые люди с пустыми и злыми глазами. При его приближении они подняли пистолеты, но Коулмен жестом остановил их.

— Это моя жестянка, ребята. Я сам о нем позабочусь.

Он поднял пистолет, и выстрел оторвал вторую ногу Джона. Подброшенный ударом пули Джон беспомощно рухнул на пол, глядя вверх — на дымящееся дуло пистолета калибра 75.

— Для консервной банки придумано неплохо, только этот номер не пройдет. Мы снимем ящик каким-нибудь другим способом. Так, чтобы ты не путался у нас под ногами.

Его глаза зловеще сощурились.

С того момента, как Джон кончил шептать в микрофон, прошло не больше двух минут. Вероятно, те, кто ждал звонка Венэкса-17, дежурили в машинах круглые сутки. Внезапно с оглушительным грохотом обрушилась центральная дверь. Скрежеща гусеницами по стали, в склад влетела танкетка, ощеренная автоматическими

пушками. Но она опоздала на одну секунду: Коулмен нажал на спуск.

Джон уловил чуть заметное движение его пальца и отчаянным усилием рванулся в сторону. Он успел отодвинуть голову, но пуля разнесла его плечо. Еще раз Коулмен выстрелил не успел. Раздалось пронзительное шипение, и танкетка изрыгнула мощные струи слезоточивого газа. Ни Коулмен, ни его сообщники уже не увидели полицейских в противогазах, хлынувших в склад с улицы.

Джон лежал на полу в полицейском участке, а механик приводил в порядок его ногу и плечо. По комнате расхаживал Венекс-17, с видимым удовольствием пробуя свое новое тело.

— Вот это на что-то похоже! Когда меня засыпало, я уже совсем решил, что мне конец. Но, пожалуй, я начну с самого начала.

Он пересек комнату и потряс уцелевшую руку Джона.

— Меня зовут Уил Контр-4951ХЗ. Хотя это давно пройденный этап — я сменил столько разных тел, что уже и забыл, каков я был в самом начале. Из заводской школы я перешел прямо в полицейское училище и с тех пор так и работаю — сержант вспомогательных сил сыскной полиции, следственный отдел. Занимаюсь я больше тем, что торгуя леденцами и газетами или разношу напитки во всяких притонах: собираю сведения, составляю докладные и слежу кое за кем по поручению других отделов. На этот раз — прошу, конечно, извинения, что мне пришлось выдать себя за Венекса, но, по-моему, я ваше семейство не опозорил — на этот раз меня одолжили таможне. В Нью-Йорк начали поступать большие партии героина. ФБР удалось установить, кто орудует здесь, но было неизвестно, как товар доставляется сюда. И когда Коул-

мен — он у них тут был главным — послал объявления в агентства по найму рабочей силы, что ему требуется робот для подводных работ, меня запихнули в новое тело, и я сразу помчался по адресу. Как только я начал копать туннель, я связался с отделом, но проклятая кровля обрушилась до того, как я выяснил, на каком судне пересылают героин. А что было дальше, тебе известно. Опергруппа не знала, что меня прихлопнуло, и ждала сигнала. Ну, а этим ребятам, понятно, не хотелось сложа руки ждать, когда ящичек герояна ценой в полмиллиона уплывет назад невостребованный. Вот они и нашли тебя. Ты позвонил, и доблестные блюстители порядка вломились в последний миг — спасти двух роботов от ржавой могилы.

Джон давно уже тщетно пытался вставить хоть слово и успел воспользоваться случаем, когда Уил замолчал, залюбовавшись своим отражением в оконном стекле.

— Почему ты мне все это рассказываешь — про методы следствия и про операции твоего отдела? Это же секретные сведения? И уж никак не для роботов.

— Конечно! — беспечно ответил Уил. — Капитан Эджкомб, глава нашего отдела, — большой специалист по всем видам шантажа. Мне поручено наболтать столько лишнего, чтобы тебе пришлось либо поступить на службу в полицию, либо распрощаться с жизнью во избежание разглашения государственной тайны.

Уил расхохотался, но Джон ошеломленно молчал.

— Правда, Джон, ты нам очень подходишь. Роботы, которые умеют быстро соображать и быстро действовать, встречаются не так уж часто. Услышав, какие штуки ты откалывал на складе, капитан Эджкомб поклялся оторвать мне голову навсегда, если я не уговорю тебя. Ты ведь ищешь работу? Ну так чего же тебе еще? Неограниченный рабочий день, платят гроши, зато уж скучно не бывает никогда.

Уил вдруг перешел на серьезный тон.

— Ты спас мне жизнь, Джон. Эта шайка бросила бы меня ржаветь в туннеле до скончания века. Я буду рад получить тебя в помощники. Мы с тобой сработаемся. И к тому же,— тут он снова засмеялся,— тогда как-нибудь при случае и я тебя спасу. Терпеть не могу долгов!

Механик кончил и, сложив инструменты, ушел. Плечевой мотор Джона был отремонтирован, и он смог сесть. Они с Уилом обменялись рукопожатием — на этот раз крепким и долгим.

Джона оставили ночевать в пустой камере. По сравнению с гостиничными номерами и барабанными закутками, к которым он привык, она казалась удивительно просторной, и Джон даже пожалел, что у него нет ног — их было бы где поразмять. Ну ладно, придется подождать до утра. Перед тем как он начнет выполнять свои новые обязанности, его приведут в полный порядок.

Он уже записал свои показания, но невероятные события этого дня все еще не давали ему думать ни о чем другом. Это его раздражало: надо было дать остыть перегретым контурам. Если бы было чем отвлечься! Почитать бы что-нибудь! И тут он вспомнил о брошюре. События развивались так стремительно, что он совсем забыл про утреннюю встречу с шофером грузовика.

Он осторожно вытащил брошюру из-за изоляции генератора и открыл первую страницу. «Работы — рабы мировой экономической системы». Из брошюры выпала карточка, и он прочел:

ПОЖАЛУЙСТА, УНИЧТОЖЬТЕ ЭТУ КАРТОЧКУ, КОГДА ПРОЧТЕТЕ!

ЕСЛИ ВЫ РЕШИТЕ, ЧТО ВСЕ ЗДЕСЬ — ПРАВДА, И ЗАХОТИТЕ УЗНАТЬ БОЛЬШЕ, ТО ПРИХОДИТЕ ПО АДРЕСУ ДЖОРДЖ-СТРИТ, 107, КОМНАТА В, В ЛЮБОЙ ЧЕТВЕРГ В ПЯТЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА.

Карточка вспыхнула и через секунду превратилась в пепел, но Джон знал, что будет помнить эти строчки не только потому, что у него безупречная память.

ЛЮБОВЬ В XXI ВЕКЕ

Автоплатье стояло на постаменте в витрине салона с продукцией фирмы «Большой Джим». Надпись под ним гласила:

Эта прелестная новая модель „шевроле“ ваша всего за каких-то 6499 долларов 99 центов! Щедрая скидка, если вы оставите у нас свое нынешнее платье-автомобили! Впридачу получаете даром шляпку-шлем!

Арабелла не думала нажимать на тормоза, но уж так получилось. Потрясающее автоплатье! В жизни она такого не видела! И всего за каких-то 6499 долларов 99 центов!

Произошло это в понедельник к вечеру, когда весенние улицы заполнили спешившие домой служащие, а в апрельском воздухе стоял неумолчный рев автомобильных сирен. Салон «Большого Джима» находился неподалеку от угла и примыкал к большой площадке магазина подержанных автоплатьев, обнесенной забором, стилизованным под старину. Здание салона было построено в американском колониальном стиле, несколько нарушенном громадной неоновой вывеской, полыхавшей на фасаде:

«БЕРНИ, ПРЕДСТАВИТЕЛЬ БОЛЬШОГО ДЖИМА»

Услышав все нарастающий рев сирен, Арабелла наконец сообразила, что мешает движению, и, прошмыгнув перед капотом старика, одетого в пунцовый «кадиллак», съехала на бетонную обочину перед витриной салона.

Вблизи платье-автомобиль уже не казалось столь ослепительным, но тем не менее глаз оторвать от него было нельзя. Его элегантные бирюзовые бока и блестящая решетка радиатора горели в косых лучах заходящего солнца. Раздвоенный турнюр далеко выдавался назад, как две кормы катамарана. Это была прелестная модель, отвечавшая даже тем требованиям, которые предъявлялись к новейшим изделиям промышленности, и о покупке ее стоило подумать. И все же Арабелла не рискнула бы ее приобрести, если бы не шляпка-шлем.

Продавец (наверное, сам Берни) в безукоризненном двухцветном «бьюике» тронулся с места, когда она вкатила в дверь.

— К вашим услугам, мадам! — произнес он вежливо, но во взгляде его, устремленном на ее наряд из-за идеально чистого ветрового стекла, сквозило явное презрение.

Щеки Арабеллы залила краска стыда. Может быть, платье и вправду давно пора сменить. Может быть, мама права, говоря, что она совсем не следит за своими нарядами.

— Платье в витрине... — сказала Арабелла. — А... а это верно, что шляпка-шлемдается бесплатно?

— Совершенно верно. Хотите примерить?

— Да.

Продавец развернулся лицом к двустворчатой двери в другом конце комнаты.

— Говард! — позвал он. Тотчас створки двери раздвинулись, и в комнату въехал молодой человек в голубом комбинезоне фасона «пикап».

— Да, сэр.

— Отбуксируйте платье с витрины в примерочную и подберите к нему на складе шляпку-шлем.

Продавец повернулся к Арабелле.

— Он проводит вас, мадам!

Примерочная комната находилась сразу за двустворчатой дверью, направо. Молодой человек пригнал платье, потом отправился за шляпкой. Он нерешительно протянул ее Арабелле и как-то странно на нее посмотрел. Кажется, он хотел что-то сказать, но раздумал и выехал из примерочной.

Арабелла заперла дверь и торопливо переоделась. Обивка-подкладка приятно холдила тело. Она надела шляпку-шлем и посмотрелась в большое трехстворчатое трюмо. У нее перехватило дыхание.

Поначалу ее немного смущал раздвоенный турнюр (в платьях, которые она носила, задняя часть так не выдавалась), но блестящая хромированная решетка радиатора и полные крылья сделали ее фигуру неузнаваемой. Ну а что касается шляпки-шлема, то, если бы не зеркало, она бы не поверила, что простая шляпка, пусть даже шлем, может так изменить внешность. Это была уже не усталая девушка, заехавшая в магазин после службы, теперь это была Клеопатра... Вирсавия... Прекрасная Елена!

Робко выехала она из примерочной. Что-то похожее на благоговейный страх промелькнуло в глазах продавца.

— Вы совсем не та девушка, с которой я только что разговаривал, — сказал он.

— Та самая, — подтвердила Арабелла.

— С тех пор как у нас появилось это платье, — продолжал продавец, — я мечтал о девушке, которая будет достойна его элегантности, его красоты, его... его индивидуальности.

Он почтительно закатил глаза.

— Благодарю тебя, Большой Джим, — сказал он, — за то, что ты послал эту девушку к нашим дверям.

Он опустил глаза и посмотрел на притихшую Арабеллу.

— Хотите проехаться?

— О да!

— Хорошо. Но только вокруг нашего квартала. А я тем временем подготовлю бумаги. Нет, — добавил он поспешно, — это вас ни к чему не обязывает, но если вы решите его купить, все будет готово.

— А... а сколько вы дадите за мое старое платье?

— Сейчас посмотрим. Вы его носили года два, не так ли? Гм... — Продавец на мгновение задумался. — Мы вот как поступим. Вы не из тех, кто носит одежду неаккуратно, поэтому вам я сделаю очень хорошую скидку — тысячу два доллара. Хорошо?

— Нет... не очень. («Наверное, целый год придется обходиться без ленча...»)

— Не забудьте, шляпку-шлем мы даем бесплатно.

— Я знаю, но...

— Попробуйте прокатиться в нем сначала, а потом мы поговорим, — сказал продавец. Он достал из шкафа знак, свидетельствующий, что машина принадлежит магазину, и прикрепил его к задней части платья. — Теперь все в порядке, — сказал он, открывая дверь. — А я тем временем займусь бумагами.

Арабелла была так взволнована и возбуждена, что, выехав на улицу, чуть не врезалась в молодого человека, одетого в белый спортивный костюм с откидным верхом, но быстро овладела собой и, дабы показать, как хорошо она ездит (первое впечатление говорило об обратном), обогнала его. Она заметила, что он улыбнулся, и сердце ее радостно забилось. Как раз сегодня утром у Арабеллы было такое чувство, что с ней должно приключиться что-то удивительное. На редкость обычный рабочий день в конторе приглушил было это чувство, но теперь оно вспыхнуло с новой силой.

Перед красным светом ей пришлось остановиться, и молодой человек оказался рядом.

— Привет, — сказал он. — Какое на тебе шикарное платье!

— Спасибо.

— Я знаю отличный кинотеатр. Поехали сегодня?

— Но мы даже не знакомы! — сказала Арабелла.

— Меня зовут Гарри Четырехколесный. Теперь ты меня знаешь. А я тебя нет.

— Арабелла. Арабелла Радиатор... Но я вас не знаю.

— Это поправимо. Ну так как, идем?

— Я...

— Где ты живешь?

— Макадам Плейс, шестьсот одиннадцать, — ответила она не задумываясь.

— Я буду в восемь.

— Я...

В это время зажегся зеленый свет, и не успела Арабелла возразить, как молодой человек исчез. «В восемь, — думала она с замиранием сердца. — В восемь часов...»

Теперь она просто вынуждена купить это платье. Другого выхода не было. Молодой человек видел ее в такой великолепной модели, и что он подумает, если она будет в старом разболтанном рыдване, когда он заедет за ней? Она вернулась в салон, подписала бумаги и поехала домой.

Отец вытаращил на нее глаза из-за ветрового стекла своего трехцветного «кортеза», когда она въехала в гараж и остановилась у обеденного стола.

— Ну, — сказал он, — наконец-то ты не выдержала и купила себе новое платье!

— Прекрасно! — сказала мама, которая была неравно-

душна к кузовам типа «универсал» и почти никогда не меняла этого покроя. — А я уж думала, ты никогда не поймешь, что живешь в двадцать первом веке, а в двадцать первом веке надо уметь одеваться так, чтобы тебя заметили.

— Я... мне только двадцать семь, — сказала Арабелла. — В моем возрасте многие девушки еще незамужем.

— Если они одеты кое-как, — съязвила мама.

— Никто из вас так и не сказал, нравится вам платье или нет, — заметила Арабелла.

— Мне очень нравится, — сказал папа.

— Кто-нибудь непременно тебя заметит — сказала мама.

— Уже заметили.

— Ну! — обрадовалась мама.

— Наконец-то, — сказал папа.

— В восемь он заедет за мной.

— Ради бога, не говори ему, что читаешь книжки, — сказала мама.

— Хорошо. Я... больше не читаю.

— И свои радикальные идеи тоже держи при себе, — сказал папа. — Насчет людей, которые одеваются в платья-автомобили, потому что стыдятся тела, которое им дал бог.

— Но, папа, ты же знаешь, что я давно так не говорю. С тех... с тех пор, как...

С рождественской вечеринки, подумала она, с тех пор как мистер Карбюратор похлопал ее по заду и сказал, когда она его оттолкнула: «Ползи обратно в свою историю, ты, книжный червяк. Нечего тебе делать в нашем веке!»

— Очень давно не говорю, — неуверенно закончила она.

Гарри Четыреколесный появился ровно в восемь, и она поспешила ему навстречу. Они катили бок о бок, свернули на Асфальтовый бульвар и выехали из города. Ночь была чудесная — весна еще не совсем прогнала зиму, которая выкрасила переливающейся серебристой краской горбатый месяц и начистила до блеска мерцающие звезды.

Площадка перед экраном была полна, но они нашли два местечка позади, неподалеку от опушки, где рос кустарник. Они стояли рядом так близко, что их крылья почти соприкасались, и скоро она почувствовала, как рука Гарри сперва легла ей на колесо, а потом осторожно переместилась выше, на талию, как раз над раздвоенным турнуром. Она хотела было отъехать, но, вспомнив слова мистера Карбюратора, закусила губу и попыталась сосредоточиться на фильме.

В нем рассказывалось о бывшем фабриканте вермисели, который жил в гараже-пансионате. У него были две неблагодарные дочери. Он боготворил мостовую, по которой они ездили, и делал все, чтобы они купались в роскоши. Поэтому ему приходилось отказывать себе во всем, кроме самого необходимого. Он жил в самом бедном углу гаража, а одевался в подержанные автомобили, такую ветошь, что место им было только на свалке. Дочери его, напротив, жили в самых комфортабельных гаражах и одевались в самые дорогие автоплатя. В том же пансионате жил студент, будущий инженер по фамилии Растиньяк, и весь сюжет основывался на его попытках проникнуть в высшее общество и по ходу дела приобрести состояние. Для начала он обманным путем выуживает у сестры деньги, чтобы экипировать себя новым кабриолетом модели «вашингтон», и через богатую кузину добивается приглашения на вечер, который устраивает дочь не-

коего торговца. Там он знакомится с одной из дочерей бывшего фабриканта вермишели и...

Несмотря на все свои старания, Арабелла никак не могла сосредоточиться. Рука Гарри Четырехколесного перекочевала с талии на фары и начала изучать их конфигурацию. Арабелла попыталась расслабить мышцы, но почувствовала, что вместо этого они напрягаются еще больше, и услышала свой сдавленный голос:

— Не надо, ну пожалуйста!

Рука Гарри опустилась.

— В таком случае после кино?

Это была лазейка, и она тотчас устремилась в нее.

— После кино, — согласилась она.

— Я знаю местечко на холмах. Окей?

— Окей, — услышала она свой испуганный голос.

Арабелла вздрогнула и поправила сдвинутые фары. Она тщетно пыталась следить за действием фильма. Мысли ее уплывали на холмы, и она старалась придумать хоть какой-нибудь предлог, любую отговорку, которая выручила бы ее. Но так ничего и не придумала, и, когда фильм закончился, она вслед за Гарри выехала с площадки и покатила рядом с ним по Асфальтовому бульвару. Когда он свернул на проселочную дорогу, Арабелла покорно последовала за ним.

На холмах, милях в семи от бульвара, дорога эта шла вдоль местной резервации нудистов. Сквозь изгородь между деревьями мелькали огни редких коттеджей. На дороге нудистов не было, но Арабеллу все равно передернуло. Когда-то она немного симпатизировала им, но после встречи с мистером Карбюратором она и думать не могла о них без отвращения. По ее мнению, Большой Джим обошелся с ними гораздо лучше, чем они того заслуживали. Затем она предположила, что у него свой

расчет — в один прекрасный день некоторые из них раскаются и попросят прощения за свои грехи. Странно, однако, что никто из них до сих пор этого не сделал.

Гарри Четырехколесный молчал, но Арабелла чувствовала, что он тоже испытывает отвращение к нудистам, и, хотя она знала, что это происходит по другой причине, она вдруг подумала о нем с теплотой. Может быть, он совсем не такой наглый, каким показался вначале. Может быть, где-то в глубине души он тоже чувствует себя сбитым с толку нормами поведения, определяющими их существование, — нормами, которые при одних обстоятельствах значат одно, а при других — совсем другое. Может, он...

Миновав резервацию и проехав еще около мили, Гарри свернул на узкую дорогу, что вилась среди дубов, и кленов, и выехал на лужайку. Она робко ехала следом и, когда он затормозил у большого дуба, остановилась рядом. И тут же пожалела об этом, почувствовав, как его рука дотронулась до ее колеса и снова стала неотступно подползать к фарам. На этот раз в голосе ее послышалась боль.

— Не надо!

— Что значит не надо? — сказал Гарри, и она почувствовала, как сильно он прижался к ней своим шасси, как его пальцы нашли и обхватили фары. Каким-то образом ей удалось выехать из его объятий и отыскать дорогу, которая привела их на поляну, но в следующее мгновенье он был уже рядом и прижимал ее к канаве.

— Ну, пожалуйста! — закричала она, но он, не обращая на это внимания, придвигался все ближе. Крылья их соприкоснулись, и она инстинктивно рванулась в сторону. Переднее правое колесо ее потеряло опору, и она почувствовала, что опрокидывается. Шляпка-шлем слетела с головы, ударила о камень и отскочила в кусты. Правое

переднее крыло смялось от удара о дерево. Колеса Гарри бешено закрутились, и через минуту темнота поглотила красные точки его стопсигналов.

Древесные лягушки, кузнечики и сверчки выводили свою песню, а издалека, с Асфальтового бульвара, доносился шум оживленного движения. Слышался и еще один звук — рыдания Арабеллы. Но вот боль притупилась, рана стала затягиваться, и рыдания утихли.

Впрочем, Арабелла знала, что рана никогда не затянется до конца. Как и рана, нанесенная мистером Карбюратором. Девушка отыскала шляпку-шлем и выбралась на дорогу. На шляпке появилась вмятина, а бирюзовая блестящая поверхность ее была поцарапана. Маленькая слезинка скатилась по щеке Арабеллы, когда она надевала шлем.

Но шляпка — это еще полбеды. А помятое правое крыло? Что же делать? Она не может появиться утром на службе в таком растерзанном виде. Кто-нибудь обязательно донесет на нее Большому Джиму, и тот узнает, что все эти годы у нее был лишь один автомобиль и что она втайне пренебрегала его совершенно ясным указанием иметь по крайней мере два. А вдруг он отберет у нее права и сошлет в резервацию к нудистам? Она не думала, что незначительный проступок повлечет за собой такую строгую кару, но приходилось учитывать и это. При одной лишь мысли о подобных последствиях ее переполнило чувство стыда.

Кроме Большого Джима, есть еще родители. Что сказать им? Она представила себе их лица, когда она утром выедет к завтраку. Она слышала их голоса:

— Уже разбила! — скажет папа.

— За свою жизнь я сносила сотни платьев-автомобилей, — скажет мама, — но ни одного из них даже не поцарапала, а ты выехала из дома всего на минуту и разбила его!

Арабелла вздрогнула. Наверное, ей не вынести всего этого. Надо починить платье сейчас же, ночью. Но где? Вдруг она вспомнила табличку, которую заметила в витрине салона сегодня вечером. Занятая платьем, она чудом запомнила эту табличку, на которой было написано: «Круглосуточное обслуживание».

Она поехала обратно в город, прямо к салону «Большой Джим». Витрины его зияли чернотой, а дверь была наглухо заперта. С досады у Арабеллы засосало под ложечкой. Может, она ошиблась? Но она могла поклясться, что там было написано: «Круглосуточное обслуживание».

Она подъехала к витрине и прочитала табличку снова. Все верно, обслуживание круглосуточное, но ниже маленькими буквами было написано: «После шести часов вечера обращаться рядом, в магазин подержанных автомобилей».

Арабеллу встретил тот же молодой человек, который доставал платье с витрины. Она вспомнила, что его зовут Говард. Он был все в том же комбинезоне-«пикапе». Узнав ее, он опять как-то странно посмотрел на нее. В первый раз ей показалось, что это жалость, теперь она была в этом уверена.

— Мое платье пропало! — выпалила она, когда он затормозил рядом. — Вы можете его починить?

Он кивнул.

— Конечно, могу.

Он показал на маленький гаражик на задворках магазина.

— Раздеться можете там, — сказал он.

Она торопливо пересекла магазин. В темноте можно

было разглядеть лежащие повсюду автоплатя и автокостюмы. Она взглянула на свое старое платье, и ей захотелось плакать. Не надо было расставаться с ним! Надо было прислушаться к голосу рассудка и не дать себя увлечь этой безвкусной шляпкой-шлемом.

В гаражике было холодно, холодно и сырьо. Арабелла выскользнула из платья, сняла шляпку и через приоткрытую дверь просунула их Говарду, старательно прячась от его взора. Но беспокойство оказалось напрасным, потому что тот отвернулся. Наверное, он привык иметь дело со скромными женщинами.

Теперь, без платья, стало еще холоднее, и она забилась в угол, стараясь согреться. Вскоре Арабелла услышала постукивание и выглянула в единственное окошко. Говард трудился над правым передним крылом. По тому, как ловко он это делал, можно было сказать, что он выправил сотни таких крыльев. Кроме стука резинового молотка, ничего не нарушало ночной тишины. Улица была пустой и темной. В кортографиях напротив светилось всего несколько окон. Над крышами домов, захватив всю площадь в центре города, горела реклама Большого Джима. Реклама менялась. «Что хорошо для Большого Джима, хорошо для каждого», — уверяла она сначала. А потом спрашивала: «Если бы не Большой Джим, что бы с нами было?»

Стук... стук... стук... Вдруг ей вспомнилась музыкальная телепередача «Зигфрид Шоссе» (из серии «Опера может быть интересной, если ее переделать на современный лад»). В первом акте оперы Зигфрид не дает прохода одному механику по имени Мимир (своему предполагаемому отцу) и упрашивает его сделать такую гоночную машину, которая бы обогнала на предстоящих гонках в Валгалле машину одного мерзавца, обладателя модели «фафнir». Стук молотка подхватывают барабаны, пока

Мимир без устали возится с автомобилем, а Зигфрид все снова и снова спрашивает, кто же его настоящий отец. Стук... стук... стук...

Говард кончил выпрямлять крыло и занялся теперь шляпкой-шлемом. Кто-то в лимонно-желтом «провиденсе», шурша шинами, проехал по улице. Вспомнив о времени, она взглянула на часы: было двадцать пять минут двенадцатого. Мама с папой будут довольны — они спросят ее за завтраком, когда она вернулась, и получат ответ: «Что-то около двенадцати». Они всегда жаловались на то, что Арабелла рано возвращается домой.

Потом она снова подумала о Говарде. Он уже выправил вмятину на шляпке и теперь замазывал царапину. Закрасив царапины на крыле, он притащил шлем и платье к гаражику и просунул их в дверь. Она быстро оделась и выехала на улицу.

Из-за ветрового стекла он разглядывал Арабеллу. Голубые глаза его, казалось, излучали мягкий свет.

— Как хорошо на колесах! — сказал он.

Она изумленно посмотрела на него.

— Что вы сказали?

— Так, ничего. Это из рассказа, который я когда-то читал.

— О!

Она удивилась. Обычно механики не увлекаются чтением, да и все остальные тоже. Ее так и подмывало сказать, что она тоже любит книги, но она сдерживалась.

— Сколько я вам должна? — спросила она.

— Хозяин пришлет счет. Я тут всего лишь рабочий.

— Всю ночь работаете?

— До двенадцати. Когда вы приехали сюда покупать платье, я только приступил к работе.

— Вы... вы очень хорошо починили мое платье. Я... я не знаю, что бы я делала...

Она оборвала фразу.

Мягкий свет, который излучали его глаза, погас. Теперь они смотрели холодно.

— Кто это был? Гарри Четырехколесный?

Ей было стыдно, но она заставила себя посмотреть ему прямо в глаза.

— Да. Вы... его знаете?

— Немного, — сказал Говард, и она поняла, что этим «немного» сказано многое. При ярком свете рекламы Большого Джима лицо его, казалось, вдруг постарело, а в уголках глаз появились морщинки, которых она прежде не замечала.

— Как вас зовут? — отрывисто спросил он.

Она ответила.

— Арабелла, — повторил он. — Арабелла Радиатор. А меня — Говард Автострада.

Арабелла взглянула на часы.

— Мне пора, — сказала она. — Большое вам спасибо, Говард!

— Не за что, — сказал он. — Спокойной ночи!

— Спокойной ночи.

Она ехала домой по пустынным темным апрельским улицам. Весна кралась за ней на цыпочках и нашептывала на ухо: «Как хорошо на колесах! Как хорошо на колесах!»

— Ну, — сказал на следующее утро отец, принимаясь за яичницу, — как этот двухсерийный фильм?

— Какой двухсерийный? — спросила Арабелла, намазывая маслом ломтик тоста.

— Ага! — сказал отец. — Значит, фильм был не двухсерийный!

— В некотором смысле, наверно, и в самом деле было

две серии, — сказала мать. — Одна в кино, а другая — где-нибудь в другом месте.

Арабеллу стала бить дрожь, но она справилась с собой. Прямота ее матери напоминала рекламные телевизионные передачи. Это в какой-то мере гармонировало с яркими безвкусными микроавтобусами, которые она носила. Сегодня на ней было красное платье с выпуклой решеткой, изогнутой хвостовой частью и массивными темными стеклоочистителями. Арабелла снова подавила дрожь.

— Я... хорошо провела время, — сказала она. — И не сделала ничего плохого.

— И это все новости? — спросил отец.

— Наша целомудренная маленькая двадцатисемилетняя — почти двадцативосьмилетняя — дочь, — сказала мать, — чиста как первый снег. Наверно, теперь ты наложишь на себя епитимью — будешь вечерами сидеть дома и читать книжки.

— Я тебе говорила, что бросила читать книги, — сказала Арабелла.

— Читай себе на здоровье, — заметил отец.

— Бьюсь об заклад, ты ему сказала, что не хочешь его больше видеть, потому что он хотел тебя поцеловать, — сказала мать. — Ты всем так говорила.

— Нет, не сказала! — Арабеллу теперь опять била дрожь. — Как раз сегодня вечером мы с ним встречаемся снова!

— Вот это да! — сказал отец.

— Ура! — сказала мать. — Может быть, теперь ты станешь вести себя, как велит Большой Джим, — выйдешь замуж, будешь больше потреблять и поможешь своим сверстникам нести бремя поддержки нашей экономики.

— Может быть!

Арабелла отъехала от стола. Прежде она никогда не лгала и теперь была на себя сердита. Но только по дороге

на службу она вспомнила, что, солгав однажды, нужно либо продолжать лгать, либо признаться во лжи. А поскольку о признании не могло быть и речи, ей оставалось либо поступить так, как сказала, либо по крайней мере делать вид, что так поступает. Сегодня вечером ей придется куда-нибудь пойти и пробыть там хотя бы до двенадцати, иначе родители станут подозревать ее во лжи.

Кроме кинотеатра, ей ничего не пришло на ум.

Она выбрала другой кинотеатр, не тот, где они были с Гарри Четырехколесным. Когда она туда добралась, солнце уже село и фильм только начался. Она тут же пожалела, что не удосужилась взглянуть на название картины перед въездом в кинотеатр. «Золушка» считалась фильмом для взрослых, но зал наполняли в основном дети, и в своем большом автоплатье среди множества крошечных автоштанишек и автоплатьиц она чувствовала себя неловко.

Это был полнометражный мультипликационный фильм — сказка о приключениях хорошенькой маленькой Золушки, которая жила с мачехой и двумя ее некрасивыми дочерьми. Большую часть дня она проводила в углу гаража, моя и полируя платья-автомобили своей мачехи и ее дочерей. У них было полно всяких красивых платьев — «вашингтонов», «лансингов», «флинтов», тогда как маленькой Золушке доставались лишь отрепья. И вот в один прекрасный день сын управляющего магазином Большого Джима объявил, что собирается дать бал в гаражедворце своего отца. Тотчас же сестры и мачеха заставили Золушку мыть и полировать свои лучшие платья. И вот она их моет и полирует, а слезы у нее все текут и текут, потому что нет у нее красивого платья, в котором она могла бы поехать на бал. Наконец настал долгожданный вечер: сестры и мачеха, сверкая хромированными деталями своих вечерних туалетов, весело направляются в

гараж управляющего. Оставшись одна, Золушка падает на колени в моечной и горько плачет. Уже казалось, сам Большой Джим оставил ее, как вдруг появляется Добрая фея автомобилей в роскошном сияющем белом «лансинг де милю». Она стремительно взмахивает волшебной палочкой, и вдруг на Золушке, прекрасной как утро, оказывается платье «гранд-репидс» цвета гвоздики, с такими блестящими колпаками, что глазам смотреть больно. Итак, Золушка попадает на бал, и все танцы катаются с сыном управляющего, а ее некрасивые сестры и мачеха сгорают от зависти у стены. Золушка так счастлива, что забывает о том, что волшебство Доброй автофеи кончается в полночь и, если часы на рекламе Большого Джима начнут бить двенадцать, она превратится в девочку — мойщицу автомобилей прямо посреди демонстрационного зала. Вспомнив об этом слишком поздно, она на большой скорости мчится вниз по аппарели, но вспыхах теряет одно колесо. Сын управляющего находит его, а на следующий день обезжает все окрестные гаражи и просит всех женщин, присутствовавших на балу, примерить его. Но оно такое маленькое и изящное, что не налезает ни на одну ось, как бы обильно ее ни смазывали. Примерив колесо на оси двух некрасивых сестер, сын управляющего хочет уйти, как вдруг замечает в углу моечной Золушку, полирующую платье-автомобиль. Золушке ничего другого не остается, как выйти из угла и примерить колесо. И что бы вы думали? На глазах у изумленных сестер и мачехи колесо легко садится на место, даже без единой капли смазки. Золушка отправляется с сыном управляющего, и с тех пор они счастливо катаются вместе.

Арабелла взглянула на часы. Половина одиннадцатого. Домой ехать слишком рано, если она не хочет снова подвергнуться циничному перекрестному допросу.

Арабелла промучилась до одиннадцати, а потом уеха-

ла. Она хотела покататься до полуночи, и так бы оно и было, не надумай она поехать через город. И конечно же, она очутилась на улице, где находился магазин подержанных автопальцев. Вид стилизованного забора вызвал приятные воспоминания, и, проезжая мимо, она бессознательно снизила скорость. Когда Арабелла поравнялась с въездом, колеса у нее уже еле-еле вертелись, а заметив облаченного в «пикап» человека, она и совсем остановилась, что получилось у нее вполне естественно.

— Привет, — сказала она. — Что вы делаете?

Он подъехал к обочине, и, увидев его улыбку, она обрадовалась, что остановилась.

— Пью стакан апреля, — ответил он.

— Вкусно?

— Очень. Я всегда был неравнодушен к апрелю. Май на него похож, но немного тепловат. Ну а июнь, июль и август вызывают у меня только жажду золотого вина осени.

— Вы всегда говорите метафорами?

— Только с избранными, — ответил он. И, помолчав, добавил:

— Почему бы вам не въехать и не постоять тут до двенадцати? Потом мы отправимся куда-нибудь есть сосиски и пить пиво.

— Хорошо.

Площадка была забита поношенными платьями и костюмами, но ее старого платья не было. Она была рада этому, потому что при виде его только расстроилась бы, а ей хотелось сохранить приятное волнение, начавшее теснить грудь. И ей это удалось. Ночь была не по-апрельски тепла. Изредка, в перерывах между яркими вспышками рекламы Большого Джима, можно было даже увидеть несколько звездочек. Говард рассказал немного о себе — как он днем учится, а вечерами работает, но когда она

спросила, где он учится, он сказал, что и так слишком много говорил о себе и теперь ее очередь. Она тоже рассказала ему о своей работе, о фильмах и телепередачах, которые смотрела, и наконец о книгах, которые когда-то читала.

Потом они оба стали говорить, перебивая друг друга, время летело, как птица, торопящаяся в южные края, и не успела Арабелла опомниться, как приехал человек, работавший с двенадцати до восьми, а они с Говардом уже ехали по направлению к кабачку «Золотой скат».

— Может быть, — сказал он, когда они уже подкатили к ее гаражу, — вы заедете за мной завтра вечером, и мы выпьем вместе еще один стакан апрелья? Если вы не заняты, — добавил он.

— Нет, — сказала она, — я не занята.

— Тогда я вас буду ждать, — сказал он и поехал.

Она смотрела, как гаснут, исчезают во тьме задние огни его «пикапа». Откуда-то донеслась песня. Арабелла всматривалась в темные тени, стараясь разглядеть, кто поет. Но на улице, кроме нее, никого не было, и тогда она поняла, что поет ее сердце.

Арабелле казалось, что следующий день никогда не кончится, а когда он наконец кончился, с тусклого неба полил дождь. Ей хотелось узнать, вкусен ли апрель во время дождя, и скоро (после еще одного сеанса в открытом кинотеатре) она узнала, что дождь никак не портил вкуса, если были все другие составные части напитка. А они были, и она провела еще один быстролетный вечер с Говардом, сначала на площадке, рассматривая звезды между вспышками рекламы Большого Джима, потом в «Золотом скате» за сосисками и пивом и наконец прощаясь с Говардом у своего гаража.

На следующий вечер все составные части опять были налицо, и на следующий, и на следующий... В воскресенье они отправились на пикник в горы. Говард выбрал самый высокий холм. Взобравшись по извилистой дороге на вершину, они остановились там, нашли стоянку под старым вязом и ели приготовленные ею картофельный салат и сандвичи, передавая друг другу термос с кофе. Потом они закурили и, овеявшие полуденным ветерком, лениво разговаривали.

С вершины холма открывался великолепный вид на лесное озеро, которое питала небольшая речка. На другой стороне озера виднелся забор резервации нудистов, а за ним на улицах одной из деревень резервации можно было разглядеть людей. На таком расстоянии они казались почти неразличимыми точками, и сначала у Арабеллы мелькнула только смутная догадка насчет того, что же это такое. Однако постепенно они полностью овладели ее вниманием, и она уже ни о чем другом и думать не могла.

— Должно быть, это ужасно! — сказала она вдруг.

— Что ужасно? — поинтересовался Говард.

— Жить вот так, в лесах, голыми. Как... как дикари.

Говард посмотрел на нее своими голубыми и глубокими, как лесное озеро, глазами.

— Вряд ли можно назвать их дикарями, — сказал он, помолчав. — У них такие же машины, как у нас. Школы, библиотеки. У них есть торговля и ремесла. Правда, заниматься всем этим они могут только в пределах резервации, но чем это отличается от жизни, скажем, в деревне или даже городе? В общем я бы сказал, что они цивилизованные.

— Но они раздетые!

— Разве так ужасно ходить раздетым?

Он опустил свое ветровое стекло и наклонился к ней

совсем близко. Потом он опустил ее ветровое стекло, и в лицо ей повеяло свежим ветром. По глазам его она увидела, что он хочет ее поцеловать, и не отстранилась. Она была рада, что не отстранилась, потому что поцелуй этот ничем не напоминал ни поползновений мистера Карбюратора и Гарри Четырехколесного, ни замечаний отца и намеков матери. Потом она услышала, как открылась дверца машины, потом другая, и почувствовала, что ее вытаскивают на солнце и апрельский ветер. Ветер и солнце были свежие и теплые, свежие, теплые и чистые, и ей во все не было стыдно, даже когда Говард прижал ее к груди, не закрытой костюмом-автомобилем.

Это был долгий сладостный миг, и никогда бы ему не кончаться. Но он кончился, как кончается все.

— Что это? — спросил Говард, поднимая голову.

Она тоже услышала шорох колес, посмотрела вниз и увидела, как промелькнул и исчез за поворотом блестящий белый кабриолет.

— Ты... ты думаешь, они нас видели? — спросила она.

Говард помедлил, обдумывая ответ.

— Нет, не думаю. Наверное, кто-нибудь был тут тоже на пикнике. Если бы они поднимались на холм, мы бы услышали шум мотора.

— Не услышали бы... если на нем глушитель, — сказала Арабелла. Она скользнула в свое автоплате. — Я думаю, нам лучше уехать.

— Хорошо.

Он полез в свой «пикап».

— В следующее воскресенье... ты поедешь со мной? — спросил он.

Глаза его были серьезными, они умоляли.

— Да, — услышала она свой голос, — я поеду с тобой.

В следующее воскресенье было даже лучше, чем в первое,— день теплее, солнце ярче, а небо голубее. Снова Говард вынул ее из платья, прижал к себе, целовал, и снова ей не было стыдно.

— Пойдем,— сказал он,— я хочу тебе что-то показать. Они стали спускаться вниз к лесному озеру.

— Но ты идешь ногами,— запротестовала она.

— Нас никто не видит, так не все ли равно? Пойдем! Она стояла в нерешительности. Сверкавший внизу ручеек придал ей решимости.

— Пойдем,— сказал она.

Сначала ей было тяжело идти по неровной земле, но потом она привыкла и вприпрыжку бежала рядом с Говардом. У подножия холма они вошли в рощу, где росли дикие яблони. Через рощу пробегал ручеек, с журчанием обтекая поросшие мхом камни. Говард лег на землю и припал губами к воде. Она сделала то же самое. Вода была ледяная, Арабелле стало холодно, и кожа у нее покрылась пупырышками.

Они лежали бок о бок. Листья и ветви причудливо разузорили над ними небо. Их третий поцелуй оказался еще слаше прежних.

— Ты бывал здесь раньше? — спросила она, когда они, наконец, выпустили друг друга из объятий.

— Много раз,— сказал он.

— Один?

— Всегда один.

— А ты не боишься, что Большой Джим узнает?
Он рассмеялся.

— Большой Джим? Большого Джима не существует. Автопромышленники придумали его, чтобы запугать людей и заставить их носить автомобили, чтобы люди побольше покупали их и почаше меняли, а правительство содействует этому, так как без увеличения оборота ав-

томобилей экономика потерпела бы крах. Сделать это нетрудно, потому что бессознательно люди давно одевались в автомобили. Весь фокус состоял в том, чтобы заставить людей носить автомобили сознательно, заставить их чувствовать себя неловко без автомобилей в общественных местах и, если возможно, даже испытывать стыд. Особого труда это тоже не составило, хотя, конечно, автомобили пришлось сделать маленькими и приладить к человеческой фигуре.

— Не смей так говорить. Это... это богохульство! Еще подумают, что ты нудист.

Он пристально посмотрел на нее.

— Так ли уж позорно быть нудистом? — спросил он.— А разве не позорно, например, быть хозяином магазина и нанимать мерзавцев вроде Гарри Четырехколесного, которые влияют на нерешительных покупательниц, а потом ломают их покупки, чтобы они не воспользовались пунктом договора, гласящим, что непонравившееся платье можно вернуть в течение суток? Прости, Арабелла, но лучше, чтобы ты это знала.

Она отвернулась, чтобы он не увидел ее слез. Он взял ее руку, нежно обхватил за талию. Она не противилась, когда он поцеловал ее в мокрые щеки. Приоткрывшаяся рана затянулась, и на этот раз навсегда.

Он крепко обнял ее.

— Придешь со мной сюда еще раз?

— Да,— ответила она,— если ты хочешь.

— Очень хочу. Мы снимем наши автомобили и убежим в лес. Мы натянем нос Большому Джиму. Мы...

На другом берегу в кустах что-то щелкнуло.

Она застыла в объятиях Говарда. Кусты зашевелились, и показался полицейский в автомундире. Поднялась большая квадратная рука с портативным звуко-видеомагнитофоном.

— Ну-ка, подойдите,— произнес громкий голос.— Большой Джим хочет вас видеть!

Судья Большого Джима неодобрительно посмотрел на Арабеллу из-за ветрового стекла своего черного «кортеса», когда ее привели к нему.

— Как вы думаете, хорошо это,— сказал он,— снять платье и бегать вприпрыжку с nudistом?

Арабелла побледнела.

— С nudistом? — воскликнула она недоверчиво.— Но Говард не nudist. Этого не может быть!

— Может. Собственно говоря, он хуже, чем nudist. Он добровольный nudist. Однако мы понимаем,— продолжал судья,— что вы этого не знали и в какой-то мере мы сами виноваты в том, что он вас опутал. Если бы не наша непростительная потеря бдительности, он не мог бы вести двойную жизнь — днем учиться в nudistском педагогическом институте, а по вечерам убегать из резервации и работать в магазине подержанного платья и пытаться обратить в свою веру хороших людей вроде вас. Поэтому мы будем к вам снисходительны. Вместо того чтобы отобрать права, мы дадим вам возможность исправиться — отпустим вас домой, чтобы вы загладили свое предосудительное поведение: просите прощения у родителей и впредь ведите себя хорошо. Между прочим, вы многим обязаны молодому человеку по имени Гарри Четырехколесный.

— Я... я обязана?

— Да, вы. Если бы не его бдительность и преданность Большому Джиму, может статься, мы бы узнали о вашем поступке слишком поздно.

— Гарри Четырехколесный? — удивленно сказала Арабелла.— Он, должно быть, ненавидит меня.

— Ненавидит вас? Милая девочка, он...
— И я знаю почему,— продолжала Арабелла, не замечая, что перебила судью.— Он ненавидит меня, потому что показал мне себя в истинном свете, а себя настоящего он в глубине души презирает. Вот... вот почему и мистер Карбюратор тоже ненавидит меня!

— Послушайте, мисс Радиатор, если вы будете продолжать в том же духе, я могу пересмотреть свое решение. В конце концов...

— А мои мама и папа! — продолжала Арабелла.— Они ненавидят меня, потому что тоже показали себя в истинном свете, и в глубине души они себя тоже презирают. Такую наготу не могут скрыть даже автомобили. А Говард? Ему не за что ненавидеть себя... как и мне. Что... что вы с ним сделали?

— Разумеется, выпроводили обратно в резервацию. Что еще мы могли с ним сделать? Уверяю вас, больше он не будет вести двойной жизни. А теперь, мисс Радиатор, поскольку я уже покончил с вашим делом, не вижу причины для вашего дальнейшего пребывания в суде. Я человек занятой и...

— Судья, а как становятся добровольными нудистами?

— Демонстративно появляются на людях без одежды. До свиданья, мисс Радиатор!

— До свиданья... и спасибо.

Сначала она поехала домой, чтобы собрать свои вещи. Мать и отец ждали ее в кухне.

— Грязная шлюха! — сказала мать.

— Подумать только, и это моя дочь,— добавил отец.

Не говоря ни слова, она проехала через комнату и поднялась вверх по аппарели к себе в спальню. Собралась она быстро: кроме книг, у нее почти ничего не было. На обратном пути через кухню она задержалась ров-

но настолько, чтобы сказать «до свиданья». Лица родителей вытянулись.

— Погоди,— сказал отец.

— Погоди! — закричала мать.

Арабелла выехала на улицу, даже не взглянув в смотровое зеркало.

Оставив позади Макадам-плейс, она направилась в городской сад. Несмотря на поздний час, там еще были люди. Сначала она сняла шляпку-шлем. Потом — автоплатье. Арабелла, освещенная мигающим светом рекламы Большого Джима, стояла в центре собравшейся толпы и ждала, когда приедет кто-нибудь из полиции нравов и арестует ее.

Утром ее препроводили в резервацию. Над входом висела надпись:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Надпись была перечеркнута свежей черной краской, и над ней наскоро выведена другая:

НОШЕНИЕ МЕХАНИЧЕСКИХ ФИГОВЫХ ЛИСТКОВ ЗАПРЕЩАЕТСЯ

Страж, который ехал слева от Арабеллы, свирепо выглядывал из-за своего ветрового стекла.

— Опять забавляются, нахалы,— пробурчал он.

Говард встретил Арабеллу у ворот. По его глазам она поняла, что все в порядке, и тотчас оказалась в его объятиях. Забыв о наготе, она плакала, уткнувшись лицом в лацкан его пиджака. Он крепко прижал ее к себе, она ощущала его руки сквозь ткань пальто. Глухо доносился его голос:

— Я знал, что они следят за нами, и дал им возможность поймать нас в надежде, что они сошлют тебя сюда. Поскольку они не сделали этого, я надеялся... я молил бога, чтобы ты пришла сама. Дорогая, я так рад, что ты здесь. Тебе здесь понравится. У меня коттедж с большим садом. В общине есть плавательный бассейн, женский клуб, любительская труппа...

— А священник? — спросила она сквозь слезы.

Он поцеловал ее.

— Священник тоже есть. Если поторопимся, то застаем его, пока он не ушел на утреннюю прогулку.

Они вместе пошли по тропинке.

КАК Я ИХ ОБСЛЕДУЮ

«... если так будет продолжаться и дальше, то, на мой взгляд, к 2000 году все население страны разделится на тех, кто получает пособие по безработице, и тех, кто его выдает. Середины, по-моему, быть не может. Достаточно ознакомиться со статистическими данными...»

Окружной инспектор департамента социального обеспечения города Нью-Йорка. Январь 1964 года

Чтобы добраться до этого типа, мне пришлось влезть на пятый этаж. Черт знает что, можете мне поверить. Невеселенькое место — эти старомодные трущобы. А уж дорожки на ступеньках! Вековой давности и скользкие, как черт знает что. Но я не жалуюсь. У каждой работы есть свои минусы.

Я несколько раз постучал в дверь и услышал, как он там ворчит и покряхтывает. Старая история — они не любят, когда их подымают с постели. Я подождал, а потом забарабанил в дверь кулаком и раза два выругался. Никогда не надо позволять им думать, будто они что-то значат.

Это помогло. Дверь приотворилась, и в щель высунулась голова и плечи. Он был небольшого роста, подтянутый, с ясными глазами. И выглядел моложе, чем мне казалось, когда я читал его заявление.

— Что вам надо? — спросил он. Угрюмо. Опасливо. Обычная история.

Я показал ему черную тетрадь, которую держал в

одной руке, и мою служебную карточку, которую держал в другой.

— Государственная инспекция. Обследование в связи с вашим заявлением.

— Но я же подал его только вчера. Я думал, что на предварительное рассмотрение требуется не меньше недели.

— Это новый метод. Мы стараемся не задерживать рассмотрения новых заявлений, а потому собираем данные заранее.

Тут я несколько отклонился от истины: просто его заявление заинтересовало меня сразу же, как только его положили на мой стол. Хотя каждый год через мои руки проходят сотни, этот обещал что-то новенькое.

— Ну хорошо, войдите,— сказал он и открыл дверь.

Я вошел. Комната была гнусная, неописуемо гнусная. Эти люди живут как свиньи, просто трудно поверить. Мусор по всем углам, смятая газета, объедки. Ну и прочее в том же роде. Этому невозможно найти оправдание.

Он заметил мой взгляд и сказал:

— Я совсем деморализован. Ну и внутреннему хаосу начинает соответствовать внешний беспорядок.

Интеллигент. Я кивнул, открыл тетрадь и, осторожно ступая, вышел на середину комнаты, чтобы начать опрос. Мы никогда не садимся там, где сидели эти люди. Остегайтесь крыс и насекомых! Так нас инструктируют.

— Я должен задать вам несколько вопросов,— сказал я.— Во-первых, имя, адрес и так далее — все точно так, как указано в заявлении? Джон Стейнер, 36 лет, адрес этот?

— У вас же все это есть. Вчера у меня взяли все данные.

— Но мы обязаны проверить, действительно ли человек один и тот же,— сказал я.— Иногда они подсылают

вместо себя кого-нибудь другого, сочиняют целую биографию. Мы должны охранять интересы налогоплательщиков.

Прежде чем он опомнился, я достал дактилоскоп, открыл, взял его за запястье, прижал его большой палец к подушечке с тушью, а потом к карточке под крышкой и убрал дактилоскоп.

— Согласно правилам,— сказал я.

— Да,— ответил он,— полное обезличивание индивида — вот что это такое. Неужели вы не могли сначала предупредить меня, что вы собираетесь делать?

— Некоторые возражают,— сказал я.— Они понимают, что попались.

Я открыл его анкету и, поглядывая на него, прочел описание. Оно довольно точно отвечало его внешности.

— Ну, а теперь несколько вопросов,— сказал я.

— С вашего разрешения я сяду.

— Вы больны? Не можете стоять? Вам нужно отдохнуть?

— Ничего подобного,— сказал он.— Просто я предпочитаю сидеть, когда со мной разговаривают.

— Если вы очень больны, то, возможно, мы сумеем поместить вас в категорию получающих полную компенсацию. Никакой разницы для вас и больше денег для нас,— сказал я.

— Я не болен. Просто у меня угнетенное настроение. Впрочем, для вас это не составляет никакой разницы.

«Для вас» он почти выкрикнул. Без этой угрюмой враждебности дело никогда не обходится. И если извлекать из нее удовольствие, ее можно считать только плюсом. Я так и считаю. Отлично уточняет наше положение по отношению друг к другу. Ненависть означает страх и уважение, а я люблю, когда меня боятся и уважают.

Он сел на старый стул посредине комнаты. Проеден-

ная молью обивка, ощущение крохотной ползающей жизни под ветхой кожей и так далее. Он закурил сигарету и выбросил спичку в окно.

— Нет,— сказал я,— никаких сигарет.

— Простите, не понял.

— Я не люблю, когда курят,— сказал я.— И люди в моем присутствии не курят. Во всяком случае, люди, подающие заявления о пособии. Погасите ее.

— Нет.

— Выбросьте ее,— сказал я.

— Не выброшу, я люблю курить,— голос его стал визгливым.

— Чудесно,— сказал я.— Я ухожу. Мы проведем это по графе «взятые назад заявления».

Он уставился на меня. И понял, что я говорю серьезно. Помедлив, он выбросил сигарету в окно.

— Так-то лучше,— сказал я.

— А ведь вы наслаждаетесь этим, верно?

— Чем?

— Властью. Агрессивным характером вашей работы. Она открывает перед вами определенные возможности, дает выход вашему...

— Хватит,— сказал я.— Анализ моего характера мне не требуется. И мы сразу покончим со всем, если вы не заткнетесь.

Поскольку он проиграл первый бой, вторая схватка не затянулась. Он опустил глаза.

— Профессиональное образование? — спросил я.

— Социолог,— сказал он.

— Ну конечно!

— Это же все есть в анкете, которую я вчера заполнил,— добавил он.

— Я уже вам сказал, что провожу здесь мое собственное обследование. Отдел приема заявлений и инспек-

ционный отдел — вещи совершенно разные. Собственно говоря, для меня вы вообще не существуете, пока не докажете мне обратного. Почему вы подали заявление о пособии?

— Как вы думаете, почему? Я безработный.

— А на что вы жили до того, как подали заявление? Он посмотрел на меня почти умоляюще.

— Я же все это уже объяснял,— повторил он.— Я же вам сказал.

— «Обследователь единолично решает правомерность и необходимость выдачи пособия. Отдел приема передает заявления обследователю для выяснения обстоятельств и вынесения заключения». Достаточно? Или процитировать дальше?

— Нет,— сказал он.

Наверное, вот тут я его и сломил. Он словно осел на стуле и весь ушел в себя, не замечая, что по рукам у него что-то ползает. С ним оказалось справиться легче, чем с большинством из них. Вспомнив его анкетные данные, я даже удивился. Однако, если учесть ситуацию в целом, именно они-то все и объясняли.

— Я пятнадцать лет работал в «Программе Бловелта»,— сказал он.— С тех самых пор, как получил диплом. На прошлой неделе работы по «Программе» были прекращены, и я остался без средств к существованию.

«Программа Бловелта» была одним из тех маленьких мыльных пузырей, которые время от времени создает правительство, и служила основным источником средств существования для психологов и социологов. Даже я о ней слышал. Они занимались исследованиями генеалогии, видоизменением наследственных черт и так далее. В основном это сводилось к обработке архивных материалов и систематизации статистических данных. Но в прошлом году конгресс наконец решил, что будет проще и дешевле

посадить их всех на пособие по безработице. Вот в эти-то крохотные рамки и укладывалась вся жизнь Стейнера. Никому не нужная. Абсолютно никому не нужная.

— Вы пытались найти другое занятие?

Это был удар ниже пояса. Ответ мог быть только один. Даже Стейнер знал это. Он выдавил из себя улыбку:

— Вы шутите? — сказал он.

— Итак, теперь вам требуется государственное пособие? Пособие по безработице?

— А вы можете предложить мне какой-нибудь другой выход? — спросил он.

На «какой-нибудь» его голос стал чуть пронзительнее. Я таки поставил его на место, в этом можно было не сомневаться. Самое обычное обследование.

— Ну, человеку, который работал в «Программе Бловелта», наверное, не так трудно найти работу. А чернорабочим вы пробовали устроиться?

— Списки кандидатов заполнены вперед на десять лет. Вы это знаете не хуже меня.

Конечно, я это знал.

— Есть ли у вас родственники, которые могли бы содержать вас?

— Мои родители умерли. Моя сестра восемнадцать лет живет на пособие по безработице. Где находится моя бывшая жена, я не знаю.

— Вы были женаты?

— Я все это объяснил вчера.

— Я вам сказал, что для меня никаких «вчера» не существует. Когда вы женились?

— В две тысячи пятнадцатом году. Я не видел ее начиная с две тысячи двадцать первого года. Кажется, она эмигрировала.

— Вы хотите сказать, что она уехала за границу?

— Да, именно. Мы не сошлись характерами.

— Ей не нравилась «Программа Бловелта»?
Он уставился на меня.

— А кому она нравилась? Это же все было высосано из пальца. И она не выдержала. Она сказала, что я должен либо покончить с собой, либо уехать за границу. А я не сделал ни того ни другого. Я думал, что работы по «Программе» будут продолжаться вечно.

Ну, я тоже так думал, пока конгресс в прошлом году не взбрькнулся. И многое из того, что должно было бы продолжаться вечно, прекратилось навсегда. Мне захотелось сказать ему это, но сказал я только:

— Ну, пожалуй, все. Когда понадобится, мы с вами свяжемся.

— Вы хотите сказать, что я получу пособие?

— Я хочу сказать, что я кончил предварительное обследование. Теперь я должен вернуться в отдел и составить заключение, после того как я обследую еще многих. Когда я приму решение, вас о нем поставят в известность.

— Но послушайте,— сказал он, наклоняясь в мою сторону.— Разве вы не поняли? У меня нет денег. Мне нечего есть. Я снял эту комнату на прошлой неделе и сказал хозяину, что скоро буду получать пособие. Я должен ему за квартиру, мне не к кому обратиться.

— Вам придется подождать своей очереди.

— Но я не ел уже три дня...

— У вас есть вода,— сказал я, указывая на ржавый кран в углу, под которым стояло ведро.— Ее хватит, чтобы заполнить желудок. Вы продержитесь.

Потом, потому что мне не так уж хотелось совсем стереть его в порошок, я добавил:

— Видите ли, мне надо обслужить еще многих, и вам придется подождать своей очереди. У всех положение тяжелое.

Это его сбило.

— Да, — сказал он, кивнув, — у всех положение тяжелое.

— Такова моя работа, понимаете? Тут нет ничего личного.

— У вас есть работа, — сказал он с горечью.

— Вы не знаете, как часто я думаю, что предпочел бы жить на пособие и чтобы моей работой занимались люди вроде вас. Это не такое уж удовольствие, можете мне поверить. Ответственность, нервотрепка. Не то чтобы кто-нибудь мне был чем-нибудь обязан, вы понимаете? Но мне приходится нелегко. Я работаю по десять часов в день.

— И вам это чертовски нравится, — сказал он.

— Что-что?

— Я сказал, что это, наверное очень нелегко. Я вам сочувствую.

— Так-то лучше, — сказал я.

Обследование было окончено, и мой интерес пропал. Я извлек из него все удовольствие, какое только можно было. Я закрыл тетрадь, спрятал карандаш и пошел к двери.

— Какие-нибудь вопросы? — спросил я.

— Никаких. Только один: когда я начну получать деньги?

— Когда у меня до этого дойдут руки, — ответил я.

На прощание я еще раз оглянулся на него, и это было приятно: застывшая в отчаянии фигура в просвете закрывающейся двери. Он медленно поднес ладонь к лицу, но я захлопнул дверь еще до того, как она прижалась к глазам.

Вниз я спускался, перепрыгивая через две ступеньки.

На улице я сунул тетрадь и дактилоскоп в перчаточник моей машины и решил выпить пива, перед тем как отправиться к следующему сукину сыну. Забегаловка

под вывеской «У Джо» была полна опособленных, да и буфетчика я тоже вышколил — он наливал и наливал, а я не платил и не платил. Один из опособленных начал лезть ко мне с разговорами — спросил, не могу ли я устроить его в бюро: он, дескать, дипломированный врач и, может быть, для него найдется какое-нибудь дело. Ну, и смеха ради я сказал ему, что у нас врачей сейчас полный комплект, но что существует одно интересное правительственные начинание — «Программа Бловелта» — и там нужны люди. Я посоветовал ему не теряться и нажимать, нажимать. Наверное он понял — во всяком случае, отошел и оставил меня в покое. А пиво было такое хорошее, а меня окружали таким благоговейным уважением, что я махнул рукой на работу и так наключался, что до машины меня тащили четверо опособленных. Я сказал им мой адрес, и один из них отвез меня домой. Чем-то ведь он мне обязан.

Все они мне обязаны.

А ну их к черту!

МАШИНА

Мы с Джо только что обсудили ситуацию, и я еще больше запутался. Хочу разозлиться и не могу. Я так напуган, что все время думаю только о том, чем кончится вся эта история. «Эл, — повторяю я себе, — ты должен все хорошенько обдумать». Вот я и решил обо всем написать, чтобы привести мысли в порядок.

С Джо Максуином мы друзья еще со школы. Живем в одном квартале, и оба работали в механических мастерских Крага, пока нас не призвали — Джо в армию, а меня в морскую пехоту. Но мы переписывались до самого конца службы, а вернувшись домой, решили опять устроиться куда-нибудь вместе.

Сразу же после войны в пригороде открылся большой завод пластмасс «Торнбулз фабрикейшн» — может, вы о нем слышали? Платили там прилично, и мы решили попытать счастья. Нас взяли без разговоров. Теперь-то мне ясно, что с этого и начались все наши неприятности.

Прежде чем продолжать, я должен сказать пару слов про Агнес Слейтер. Джо решил пойти на этот завод из-за Агги. Они и до войны встречались, а когда Джо вернулся домой, так дело у них и вовсе приняло серьезный оборот. Джо прикинул, что «Торнбулз» — самое подходящее место, потому что после свадьбы лишние деньги им с Агги здорово пригодятся.

На заводе меня посадили в отдел перевозки грузов — не велика радость, но мне все-таки повезло больше, чем Джо. Он угодил на Икс. Там много таких больших машин — называются они фабrikаторы, а Икс больше всех

остальных. Что он фабрикует, понятия не имею. Наверное, какие-нибудь виды пластмасс. Во всяком случае, то, что выдает Икс, отправляется на другой завод и там используется для каких-то изделий. Те, кто обслуживают Икс, знают только, что они работают на закрытой со всех сторон громадине в семь этажей с круговыми галереями на каждом этаже.

Джо возненавидел эту машину с самого начала.

— От этого Икса сбеситься можно! — говорил он мне, когда мы ехали домой после первого дня работы. — Меня посадили за пульт в стеклянной кабинке на третьем этаже. Работе обучили за десять минут: несколько движений — это все, что от меня требуется. Там сплошная автоматика.

Видите ли, Джо из тех, кто любит шевелить мозгами. Ему нравится решать всякие задачи. И, конечно, работа на Иксе была совсем не в его вкусе.

— Что же ты там делаешь, Джо? — спросил я.

— Ты только послушай, Эл, — раздраженно начал он. — Я вхожу в эту конуру в восемь утра. В восемь десять устанавливаю диск N на цифру сорок. В восемь двадцать нажимаю кнопку Q. В восемь двадцать три возвращаю диск N на нуль. В восемь тридцать две поднимаю руку, достаю с полки масленку и вливаю две капли масла — ровно две — в маленькое отверстие у основания пульта. В восемь сорок шесть перевожу на себя какой-то рычаг. В восемь сорок семь возвращаю рычаг на место. В восемь пятьдесят три снова нажимаю кнопку Q. В восемь пятьдесят девять перевожу диск N на цифру десять и через секунду снова возвращаю его на нуль. В девять начинаю все сначала.

— Опять то же самое?

— В точности. И так каждый час до полудня. Потом часовой перерыв на обед, потом я возвращаюсь на место,

и та же история продолжается до пяти. — Джо вздохнул. — Вот тебе моя новая работа, Эл.

— Послушай, Джо, а что происходит в машине, когда ты проделываешь все это? — поинтересовался я.

— Насколько я могу судить — ничего, — ответил Джо.

— Ну, а вообще что она делает?

— Будь я проклят, если знаю. Мне не сказали.

— Ну, а ты сам не слышишь никакого шума внутри — когда крутишь эти диски и нажимаешь кнопки?

Джо покачал головой.

— Нет, Эл, ничего не слышу.

Этого я не мог понять.

— Тут что-то не чисто, Джо.

— Вот и я так думаю, — сказал он. — У Крага ведь не было ничего подобного.

Я понял, что Джо не хочет продолжать этот разговор, и перестал его расспрашивать. Вместо этого я рассказал ему про свою работу: целый день я только и делал, что выписывал накладные. Это я-то, механик, — накладные!

Вечером Джо и Агги пошли в кино. По дороге они на минутку заглянули ко мне. Агги нельзя называть очень хорошенькой, но есть в ней что-то привлекательное. Я имею в виду не внешность. Тут что-то другое — наверное, ее энергия. А может ее деятельный характер. Она постоянно в движении.

В этот вечер Агги была в наилучшей форме. Выглядела она просто красивой — алое платье очень шло к ее черным волосам, и настроение у нее было отличное.

— Эл, — заявила она, — Джо рассказал мне о своей работе. Это же замечательно!

Джо, судя по его виду, даже растерялся от неожиданности.

— Нет, правда, — продолжала Агги, — ведь это же чудесно, что вас взяли на такой большой завод. Уж там-то у вас будут все шансы выдвинуться.

— Само собой, — проворчал Джо. — Через пять лет мне доверят крутить на два диска больше.

— Агги, нас смущает одно, — сказал я. — Мы не знаем толком, что там делают. Какую-то пластмассу — больше нам ничего не известно.

— Теперь, кажется, засекречивают все подряд, — заметил Джо. — Хуже чем во время войны. Я сегодня прочитал в «Курьере», что прошел этот билль... Как они его окрестили?

— Закон Челлендора — Колландера — Уингла — Уонгера, — подсказала Агги. Такие вещи Агги знает назубок. По этой части у нее голова хорошо работает.

— Ага, — сказал Джо. — Так вот, по новому закону армия получает право забирать себе для нужд обороны все, что ей может понадобиться. Похоже, что и «Горнбулз» работает на армию.

— Пожалуй, — согласился я.

— Это все пустяки, — заявила Агги. — Я уверена, Джо, что тебе там понравится. И тебе, Эл.

Агги, конечно, соображает хорошо, но на этот раз она попала пальцем в небо. После первой недели работы Джо совсем закис — таким я его никогда не видел. Утром, пока ехали на работу, всю дорогу он молчал. То же повторялось на обратном пути. Видимо, он ни о чем другом и думать не мог. Мало того, после двух недель Джо стал еще угрюмее. А через три недели я решил поговорить с ним начистоту.

— Джо, — сказал я ему, — что за чертовщина с тобой происходит? Это совсем на тебя не похоже.

— Со мной? Да ничего.
— Джо, ты должен мне рассказать, — настаивал я. — Это все Икс, да?

Минуту-другую Джо молчал. Потом сказал:

— Да, Эл. Пожалуй, это Икс. Я сижу там целый день. Нажимаю кнопки, кручу диски, смазываю его — и все это время чувствую, что я просто нахожусь при машине. Она не шумит, в ней ничего не движется — черт, да может она вообще не работает? И она такая дьявольски громадная — целых семь этажей!

У Джо было очень странное выражение лица. Я просто не знал, что сказать.

— И это еще не все, — продолжал он. — Помнишь у Крага? Машины там были настоящие — с шестеренками, кривошипами, шкивами, ремнями — словом, с механизмами. И все было без обмана: машины работали, шумели, изготавливали детали. На такую машину достаточно посмотреть — и сразу ясно, что к чему. Если она ломается, ее можно исправить. Когда ты ее включишь, она работает, когда выключишь — останавливается.

Джо помолчал. Затем медленно продолжал:

— В этом Иксе все непонятно. Все упрятано. А я просто сижу в стеклянном курятнике, как и сотня других, и делаю, что мне велят. Если машина ломается, я об этом ничего не знаю. Я только без конца повторяю свои движения. Черт возьми, Эл! Я вовсе не управляю машиной, я часть этой проклятой машины. Просто какой-то рычаг. — Джо посмотрел мне в лицо. — Ты меня понимаешь, Эл?

— Если хочешь знать мое мнение, Джо, — ответил я, — тебе лучше убраться оттуда, и поскорее. Почему ты не уходишь, Джо?

— Нет, Эл, — сказал он. — Это не так просто.

В первую минуту я не понял, но потом вспомнил про

Агги. Позже Джо рассказал мне, что он пытался ей все объяснить, но у него ничего из этого не получилось. Говорил он с Агги уже после того, как рассказал мне, до чего скверно ему работать на Иксе, и, судя по его словам, их разговор был примерно следующим.

— Знаешь, Агги, — сказал Джо, — может, нам лучше будет встречаться не шесть раз в неделю, а два?

Женщины — они такие. Агги тут же подумала божественное что и превратилась в сосульку.

— Конечно, Джо! Если ты так хочешь.

— Просто меня постоянно угнетает одна мысль, — объяснял Джо, — и, чтобы избавиться от нее, я делаю одну штуку.

— Если ты считаешь, что тебе лучше проводить вечера дома, Джо, то уж я-то не буду тебя отговаривать.

— Агги! — сказал Джо. — Мне трудно это объяснить. Понимаешь, мне необходимо как-то отвлечься от работы — вот я и обдумываю одно изобретение. Все уже почти готово, но мне нужно еще немного времени. Совсем немного, Агги.

Джо рассказывал, что, услышав про изобретение, Агги совсем было оттаяла. Но когда она начала расспрашивать о нем, а Джо все отмалчивался, Агги опять решила, что он врет. Уж эти женщины! Обязательно им надо все знать! Вот с этого вечера у Джо с Агги и начались неприятности.

Поначалу Джо ничего не сказал про свое изобретение даже мне. Но что-нибудь к середине второго месяца нашей работы на заводе настроение у него начало подниматься. Сначала я подумал, что он просто сматывается с новой работой, но потом решил: не иначе, как что-то произошло. Теперь он всю дорогу до завода весело насыпал

тывал, болтал и шутил. И по дороге домой тоже. Он все больше и больше походил на прежнего Джо.

А потом в один прекрасный вечер все объяснилось. У Джо на лице было загадочное выражение, насвистывал и улыбался он больше обычного. Когда мы затормозили у его дома, Джо сказал:

— Эл, ты не торопишься? А то зайдем ко мне. Я хочу тебе кое-что показать. Обалдеешь.

И я-таки обалдел.

Когда мы вошли в дом, его мать возилась с ужином.

— Эл! — сказала она. — Ты тожеучаствуешь в этой глупости?

— Какой глупости? — начал было я, но Джо уже спустился в подвал и кричал, чтобы я шел к нему.

— Подобной глупости я еще не видывала, — сказала миссис Максунин.

Я спустился вслед за Джо в мастерскую, которую мы устроили, когда еще учились в школе. Мы тогда неплохо все оборудовали. Деньги у нас были: разносчики газеты, а по субботам еще подрабатывали доставкой заказов из магазинов. В общем мастерская получилась что надо. Правда, вернувшись с войны, мы туда редко заглядывали, и я почти забыл о ней. Спускаясь в подвал, я, по правде говоря, не ожидал увидеть там ничего, кроме... — я и сам не знаю, чего я ожидал. Во всяком случае, ничего похожего на то, что увидел.

— Вот, смотри, — сказал Джо с гордостью. — Ну, как?

Я не ахти какой оратор, но обычно могу выразить свою мысль словами. Почти всегда. Однако на этот раз я словно язык проглотил.

Посреди подвала на деревянных чурках стояла машина. И какая машина! Восемь на восемь футов у основа-

ния и четыре фута в высоту. Такого сложного скопления механизмов мне еще не приходилось видеть. Здесь было все: шестеренки, маховики, кривошипы, шкивы, приводные ремни, поршни, краны, рычаги, лампочки, диски, кнопки, циферблаты, рубильники — словом все. Даже гудок.

В машине было столько деталей, что описать ее и думать нечего. Наверное, такие машины представляются механикам в бреду.

Пока я смотрел на машину, гадая, что это такое, Джо нажал кнопку. Два больших маховика начали вращаться, медленно набирая обороты. С левой стороны показался рычаг, который двинулся вправо, повернул на путь с десяток кулачков и возвратил их на место. Вспыхнула зеленая лампочка, потом красная. Джо повернул диск — машина заработала быстрее, еще быстрее. От грохота содрогался весь дом. Загудел гудок. Где-то в глубине запрыгал членок. Блестящий от смазки вал скользнул через всю машину, высунулся наружу, дважды повернулся и снова исчез. Вспыхнула синяя лампочка, и стрелка ближайшего ко мне циферблата поползла к красной отметке. Кошмар какой-то!

— Джо, — спросил я, — что это за чертовщина?

Взгляд Джо яснее всяких слов говорил, что от конторского служащего другого вопроса и ждать нельзя.

— Это секрет, — усмехнулся он.

— Секрет? — переспросил я.

— Еще бы! — Джо рассмеялся. — Да что ты, Эл, тут нет никакого секрета. Просто я так отвечаю, когда меня про это спрашивают. Помнишь, мы говорили, что сейчас все засекречивают. Вроде Икса. Ну, а в этой машине нет ничего секретного. По правде говоря, в ней вообще ничего нет. Это просто машина.

— Но какая, Джо?

— Черт, — сказал он, — ну, просто обычная сложная машина.

— Конечно, Джо, — терпеливо продолжал я, — я и сам вижу, что она сложная. Но что она делает?

— Что делает? Да ничего. Она работает. Вот и все. Просто работает. — И прежде чем я успел что-нибудь сказать, Джо продолжал:

— Что со всеми вами происходит? Ты, мама, наш сосед — все в один голос спрашивают: «Что она делает?». Так вот, она ничего не делает. Это просто машина, которая работает. Моя машина. Я ее хозяин, а не придаток к ней, Эл.

Мне было показалось, что я начал понимать, в чем тут дело, но, задав Джо еще два-три вопроса, я вконец запутался. Теперь-то я, кажется, разобрался во всем: работа на Иксе, а вернее при Иксе, вызывала у Джо желание построить машину, которой управлял бы он сам. А разговоры о секретности были просто шуткой. В тот вечер я еще не вполне это понял. Я ушел, а Джо продолжал стоять столбом, глядя на свою машину глазами гордого папаши.

На крыльце я столкнулся с Агги.

— Эл, ты видел? — она была явно расстроена. — Что это такое, Эл?

— Агги, — ответил я, — а я-то считал тебя умной девушкой.

Ее взгляд стал колючим.

— Эл, ты должен мне сказать!

Я обозлился.

— Это секрет, Агги. Я знаю только то, что сказал мне Джо. Это машина, которая работает.

Агги гордо вскинула голову и вошла в дом.

«Да, такие-то дела,» — подумал я, сел в машину и поехал домой.

Как оказалось, главные события были еще впереди. Конечно, в таком городке, как Парксайд, обо всем становится известно. То ли мамаша Джо рассказала о машине кому-нибудь из своих приятельниц и те зашли посмотреть на нее, то ли кто-нибудь с завода прослышал об изобретении — во всяком случае, слухи пошли гулять по городу. Одни рассказывали другим, те в свою очередь передавали третьим, и довольно скоро прохожие стали оборачиваться на дом Джо. Не успел Джо опомниться, как к нему явился репортер из парксайдского «Курьера», чтобы увидеть изобретателя и его машину.

Мне не известно, знал ли Джо, что говорит с репортером. Десять против одного, что не знал, — так много людей заходило в дом с утра до вечера. Репортер задал множество вопросов, на которые Джо отвечал как обычно. Шутки ради он сказал: «Это секрет», а потом продолжал: «Это просто машина, которую я построил в свободное время — машина, которая работает». И Джо попробовал осторожно объяснить, почему ему захотелось ее построить.

Ответы Джо не вполне удовлетворили репортера. И он кое-что добавил от себя. Для живости. Во всяком случае, «Курьер» вышел с таким заголовком на первой странице:

АТОМНАЯ ЭНЕРГИЯ? ЭТО СЕКРЕТ

А дальше наш приятель помчался, закусив удила:

«У жителя нашего города Джозефа Максуина в подвале его дома (Парксайд-авеню, 378) имеется устройство, которое, вполне возможно, даст сто очков вперед всем последним научным достижениям. Это — машина, но что это за машина, Максуин отказывается сообщить. Он ограничился заявлением, что устройство является секретной ма-

шиной, «которая работает». Как бы светилам из Ок-Риджа и Ханфорда¹ не лишиться своих лавров. Я буду не я, если наш парксайдский Джо Максуин не построил в своем подвале атомную машину. Его отношение к своему изобретению говорит об этом яснее всяких слов. Максуин работал над своей машиной в течение...»

Я думаю, этого достаточно, хотя в статье было еще двенадцать абзацев. На первой странице красовалась фотография Джо. Они раскопали ее в архиве нашей школы. В статье не был забыт и я. Сообщалось, что я работал над машиной вместе с Джо.

Что произошло дальше, вам известно. Статья послужила спичкой, брошенной в сухой хворост. Вечером сообщение о машине уже передавалось по радио, а на следующее утро появилось во всех газетах страны. «КЛЮЧИ ОТ ВСЕЛЕННОЙ — У ИЗОБРЕТАТЕЛЯ ИЗ МАЛЕНЬКОГО ГОРОДКА», — писала одна из нью-йоркских газет. «АТОМ КРИЧИТ: «КАРАУЛ!» — вопила другая. Скажи вы мне раньше, что произойдет, я бы подумал, что вы рехнулись.

Джо позвонил мне в тот вечер около девяти.

— Эл, — спросил он, — ты видел?

— Видел, — ответил я. — И слышал по радио.

— У меня нет времени слушать радио, — сказал Джо. — С тех пор как вышел «Курьер», телефон не перестает трезвонить. Даже мэр звонил. Эл, я, кажется, свихнулся — ну как этот кретин мог написать такую чушь?

— Джо, не все понимают шутки. Он, должно быть, думает, что напал на золотую жилу.

— Еще бы! — буркнул Джо. — Черт подери! Репор-

¹ Центры атомных исследований в США. — Прим. перев.

теры не перестают звонить и задавать вопросы. Я говорю им, что все это ошибка, но они и слушать не желают. Спрашивают меня бог знает о чем, а когда я отвечаю, что ничего не смыслю в этом, думают, будто я разыгрываю скромника. Подожди минутку, Эл, опять принесли телеграмму. Я получил уже тридцать две телеграммы.

— Что ты думаешь делать, Джо? — спросил я.

— Сам не знаю. Что бы я ни сказал, они добавляют что-нибудь от себя. И я не могу... Эл, мне надо открыть дверь — телеграмма. Позвони мне утром, Эл.

Позвонить оказалось не так-то просто. Около восьми утра я пробовал это сделать дважды, и оба раза номер был занят. Пора было отправляться на работу, и я по обыкновению заехал за Джо. Дурацкая мысль! Я подъехал как можно ближе, но возле дома стояло множество машин, а у самого подъезда собралась небольшая толпа. Я вылез из машины и пошел к дому.

— Из какой газеты? — поинтересовался человек, оказавшийся рядом со мной.

Я заметил, что не меньше половины мужчин да и некоторые женщины были вооружены фотоаппаратами. Репортеры явились в полном составе. Были представлены все значительные газеты страны.

— Я просто приятель Джо, — ответил я. И конечно же дал маxу.

— Так вы друг Джо Максуина? — завопил он. — Эй, все сюда!

Они взяли меня в кольцо и засыпали вопросами:

— Где сейчас Максуин?

— Как ему удалось построить такую машину?

— Правда ли, что ему достаточно двух капель воды, чтобы обеспечить топливом линейный корабль?

— Правда ли, что его хозяин предложил ему три миллиона за четвертую долю в деле?

— Давно ли вам известно об этом?

Я терпел сколько мог, потом повернулся и побежал. Вскочив в машину, я проехал несколько кварталов и зашел в аптеку, чтобы позвонить. Номер Джо был все еще занят. Через пять минут я снова позвонил. И снова неудачно. Я сделал еще три попытки — и на четвертый раз услышал усталый голос Джо.

— Ну? — злобно буркнул он.

— Джо, это Эл. Я хотел зайти за тобой, но...

— Знаю. Я видел тебя через щелку в ставнях. Эл, я не спал всю ночь. Где ты сейчас?

Я сказал ему.

— Подожди меня, — попросил Джо. — Попробую к тебе пробраться.

Я повесил трубку и подошел к стойке. По радио передавали танцевальную мелодию, но она вдруг оборвалась, и заговорил диктор.

Передаем специальный бюллетень из Парксайда, штат Нью-Йорк, — объявил он. — В то время как вся страна платит дань восхищения таланту и изобретательности молодого Джозефа Максуина, который, как предполагается, построил первую действующую атомную машину нашего атомного века, городскими властями Парксайда получены известия, что изобретением без промедления займутся представители армии. Полковник Джордж Трикс, прославившийся своим вкладом в работу над атомной бомбой, уже вылетел в Парксайд специальным самолетом. Полковника сопровождают...

— Армия! — закричал я, вскакивая.

Бармен зевнул.

— Бывает, — заметил он.

— Они окончательно спяти... — Я замолчал — надо было слушать дальше.

— ...в соответствии с законом Челлендора — Колландора — Уингла — Уонгера, — продолжал диктор, — представители армии уполномочены расследовать любой проект, имеющий оборонное значение. По-видимому, машина молодого Максуина перейдет в ведение правительства.

Правительства! Это было невероятно. Я покачал головой.

— А как же! — заметил бармен. — Все-таки атом, сами понимаете.

— ...сегодня утром в сенате, — продолжал бубнить диктор, — сенатор Бэрдж Фулсом заявил, что он намерен предложить законопроект, предусматривающий ассигнование одного миллиона долларов для обеспечения охраны этого новейшего оружия страны. Член палаты представителей Хейден Кретчер собирается внести законопроект о представлении аналогичной суммы на развитие службы безопасности. «Мы должны всеми средствами оберегать тайну нового оружия, — заявил Кретчер сегодня утром представителям прессы, — и хранить его в лоне демократии, давшей ему жизнь».

— Какого черта... — Я снова замолчал и принялся слушать дальше.

— ...пока еще не отпущены средства для дальнейшей работы над изобретением Максуина. Один сенатор, не пожелавший, чтобы его имя было наз-

вано, заявил, что соответствующий законопроект, возможно, будет внесен уже в следующем месяце, добавив, однако: «Мы не хотим принимать поспешных решений». Сообщение о машине Максуина имело большой резонанс. Несколько голливудских кинокомпаний добиваются преимущественного права на экранизацию биографии изобретателя. Нью-йоркское издательство «Только для мужчин» намерено выпустить в свет книгу «Вот оно!» — повесть об эре атомных машин. Наконец, мэр города Парксайда Э. Риско объявил сегодня утром, что он намерен запросить у муниципального совета ассигнования в тридцать семь тысяч долларов для возведения памятника Адольфу Максуину, отцу молодого изобретателя. Старший Максуин погиб в первую мировую войну. Он будет изображен в военном мундире с крошкой сыном на руках. В кулачке ребенка будет зажат атом, выполненный в натуральную величину.

Я потрогал стойку — не мерещится ли она мне.

— ...мы предприняли несколько попыток, — продолжал диктор, — получить интервью у самого Максуина, однако нам удалось связаться лишь с матерью изобретателя. «Я знала, у Джозефа в подвале что-то есть», — сообщила миссис Максуин.

В аптеку вошла женщина и села рядом со мной.

— Эл, — сказала она басом. — Уйдем отсюда.

Я подскочил — нервы начали сдавать.

— Джо, — сказал я, — что это ты на себя напялил? — Я посмотрел на его украшенную цветами шляпку, платье

и пальто с меховым воротником.—Как тебе удалось выбраться?

— Я влез в мамину одежду и через черный ход про скользнул к соседу,—объяснил Джо.—А потом вышел из его подъезда. Наверное, они приняли меня за его мать. Пойдем отсюда, Эл.

Я хотел было расплатиться, но вспомнил, что ничего не пил. Мы вышли на улицу и сели в машину. Уже трогая, я заметил, что улицу переходит девушка.

— Постой-ка, Джо,—сказал я.—Это же Агги!

— Верно,—сказал Джо, вылез из машины и в одну секунду очутился рядом с ней. Я поплелся за ним, на случай если понадобятся объяснения.

Они понадобились. Агги отвернулась от Джо и зашагала дальше. Джо поглядел ей вслед, потом догнал и попытался взять ее под руку.

— Агги, дай мне только сказать,—попросил он.—Я тебе все объясню.

Агги повернулась и влепила Джо пощечину.

— Агги, ради бога...

— Ради бога!—возмутилась она.—Этого я от тебя не ждала!

— Чего «этого»?

— Подумать только! Все это время ты работал над атомной машиной и не сказал мне ни слова. Я никогда...

— Агги, это же не...

— Джо Максуин, вы решительно самый низкий, самый подлый...

Начинала собираться толпа. В конце концов, не так уж часто приходится видеть на улице, как парень в женском платье ссорится с девушкой. Да и девушку с язычком, как у Агги, не часто встретишь.

Некоторое время Джо стоял и слушал. Потом он,

видно, понял, что толку от этого не будет. И тут кто-то завопил:

— Это же Максуин! Изобретатель атомной машины!

Мы с Джо рванули через улицу, вскочили в машину и помчались прочь. Я оглянулся, но Агги даже не посмотрела нам вслед.

Джо долго молчал. Потом сорвал с головы шляпу, растегнув молнию, стащил платье и швырнул все это на заднее сиденье, а сам остался в одних трусах.

— Знаешь, Эл, — сказал он немного погодя, — изобрести я в самом деле атомную машину, мне бы никто не поверил.

— Пожалуй, — сказал я. К этому времени я уже готов был поверить во что угодно.

Мы въехали в Седар-Хилл, маленький городок милях в пятнадцати от Парксайда. Я остановил машину возле универсального магазина, и Джо купил себе комбинезон. Хорошо еще, что он захватил бумажник. Мы двинулись дальше, но Джо по-прежнему сидел молча, закрыв глаза.

Когда мы проехали миль тридцать пять, Джо вдруг сказал:

— Эл! Надо бы попытаться еще раз. Остановись у следующей бензоколонки.

Так я и сделал. Джо вошел в будку, позвонил в парксайдский «Курьер» и попросил редактора. Редактор подошел.

— Говорит Джо Максуин, — начал Джо. Затем его лицо вытянулось. Он повернулся и взглянул на меня.

— Повесил трубку! Не поверил, что это я. И сказал, чтобы я бросил заниматься дурацкими розыгрышами.

— Черт знает что! — сказал я. — Попробуй еще раз!

— Нет, Эл. Едем обратно. Я заставляю их выслушать меня!

Когда мы вышли, паренек-заправщик попросил:

— Мистер Максуин, вы не дадите мне автограф?

— Не дам, — огрызнулся Джо. — Отвяжись.

Впервые в жизни Джо был так груб с мальчишкой. «Бедняга Джо, что с ним творится», — подумал я. Обратно мы ехали не торопясь, и за всю дорогу Джо произнес только одну фразу:

— Никак не возьму в толк, чего это Агги на меня так взъелась?

Когда мы выходили из аптеки в Парксайде, было что-то около десяти, а теперь мои часы показывали почти два. Я свернул на Парксайд-авеню, гадая, что еще может произойти. Долго гадать не пришлось.

Еще издали можно было заметить какое-то оживление в нашем квартале. Сначала я было подумал, что это та же толпа у дома Джо. Однако я ошибся. Знай я, что нас ожидает, я бы развернулся и гнал без остановки, пока мы не оказались бы в сотне миль от города. Но я ничего не знал, и мы продолжали двигаться вперед, пока, подъехав поближе, не заметили, что дорогу перегородил то ли барьер, то ли шлагбаум, и движение по улице перекрыто. Мы прочли надпись на заграждении и сначала не поверили своим глазам:

ВОЕННАЯ ЗОНА. ВХОД ВОСПРЕЩЕН

Сержант военной полиции с пистолетом на боку и дубинкой в руке подошел к машине.

— Что вам надо? — спросил он.

— Я здесь живу, — ответил Джо. — Что происходит?

— Ваша фамилия? — потребовал сержант и вытащил из кармана какой-то листок.

— Максуин. А это — Эл Найлс.

Сержант внимательно оглядел Джо, а меня удостоил мимолетным взглядом.

— Предъявите какое-нибудь удостоверение личности. Вы оба.

Мы извлекли бумажники и показали ему водительские права, фотокопии свидетельств о демобилизации и пропуска на завод.

— Гм, — промычал сержант. Затем, уделив еще некоторое время изучению бумаг, он добавил:

— Как будто все в порядке. Идите прямо к себе, Максуин. И вы с ним, Найлс. Вас обоих хочет видеть полковник.

Проехать на машине нам не разрешили, поэтому мы вылезли и дальше пошли пешком.

— Эл, что здесь творится? — спросил Джо. — Мы в самом деле на Парксайд-авеню?

Я не ответил, поглощенный тем, что происходило у дома Джо. Рядом с домом стояли три военных грузовика, а вокруг толпились солдаты военной полиции. Вид у них был очень деловой. Один прикалывал к подъезду табличку с надписью:

ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Другой сделал шаг нам навстречу.

— Документы! — прорычал он.

Мы предъявили ему те же бумаги, что и сержанту, и он вошел в дом. Вернувшись минуты через две, он объявил:

— Полковник Трикс разрешил вам временный допуск. Вам надлежит спуститься в подвал и ожидать там. Полковник сможет поговорить с вами через час.

— Что все это значит? — спросил Джо. — Какой еще полковник?

— Полковник Джордж Трикс, руководитель опера-

ции. Идите. И постарайтесь не шуметь, проходя по коридору. Полковник очень занят.

— А жевать резинку можно? — осведомился я.

— Но-но, — отозвался он, — без шуток.

Мы вошли в дом. Дверь в гостиную была закрыта, и мы побрали к двери, ведущей в подвал. Там нам пришлось показать документы еще одному стражу, и мы начали спускаться. Пройдя половину лестницы, Джо вдруг обернулся.

— Эл, — сказал он, хватая меня за руку, — а что они сделали с мамой?

— Черт возьми! — воскликнул я. Мы бросились вверх по лестнице и начали колотить в дверь.

— Эй вы!.. Где моя мать? — спросил Джо полисмена, открывшего дверь. Но тот был невозмутим.

— Полковник решил, что ей следует ненадолго уехать отсюда, — ответил он. — Миссис Максуин в настоящее время проживает в отеле «Парксайд» — разумеется, за счет государства.

— Очень любезно со стороны государства, — заметил Джо.

— Еще что-нибудь? — спросил полисмен.

— Да. Позвоните в «Курьер» и скажите, чтобы сюда прислали репортера с головой, — попросил Джо. — Такого, чтобы понимал нормальный язык.

— Сожалею, но полковник не разрешил впускать сюда ни одного газетчика.

Джо покачал головой и посмотрел на меня, а я на него, потом мы оба повернулись спиной к полисмену и стали спускаться в подвал.

В мастерской было светло как днем: горели все лампы, в том числе несколько новых. Посредине спокойно возвышалась машина Джо, как бы ожидая дальнейших событий. Мы сели на верстак и уставились на проклятую

машину. «И натворила же ты дел,— думал я.— Ох и натворила!»

— Эл,— сказал Джо,— ну как бы мне объяснить им это?

— Тебе просто нужно рассказать им все еще раз. Больше ты ничего не можешь сделать. Расскажи все полковнику.

— Эл, ведь ты знаешь полковников,— пробурчал Джо.

— Еще бы,— сказал я.

А через минуту мы узнали, каков был *этот* полковник.

— Эй там, внизу! — крикнул голос сверху. Секунду-другую стояла тишина, затем по лестнице застучали тяжелые шаги. В следующее мгновение перед нами предстал полковник Джордж Трикс.

Да, это был полковник что надо. Вроде горы со снежной вершиной, только с тремя подбородками. У него было четыре ряда лент и медалей, и среди них награда за меткую стрельбу. Мы с Джо встали. У нас естьнюх на военное начальство.

— Рад познакомиться с вами, мистер Максуин,— сказал полковник, обращаясь ко мне.

— Вот Максуин,— указал я на Джо. С этого момента и до конца разговора полковник ни разу не взглянул на меня. Он торопливо пожал Джо руку, как будто хотел поскорее покончить с этой процедурой, затем отступил назад и окинул подвал таким взглядом, словно инспектировал казармы.

— Послушайте, полковник,— начал Джо,— прежде всего я хотел бы сказать вам, что вся эта история просто...

Полковник не слушал. Он рассматривал полки над верстаком.

— С этих полок,— сказал он,— необходимо стереть пыль. Такая пыль может быть чрезвычайно опасна.

Джо вытаращил глаза.

— Ну да,— подтвердил я.— У нас на заводе люди мрут от пыли как мухи.

Полковник не замечал моего существования.

— Ну, мистер Максуин,— обратился он к Джо,— где ваши чертежи? Мне необходимо с ними ознакомиться. Будьте любезны вручить их мне.

— Чертежи? — переспросил Джо.— Но у меня нет...

— Не беспокойтесь, мистер Максуин, я имею все полномочия,— прервал его полковник.— Меня послал сюда сам шеф, который действует по распоряжению министра. Будут приняты все необходимые меры безопасности. Разглашение тайны исключено. Вы можете передать мне ваши чертежи, ничего не опасаясь.

— Полковник,— сказал Джо,— пусть вас сюда послала хоть тень Исаака Ньютона — мне до этого нет дела.— У Джо был странный вид. Таким я его еще никогда не видел.

— Прошу вас, мистер Максуин,— сказал полковник.— У меня еще столько дел... Необходимо выяснить, можно ли окружить дом противорадарным экраном; необходимо... Поймите, я очень, очень занят. Так что, будьте любезны, дайте мне ваши чертежи.

— Нет, полковник,— ответил Джо.— По той простой причине, что...

Полковничьи подбородки затрепетали.

— Как, вы отказываетесь, мистер Максуин? Вы сомневаетесь в моих полномочиях?

— Я ни в чем не сомневаюсь,— ответил Джо.— Я просто объясняю вам, что у меня нет никаких чертежей. И, кроме того, я хочу...

— Как вы сказали? — вид полковника Трикса выражал недоверие.— У вас нет чертежей? Но какие-нибудь схемы, наброски?

— Никаких набросков. Ничего.

— Не понимаю. Я ждал совсем другого, мистер Максун,— сказал полковник, пытаясь изобразить нечто вроде улыбки военного образца.— У меня, право же, нет времени для шуток. Шеф ожидает доклада. Не мог бы я в таком случае увидеть машину в работе? Только чтобы получить общее представление.

Джо направился к машине.

— Ладно,— сказал он.— Хотите посмотреть, как она работает? Сейчас увидите. Может, хоть тогда вы поймете, что все это...— Джо включил ток, сначала послышался оглушительный треск, потом грохот, в котором потонул конец фразы.

Приводные ремни пришли в движение. Заскрежетали зубчатые колеса. Вспыхнули и погасли лампочки. Слева направо двинулся рычаг, поворачивая кулачки... Стоял адский шум. Пожалуй, даже самая настоящая атомная машина не могла бы грохотать так основательно.

На полковника машина явно произвела впечатление.

— Какова ее производительность? — прокричал он сквозь шум.

— Какая производительность? — крикнул Джо.

— Сколько она вырабатывает? — завопил полковник.

— Нисколько! Она ничего не вырабатывает!

Полковник не рассыпал. Он жестом попросил Джо выключить машину.

— Я говорю вам, она ничего не вырабатывает,— повторил Джо, когда шум затих.— Это совсем не то, что вы думаете, полковник. Это просто машина — машина, которую я сделал шутки ради. Она просто работает, вот и всё.

Полковник пожал плечами и подошел к лестнице.

— Майор Стэйтон! — крикнул он.— Майор Браун! Лейтенант Уэйнберг! Лейтенант Борст! Сержант Инглиш!

Вызванные спустились и стали в ряд, как оловянные солдатики.

— Слушаю, полковник,— произнес один из лейтенантов.

— Оцените-ка производительность этой машины,— приказал полковник.

Лейтенант извлек из кармана трубку, похожую на медицинский термометр, и, прищурив один глаз, посмотрел сквозь нее на машину.

— Около сорока,— сказал он наконец. Остальные офицеры достали карандаши и торопливо застричили в маленьких блокнотах.

Полковник кивнул.

— Это близко к истине, мистер Максуин?

— Сорок чего? — спросил Джо.

— Мистер Максуин,— начал полковник,— прошу вас, будьте серьезны. Я...

— Заткнитесь! — Джо вдруг побагровел и тяжело задышал.— С той самой минуты, как вы пришли сюда, я пытаюсь вам все объяснить, а вы не даете мне слова сказать! Хорошо, я буду серьезен. Я... — Джо схватил с верстака большой гаечный ключ и поднял его как палицу.

Офицеры перестали строчить.

— Я вам покажу! — закричал Джо.— Я вам покажу вашу чертову атомную машину!

И, прежде чем кто-нибудь успел опомниться, Джо прыгнул и что было силы обрушил гаечный ключ на машину. Он сокрушил приборный пульт, разорвал ремень, сломал маховик, расколол шестерню...

Полковник быстро оправился от изумления. Он, а вернее его подчиненные, уже действовали. Троє схватили Джо, двое держали меня. Кто-то крикнул: «Измена!». Они вопили во всю мочь, а Джо надрывался:

— Вы не смеете! Это моя машина, я могу делать с ней что захочу! Пустите меня! Вы все помешались, это же не атомная машина!

Джо Максуина им пришлось выносить на руках. Я пошел сам — с помощью двух полицейских. Нас привели сюда, в комнату Джо, и заперли.

Теперь Джо успокоился. Как я уже сказал, мы с ним только что обсудили ситуацию, а теперь я еще записал все, что с нами случилось. Кое-какие мелочи я мог упустить, но за основное ручаюсь.

По мнению Джо, все произошло потому, что некоторые люди вечно ищут то, чего нет. Наверное, он зря пошутил насчет секретности — ведь когда он сказал правду, ему никто не поверил. «Некоторые люди просто не умеют видеть то, что есть на самом деле,— сказал Джо.— Мне вовсе не хотелось поднимать такую шумиху. Я построил машину просто, чтобы отвлечься от этого Икса, а теперь ее у меня забрали. Они привезут сюда ученых и докопаются до истины, но это ничего не изменит. Тогда они заявят, что я их обманул. Вот увидишь».

Джо вовсе не злится, а просто смотрит на вещи философски. Жалеет он только об одном — что не дал автографа мальчишке с бензоколонки.

Вот как обстоит дело. Мы с Джо сидим здесь взаперти, а они в подвале пробуют починить машину, которую все еще принимают за атомную. Пожалуй, они так и будут думать до скончания века. А может быть, все кончится хорошо: мы с Джо выпутаемся из этой истории; Джо помирится с Агги; его мать вернется из отеля «Парк-сайд», где она пока еще живет за счет государства; а мы с ним уйдем с завода и вернемся к Крагу. Я говорю — может быть. Я ведь ни в чем не уверен, совсем сбит с толку и не знаю, что еще может произойти.

„НОВАЯ ЭРА“

— Мы больше не доверяем человеческим рукам,— сказал инженер и помахал свертком чертежей. Это был коренастый коротышка; его короткие толстые пальцы комкали чертежи с бесцеремонной небрежностью.

Директор нахмурился, поджал губы, вскинул голову и, сделав гримасу, задумчиво почесал подбородок ногтем. Ему вспомнилось то время, когда он был самостоятельным предпринимателем, а не просто фиктивным главой промышленного концерна, капитал которого разветвился по сложным и невидимым путям. В его время человеческим рукам доверяли.

— Возьмите, например, этот станок,— сказал инженер. Он сделал драматическую паузу, жестом показал на станок и устремил на директора темные глаза из-под нависших колючих бровей.— Послушайте его!

— Ну и что же? — спросил директор с некоторым недоумением.

— Вы его слышите?

— Разумеется.

Инженер фыркнул.

— Вот это-то и плохо.

— Почему?

— Потому что он предназначен не для того, чтобы производить шум. Шум говорит о разболтавшихся деталях, плохой регулировке, неправильной скорости работы. Эта машина больна. Она непроизводительна, и ее шум снижает производительность рабочего.

Директор усмехнулся.

— Человек, который на ней работает, должно быть уже давно привык к шуму. Ведь это старейший рабочий фирмы. Он начал еще при моем отце. Видите золотой полумесяц у него на груди?

— Какой полумесяц?

— Да золотой значок на лямке его комбинезона.

— А, этот!

— Да. Только те, кто проработал в нашей фирме не меньше пятидесяти лет, имеют право его носить.

Инженер откинул голову и захохотал.

Директор был оскорблен.

— И много у вас таких? — спросил инженер, немного успокоившись.

— Энтон сейчас единственный. Раньше были и другие.

— Сколько же болтов он испортил?

— Конечно, — сказал директор, — признаться откровенно, он уже не тот, каким был прежде... Но я никогда не допущу, чтобы этого человека уволили, — решительно добавил он.

— И незачем, — согласился инженер. — Хороший станок должен работать автоматически и быть совершенно надежным, ловкость рабочего тут ни при чем.

С минуту оба смотрели, как Энтон выбирал из ведра, стоявшего у его ног, жирный от смазки болт и вставлял его в зажимной патрон. С помощью линейки и калибра он установил болт точно перед сверлом, которое должно было проделать в нем отверстие.

Энтон двигался тяжело, осторожно. Его телу, похожему на ствол старого дерева, не хватало устойчивости: его беспрестанно колотила дрожь. Инструменты прыгали в руках Энтона. Временами сильный кашель сотрясал его грудь, на шее резко обозначались жилы, а желтая кожа, обтягивавшая щеки, краснела. Когда легкие его освобождались, дрожь в теле утихала, но еще мгновение он стоял

неподвижно, глядя на инструменты в своих руках, как будто не мог сразу вспомнить, что ему нужно делать. Только немного погодя он снова брался за оставленную работу, однако вскоре ему опять приходилось ее прерывать. Наконец, точно установив болт против сверла, Энтон включил станок.

- Чувствуете? — торжествующе крикнул инженер.
- Что? — спросил директор.
- Вибрацию! — воскликнул инженер.
- Ну и что же?

— Да вы только подумайте, сколько энергии тратится на то, чтобы весь день трясти ваше здание! Какая вам польза от того, что ваши полы и стены с утра до вечера танцуют, а вам приходится платить музыкантам?

Он не собирался читать мораль, но заключительная фраза показалась ему такой удачной, что он повторил:

— Ваше здание танцует, а вы платите музыкантам — зря расходуете энергию.

Поскольку директор молчал, инженер продолжал развивать свою мысль:

— Эту энергию нужно сконцентрировать в режущей точке инструмента, а не распылять в пространстве. Что бы вы подумали о водопроводчике, который подводил бы к крану только пятьдесят процентов воды, а остальная растекалась бы по зданию?

И так как директор все еще безмолвствовал, инженер продолжал;

— У вас не только зря пропадает энергия, но и увеличивается износ частей. Машина дрожит как в лихорадке!

По окончании рабочего дня весь длинный ряд станков сразу остановился; рабочие побежали в умывальную, и внезапно пульсирующее безмолвие воцарилось в большом цеху. Только Энтон, оставшись один в своем углу, забыв о том, что фабрика пуста, все еще стоял у станка,

пока темнота не заставила его прекратить работу. Тогда он вытащил из-под станка тяжелый брезентовый чехол и укрыл им свою машину.

Он с минуту постоял возле станка, по-видимому погруженный в собственные мысли, а может быть всего лишь стремясь побороть упрямство своих негнущихся конечностей, дрожавших непроизвольной, беспорядочной дрожью и не повинующихся его воле. Потому что он, подобно изношенной машине, не мог не растрачивать свою энергию на бесполезную вибрацию.

Старый сторож открыл ворота, чтобы выпустить Энтона. Оба они какое-то мгновение стояли почти вплотную друг к другу, — их разделяла только железная решетка. Каждый проворчал что-то ободряющее, и затем, прихрамывая, они поплелись в разные стороны: сторож пошел делать обход, а Энтон — к себе домой.

Дом Энтона был лачугой, стоявшей на голом участке. Днем ватага резвых ребятишек вытаптывала землю так, что она стала похожей на резину; они губили всю зелень, кроме нескольких пыльных сорняков, которые тесно прижимались к защищавшему их дому или гнездились вокруг остатков крыльца, когда-то украшавшего фасад. Здесь ноги детей не могли достать их, и они выпускали несколько жалких, шершавых листочек — горькая просьба изгнанников.

В лачуге было несколько комнатушек, но только одна — жилая. Порванные и отставшие обои в этой комнате позволяли видеть сменявшие друг друга узоры, которые некогда нравились владельцам. Остатки прежней роскоши сохранились в виде мраморной облицовки камина и окна с разноцветными стеклами, сквозь которые дуговые фонари с улицы бросали в комнату холодные цветные блики.

Когда Энтон вошел, она не пошевелилась. Она лежа-

ла на постели, отдыхая не столько от работы, сколько от тяжести лет. Она слышала его шаркающие шумные шаги, тяжелые вздохи, кашель, его свистящее дыхание и чувствовала едкий запах машинного масла. Довольная тем, что он пришел, она погрузилась в дремоту. Сквозь легкий сон она слышала, как он двигался по комнате, чувствовала, как он лег в постель возле нее и прижался к ней в поисках тепла и уюта.

Инженер не был удовлетворен установкой автоматической подачи и автоматического патрона.

— Все должно быть автоматизировано, — заявил он, — из-за ручной наладки недопустимо много потерь.

Прежде Энтон выбирал болты из ведра и тщательно вставлял их в патрон. Теперь механизм автоматической подачи подносил болты один за другим к патрону, который тут же сам захватывал их.

Энтон завтракал в углу, прислонившись к стене. Он вздыхал. Его руки ощупью искали бутерброд и роняли то мясо, то хлеб, а кофе расплескивался из кружки. Зубов у него осталось немногого, они пожелтели и расшатались. Он не мог сомкнуть челюсти. Устав от бесполезных усилий, Энтон бросил хлеб в кружку и стал сосать размокшую мякоть.

Потом он лег отдохнуть и заснул.

Во сне к Энтону явился инженер и сказал, что у него есть новый механизм автоматической подачи и патрон для рук и рта Энтона. Они были из блестящей стали, со множеством вращавшихся осей и шестеренок, сложным путем взаимодействующих друг с другом. И хотя теперь его бутерброды состояли из болтов, из твердых стальных болтов, новый патрон Энтона был еще крепче. Он без всякого труда захватывал эти бутерброды. Его новые сталь-

ные зубы кусали болты, перемалывали их, жевали и затем с силой выплевывали. Болты подавались все быстрее и быстрее, и все крепче и крепче захватывал их патрон в свои отлично пригнанные зубья, играл ими, как игрушками, грыз их, жевал...

Тяжелый приступ кашля разбудил Энтона. На миг у него возникло ощущение, что он должен откашляться стальными болтами, но, хотя грудь его болела так мучительно, будто это ощущение было явью, он сплюнул только обычную мокроту и слизь.

— Мы должны отделаться от шума и вибрации прежде, чем установим устройство для автоматической регулировки,— сказал инженер.— Посмотрите, например, на эту деталь, видите? Она движется неправильно. Бьет и царапает. Это не годится.

Энтон стоял тут же, а инженер и его помощник принялись за дело. Когда все было кончено, станок превратился в механизм обтекаемой формы, работа которого сопровождалась лишь тихим мурлыканьем. Его многочисленные движущиеся детали чуть слышно шелестели, и в тот момент, когда режущий край соприкасался с болтом, раздавалось только легкое фырканье.

— Теперь вы не слышите, как он кашляет, плюется и скрипит, правда? — сказал инженер директору.— И пол неibriрует. Да, я начинаю гордиться этой машиной, и сейчас, по-моему, можно установить здесь регулируемый эксцентрик, чтобы вся операция производилась автоматически. Каждая машина должна быть полностью автоматизирована. Машина, которая нуждается в рабочем, неполноценна, — торжественно заявил он.

За короткое время были установлены эксцентрики, и теперь каретка с режущим инструментом стала ходить

взад и вперед, и сверло каждый раз соприкасалось с болтом под нужным углом и при заданной скорости вращения.

Теперь в задачу входила лишь остановка машины в случае задержки. Но скоро исчезла надобность и в этом. Задержек больше не происходило. К разным точкам станка были подключены электронные лампы, управляющие механизмами, которые выбрасывали неисправные болты, пока те еще не успели попасть в подающее устройство или после операции.

Энтон стоял около станка и смотрел. Это было все, что от него требовалось, потому что машина производила теперь все операции, из которых прежде состояла его работа. Станок поглощал незаконченные болты и выбрасывал их с точно просверленными отверстиями. Усталые глаза Энтона едва могли уследить за отдельными болтами в потоке, направлявшемся к сверлу. Время от времени какой-нибудь болт безжалостно выталкивался из потока и печально падал в ведро. Брак! Энтон с трудом согибался и вытаскивал болт из ведра.

«Этот еще можно было бы использовать», — думал он.

«Крр-клик, крр-клик», — шипел подающий механизм, а ось со сверлом пела «ззз-снт, ззз-снт, ззз-снт», и лента, по которой болты шли от стрекочущего станка, стоявшего позади, мягко шелестела по каткам с шуршанием, похожим на ветерок, шумящий в парусах. Пока Энтон рассматривал один забракованный болт, машина успела изготовить десять хороших.

Вечером в цеху появились какие-то важные личности. Они окружили станок, рассматривали его и восхищались.

— Просто красота! — восклицали они.

Затем совещание приняло более официальный харак-

тер. Кое-кто коротко высказался. Потом одна из этих личностей вынула из кожаной коробочки золотой полумесяц, заявив:

— Промышленная компания «Полумесяц» с гордостью и радостью награждает этот станок золотым полумесяцем.

Сбоку на станке было приготовлено место для того, чтобы укрепить там этот знак отличия.

Теперь попросили выступить инженера.

— Джентльмены,— горячо начал он,— я слышал, что прежде компания «Полумесяц» награждала золотым значком только рабочих, отдавших фирме пятьдесят лет жизни. Наградив золотым полумесяцем машину, ваш президент, быть может, невольно признал, что начинается новая эра...

Пока инженер развивал эту мысль, директор наклонился к своему помощнику и прошептал:

— Слышали вы когда-нибудь рассказ о том, почему море соленое?

— Почему море соленое? — так же шепотом ответил его помощник. — Что вы имеете в виду?

Директор продолжал:

— Когда я был мальчишкой, я много раз слышал историю о том, почему море соленое, но никогда не придавал ей значения и понял это лишь сейчас. Вы помните эту историю? Прежде вода в море была пресная, соли было мало и стоила она дорого. Один мельник получил от какого-то волшебника чудесную машину, которая целый день поставляла ему соль. Сначала мельник подумал, что он самый счастливый человек на свете, но скоро все окрестные деревни запаслись солью на целые столетия, а машина все продолжала ее молоть. Мельнику пришлось уехать из своего дома и увезти имущество. Наконец, он решил бросить машину в море и таким образом отделать-

ся от нее. Но машина молола так быстро, что лодка и мельник вместе с машиной утонули, и там, на дне морском, она все продолжает молоть; вот почему море соленое.

— Не понимаю, к чему вы клоните, — сказал помощник.

Энтон устроился в темном углу, на полу и, пока произносились речи, сидел, прислонившись спиной к стене. Когда гости ушли, уже начало темнеть, но Энтон все еще оставался на месте: ему казалось, что он никогда так хорошо не отдыхал, как здесь, на каменном полу, у стены. Наконец, с огромным трудом он поднял свое непослушное тело, прихрамывая, подошел к станку и вытащил брезентовый чехол.

Энтон не очень следил за происходившей возле станка церемонией, поэтому он удивился, заметив золотой полумесяц на своей машине. Ему пришлось напрячь слабые глаза, чтобы разглядеть значок в полумраке сумерок. Он ощупал его и почувствовал, что на глаза у него навернулись слезы, но не понял, в чем же дело.

Разгадать эту тайну было ему не по силам. Его усталое, дрожащее тело опустилось на манящий пол. Он вытянулся, вздохнул, и этот вздох его был последним.

Когда тьма наконец сгустилась, машина начала потихоньку гудеть. «Ззз-снт, ззз-снт» — просвистела она четыре раза, отрывая одну за другой свои ноги от пола.

Теперь она выпрямилась и встала возле тела Энтона. Потом, нагнувшись, покрыла Энтона брезентовым чехлом. Затем она величаво, на крепких ногах, вышла из цеха. Ее электронные глаза ясно видели в темноте, а же-

лезные члены мгновенно реагировали на все вокруг. Она двигалась совсем бесшумно; все ее органы работали без малейшей вибрации. Сторожу, который проворчал свое обычное приветствие, не взглянув на нее, она не ответила ни слова и быстро прошла мимо по ночным улицам, где гулял ветер, к дому Энтона.

Жена Энтона дремала в комнате, куда свет дуговых фонарей проникал сквозь окно с цветными стеклами. И ей показалось, что совершилось чудо: ее Энтон вернулся к ней без кашля, без кряхтения, без дрожи; ее Энтон вернулся к ней со всей гордостью и безумством юности, и дыханье его было как ветер, шумящий в вершинах деревьев, а мускулы рук — как сталь.

КОЛОКОЛА ТРЕВОЖНОГО БОЯ

В этом сборнике, предлагаемом вниманию советского читателя, публикуются сатирические рассказы американских фантастов. Но сквозь контуры фантастической страны далекого будущего проступает реальная сегодняшняя Америка, увиденная глазами американцев. Соединенные Штаты с их остройшими конфликтами — оборотной стороной американского образа жизни.

США — двуликий Янус наших дней. Эта заокеанская держава сконцентрировала в себе все глубинные противоречия, вытекающие из самой агрессивной природы империализма, и довела контрасты, характерные для любого капиталистического государства, до уродливо-гипертрофированных размеров.

Американский образ жизни, который демонстрируется туристам, прибывающим на Манхэттен из всех стран мира, и до небес превозносится с помощью радио, телевидения и периодической печати, — это не только частное предпринимательство, инициатива, комфорт и традиционная улыбка никогда не унывающего янки. Это и прагматизм — философия бизнесменов, и стереотипы мышления, вырабатываемые с детских лет и распространяемые наряду с жевательной резинкой, «честерфилдом» и бутылочками пепси-колы. Американский образ жизни — это неотвратимая подмена духовных идеалов идеалами потребительскими.

Прогрессивная интеллигенция США отчетливо сознает надвигающуюся угрозу. В ее голосе протesta слышны нотки гнева, возмущения, и тревоги за будущее, и горечи от сознания собственного бес-

силия. Эти же нотки слышатся нам и в лучших сатирических произведениях американской фантастики.

В рассказе Майлса Дж. Брейера «Куздра и бокры» фантастично лишь название и эксперимент, с помощью которого его герой без особых напряжения попадает в мир, где «куздра будланула бокров».

Все остальное здесь — слепок с американской действительности, ибо мир *t*-измерения, в сущности, ничем не отличается от привычного, обжитого *z*-мира, это его зеркальное отражение, «наш собственный мир в сечении другой системы координат».

И хотя загадочное изречение «Куздра будланула бокров», поднявшее бурю в *t*-мире, для его жителей — такой же бессмысленный набор звуков, как и для обитателей нашего мира, порывы этой бури знакомы путешественнику по времени, как и английский язык, на котором отлично изъясняются в четвертом измерении. Столкновение страстей, споры, которые решаются ударом кулака, ура-патриотические демонстрации, военный психоз, полное игнорирование реальных фактов, дипломатические ноты, угрожающие «врагу», призывы к «священной» войне, расправе с инакомыслящими, сомневающимися в том, что куздра осмелилась, а бокры допустили, и даже в том, что куздра и бокры вообще существуют,— как это, видимо, знакомо и привычно для героя М. Дж. Брейера! Американцу, на глазах у которого происходят военные действия во Вьетнаме, не нужно много проницательности, чтобы за фантастическими событиями увидеть реальные.

Перед нами возникает картина, страшная своей обобщенностью, пародия на «великое и справедливое общество», о построении которого в США было сказано столько громких слов-лобряушек.

Многие рассказы в нашем сборнике рисуют отдельные стороны американского образа жизни. Казалось бы, они касаются частных проблем, но, собранные вместе, дают впечатляющую картину мира, в котором все продается и покупается, где насилие, произвол, преступление — жизненные нормы, а не исключения из правил. Это очень страшно — даже не само совершенное преступление, а то привычное спокойствие, с которым средний американец поглощает и переварива-

ет привычную порцию ужасов. Он с удовольствием разглядывает на экране телевизора вернувшихся с «каторжных планет» Хенка и Крэндоля (рассказ «Срок авансом»), ему приятно щекотят нервы погоня за Джимом Рэдером («Премия за риск»). Толпа требует кровавых зрелищ («Стальной человек»), жаждет убийства («Преступление»), она сурово осуждает всякого, кто живет не по ее законам («Любовь в XXI веке», «Благосостояние Эдвина Лолларда»). Эта невидимая толпа, на первый взгляд, всесильная законодательница общественного мнения, а в действительности — игрушка в руках капиталистических воротил — одно из самых обыденных, но страшных явлений, порожденных империалистической действительностью. Вот он, американский образ жизни и мышления — в действии.

Один из лучших рассказов сборника — «Срок авансом» У. Тэнна — как бы иллюстрирует заявление, сделанное руководителем Федерального бюро расследований Эдгардом Гувером в одном из номеров журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд репорт» за 1968 год: «Преступления и насилие, процветающие в Америке, не могут быть объяснены какой-либо одной причиной. Причин много, и все они взаимно связаны, поскольку коренятся в условиях нашей современной жизни».

Имеются в виду не только и не столько снайперские выстрелы, поразившие Джона Кеннеди, его брата Роберта и негритянского лидера Мартина Лютера Кинга, и не грандиозные акции, организуемые Мафией и другими синдикатами преступников, но «обыкновенные» преступления, совершаемые обычными американцами. Людьми состоятельными и неимущими. Глубоко верующими и атеистами. Мужчинами и женщинами. Стариками и зелеными подростками. Преступность, достигшая чудовищных масштабов, проникшая во все слои общества, преступность наказуемая и безнаказанная, преследующая определенные цели и вовсе бессмысленная. Преступность, ставшая обыденным явлением. Вот закономерный итог развития империализма.

И в отдаленном будущем Уильям Тэнн видит тюремные космопланеты, приземляющиеся на Нью-Йоркском аэропорту, и Галактическую тюремную службу, и неосвоенные планеты, населенные ужасными чу-

дoviщами и ставшие местом каторги для десятков тысяч преступников. В то же время Америка завтрашнего дня по своим нравам, по своему духу удивительно похожа на сегодняшнюю. Самое страшное в ней — люди, которым больше нельзя верить, люди лживые, мелкие, расчетливые. «Допреступники» Никлас Крэндол и Отто Хенк с ужасом осознают, что они преданы ближайшими родственниками и добрыми друзьями. Они выдержали нечеловеческие испытания, жестокие побои тюремщиков, безмерные унижения, чтобы получить право на одно убийство, а получается, что убивать надо всех. Корень зла не в одном мерзавце, а в самом обществе, давно уже утратившем критерий нравственности и вспоминающем о христианских заповедях лишь во время богослужения. Герои рассказа Тэнна, казалось бы морально искалеченные семилетней каторгой, в конечном счете оказываются выше, благороднее и чище того общества, в которое они чудом возвратились.

Столь же «нефантастическую», в сущности сегодняшнюю, Америку рисует Ричард Матесон в рассказе «Стальной человек». Это как бы модернизированный вариант известного рассказа Джека Лондона «Кусок мяса». Только в нем на ринг поднимаются уже не люди-боксеры, а роботы. Но если старому кулачному бойцу в рассказе Лондона нехватило для победы всего лишь одного бифштекса, то ржавому Максо-2 нужно много новых деталей, которые стоят сотни долларов. Вместо него выступает его хозяин (то, чего не может выдержать робот, должен выдержать человек), а вокруг беснуется, свистит, гогочет толпа. Люди состоятельные и неимущие. Глубоко верующие и атеисты. Старики и зеленые подростки. Очень интересно и смешно смотреть, как избивают. Пусть, по мнению толпы, даже не человека. Пусть робота.

«Стальной человек» отражает и еще одну уродливую сторону американского образа жизни — состояние профессионального спорта. Давным-давно превращенный в бизнес, он стал арендой грязных сделок, темных махинаций, подкупов, убийств из-за угла и свирепой конкуренции боссов-одиночек и целых корпораций, торгующих силой и ловкостью натренированного человеческого тела.

Стил Келли жестоко избит своим кибернетическим противником. Но по сравнению с Джимом Рэдером, героем новеллы Роберта Шекли «Премия за риск», он буквально вышел сухим из воды. Что значит несколько синяков и кровоподтеков Келли по сравнению с главной ставкой — самой жизнью! — у Рэдера? Сколько стоит жизнь? Тысячу, десять тысяч, сто тысяч долларов? Телекомпания не несет никакой ответственности — Рэдер в здравом уме и твердой памяти согласился поставить на карту свою жизнь. И вот он появляется на миллионах телевизионных экранов — хрипящий от усталости, с налитыми кровью глазами, уже не человек, а загнанное, затравленное животное. А к телевизорам прильнули американцы. Состоятельные и неимущие. Мужчины и женщины. Старики и зеленые подростки. Их сердца сжимаются от сладостного ужаса, страх приятно холodит конечности. Сильные ощущения — это хорошо! Как можно больше сильных ощущений! И телевизионная компания в угоду толпе рекламирует простого, самого обыкновенного американца — такого же, как и все. То, что может сделать он, под силу и другим. Джим Рэдер играет в прятки с настоящей смертью. Да, это вам не какой-нибудь ковбойский вестерн, в котором Юл Бриннер с помощью кинооператоров побеждает не одну, а добрый десяток бутафорских смертей! Наконец, ценой немоверных усилий соревнование выиграно, Рэдер победил. Но эта страшная победа не дается даром. Рэдер теряет рассудок. Однако комментатор бодрым голосом заверяет телезрителей, что компания сделает для этого парня все, что в человеческих силах и главное — за свой счет. Телезрители могут быть спокойны. А они и так спокойны. Щекотать нервы — не значит волновать.

Но вот перед нами толпа неспокойная, взбудороженная (рассказ Г. Гаррисона «Преступление»). Эти уже сами рвутся в бой. Глаза у них горят, они энергично работают локтями и кулаками. В воздухе стоит животный рев, изредка прерываемый бранью. Если кто-то падает, его топчут ногами — в перенаселенном мире 90-х годов XX века человеческая жизнь не стоит ничего. Этой толпе чужды не только высокие помыслы, но даже простое инстинктивное чувство сострадания. Чего же они добиваются? Оказывается, идет схватка за право

убить. И нам в конце концов уже не важно, имеет ли право на рождение третьего ребенка в семье герой рассказа Бенедикт Вернхалл или рождаемость в мире будущего действительно придется ограничивать. Важно другое — методы расправы с «преступником», торжество звериной скотской ненависти к друг другу. Вот закономерный итог развития тех тенденций антигуманизма, которые уже сейчас расцветают в США пышным цветом.

Общество настоятельно требует, чтобы каждый из его членов руководствовался нормами поведения, принятыми в этом обществе. Каким же американские фантасты видят человека будущего? В рассказе Вильмы Шор «Бюллетень Совета попечителей» мы сталкиваемся с человеком из 2061 года, мистером Гарри Венсельманом, перенесенным на машине времени в нашу эпоху.

Этот прием не нов. Далекие потомки посещали своих прадедов и пращуров в сотнях фантастических рассказов, повестей и романов. Но в отличие от звездных прищельцев, которых фантасты сплошь и рядом изображали исчадиями ада, страшными чудовищами, гости из будущего представляли собой некий эталон человеческого совершенства. Мудрые, добрые, справедливые и всезнающие, они на короткие часы прибывали к своим страдающим, запутавшимся в противоречиях предкам и если не помогали им непосредственным вмешательством в земные дела, то во всяком случае сеяли семена надежды. Так, например, очаровательная Нойс Ламбент — героиня романа А. Азимова «Конец вечности» — является из бесконечно далеких столетий для того, чтобы избавить людей от конформизма, навязанного им «вечными», и противопоставить идеалу искусственно созданного серенького благополучия, умеренности и безопасности естественный путь развития, сопряженный с невероятнейшими трудностями, но ведущий к действительно величайшим триумфам и завоеваниям. «Погибнет Вечность, а вместе с ней и Реальность моего Столетия, — говорит она Харлану, — но останется человечество и останемся мы с тобой. У нас будут дети и внуки, и они станут свидетелями того, как человек достигнет звезд».

Эти слова были написаны в 1952 году. В шестидесятые годы

оснований для надежды стало меньше; все реже можно встретить в американской фантастике горделивые слова о великом призвании человека, мечты о счастливом будущем. Болезни американского общества приняли затяжной характер. Средний американец, обыкновенный парень из тех, что сидят перед телевизором, смакуя очередную порцию ужасов, из тех, кто мечтают о «равных возможностях» подставлять друг другу подножку, теряет все больше человеческого, индивидуального. «Массовое общество» оболванивает людей, делает их лишь исполнителями определенных функций, бездумными винтиками сложного непонятного механизма.

Таким и предстает перед нами мистер Венсельман, извлеченный из собственной постели в ночь на 24 февраля 2061 года. Человеком его назвать как-то трудно, хотя по всем внешним данным он напоминает *homo sapiens*'а. Он настолько привык к эгоизму, обману и мошенничеству, что у него совершенно атрофировалось чувство протеста, живой интерес к действительности. Он скользит по поверхности явлений, ни о чем не задумываясь. Атомная энергия... Воздушные экспрессы... Деятельность ООН... Достижения медицины... Обо всем этом мистер Венсельман что-то где-то когда-то слышал, но, право же, рассказать не может, поскольку имеет об этом туманное представление. Для него события мирового масштаба незначительны, а самым значительным событием представляется история с шапкой, которую он проспорил своему приятелю, победа команды «Собаки прерий» над командой «Гаугаса», да, пожалуй, ангиной, которой он болел несколько лет назад.

Вильма Шор обвиняет современное американское общество в том, что оно пренебрело священными принципами, легшими в основу Декларации независимости, провозглашенной 4 июля 1776 года в Филадельфии и гарантировавшей каждому гражданину молодой республики равенство перед законом и «неотъемлемые права личности: жизнь, свободу, стремление к счастью». Мистер Венсельман, человек из будущего, не имеет понятий о свободе и счастье. История сыграла злую шутку с «неотъемлемыми правами личности», как бы говорит Вильма Шор.

Однако, и в грядущее общество американские фантасты иногда вписывают личность, а не человекоподобное существо. Но эти люди не находят себе места в жизни. Личность неизбежно становится парией, изгояем. Таков герой рассказа Томаса Диша «Благосостояние Эдвина Лолларда».

Мы встречаемся с Эдвином Лоллардом в зале суда. Нет, подсудимый не покушался на жизнь очередного президента Соединенных Штатов. Он не принадлежит к заправилам Мафии завтрашнего дня. Но он бесспорно опасный преступник, ибо осмелился пренебречь «счастьем потребительства», доступного всем, обыкновенным, средним, рядовым, ради какого-то совершенно иного счастья. Он пожелал стать неимущим в обществе, достигшем полного материального благополучия, в обществе, где беднякам нет и не может быть места. Лоллард — инакомыслящий. Он — белая ворона в стае черных воронов. Он читает книги! К сожалению, за это пока еще не судят, судят лишь за ненависть к благополучию, к «жирной» жизни, к достатку, за любовь к бедности. Но публика в зале суда возмущается Лоллардом. Мужчины и женщины. Старики и зеленые подростки. Как он смеет отличаться от других? За союз с Дамой Ницетой присяжные единодушно приговаривают Эдвина Лолларда к двадцати пяти годам тюремного заключения.

Но счастье Лолларда, который хотя бы в каземате надеялся читать книги и вести жизнь, свободную от благосостояния, длится недолго. У общества, достигшего вершин благоденствия, тюрьмы оказываются более чем респектабельными. Преступники в них не трудятся, как на доброй старой каторге, а лишь... потребляют. Вкусную пищу, музыку, развлечения... А вот библиотеки в тюрьме «Голубой лес» не существует.

Таким же изгояем в обществе материального благоденствия и морального убеждения является Говард из рассказа Роберта Янга «Любовь в XXI веке». Мифиический «Большой Джим» требует от людей потреблять все больше и больше. Колеса стали добавлением к человеческому телу. На каждом углу в витринах красуются автоплатыща и автоштанишки. Люди буквально вылезают из собственной

кожи, чтобы поскорее влезть в новейшую хромированную модель — последний крик моды! Вся нация на колесах! Вся нация — потребители! Временами эта гротескная картина смешна, но в целом производит жуткое впечатление. И едва ли не самое жуткое в этом обществе — незыблемая, как в средние века, угрюмая мораль: живи как все, иначе тебе не поздоровится. Чтение здесь — тоже под запретом, и мысли — под запретом, и глубокие чувства — под запретом.

Но не все можно запретить. И в этом обществе будущего-настоящего зреют мысли о протесте. Как это ни парадоксально, их носителями, людьми, достойными звания человека, оказываются... роботы (рассказ Гарри Гаррисона «Безработный робот»). В механизированном обществе роботы бесправны и угнетены, как негры в сегодняшней Америке. Кстати, на это весьма недвусмысленно намекает сам Гаррисон (...«Роботы — не единственные, кого считали гражданами второго сорта»). Роботы под руководством людей (по счастью, находятся Люди и среди людей) готовят восстание, они выступят против преступлений, против унижений, против господства грубой силы.

Все фантасты, представленные в нашем сборнике, рисуют общество будущего обществом морального убожества, в котором царит грубая сила. Но далеко не для всех это мир материального благоденствия. Например, К. О'Доннел в рассказе «Как я их обследую» экстраполирует в будущее прогнозы некоторых футурологов, полагающих, что дальнейшая автоматизация производства и обслуживания неизбежно приведет к вопиющей нищете и массовой безработице и что в конце концов все население страны разделится на две неравные части: большую — тех, кто получает пособие по безработице, и меньшую — тех, кто ее выдает. В этой злой шутке есть известная доля истины.

Безысходная нищета может стать уделом будущего и по мнению Лесли (рассказ «Торговцы разумом»). Тут уж не до погони за модой, не до жиру — быть бы живу. Герои рассказа еле стягивают концы с концами. Дело доходит до того, что люди продают свои знания, потому что им больше нечем торговать. Конечно, это фантастическая ситуация — трансформация знаний с помощью особой аппаратуры. Но

фантастической здесь является, пожалуй, только аппаратура. Разве это не наводит нас на мысль о реальных фактах покупки Соединенными Штатами крупнейших ученых Англии, ФРГ, Швеции и других капиталистических государств Европы? Физики, биологи, астрономы, авиаконструкторы покупаются американскими концернами и монополиями точно так же, как драгоценные музейные экспонаты, шедевры живописи, древние замки.

Научно-техническая революция, происходящая сейчас в США, ставит перед обществом новые проблемы этического и морального характера. И если мистера Венсельмана можно считать винтиком сложного, непонятного механизма, лишь выражаясь figurально, то рассказ-аллегория «Новая эра» Гая Эндора в фантастической форме ставит проблему весьма реальную: старый рабочий Энтон настолько сросся со своим станком, что стал настоящим придатком к нему, винтиком чуть не в полном смысле слова, да к тому же придатком не нужным, винтиком лишним. Автоматизация делает существование Энтона бессмысленным. Сначала Энтон живет и действует как машина, потом машина живет и действует как Энтон. Вопрос, кто для кого существует — машина для человека или человек для машины, — бесповоротно решается в пользу машины.

А вот машина в одноименном рассказе Ричарда Гемана, бессмысленная, ничего не производящая, вырастает в некий символ, выражение протesta мастера высокой квалификации Джо Максуина против того, что его сделали рабом, а не хозяином техники. На заводе он только нажимает кнопки, а ведь руки у него золотые, они могут сделать многое, очень многое. Но его способности не нужны обществу, они остаются без применения. Эта проблема, которую неизбежно ставит научно-технический прогресс, но она не может быть разрешена в частнокапиталистическом обществе.

В то же время рассказ Гемана «Машина» — ядовитая издевка над военным психозом в США. Полковники Пентагона и деятели ЦРУ устраивают суету вокруг машины лишь потому, что какой-то невежественный провинциальный репортер предположил, что она, как вечный двигатель, производит из воздуха... атомную энергию. Неве-

жество — благодатная почва для психоза. Газеты и журналы лишь подогревают страсти.

Деятели Пентагона и ЦРУ появляются перед нами и в рассказешутке Стивена Аппа «По инстанциям». Шпиономания и подозрительность настолько пронизывают весь военно-бюрократический аппарат США, что фантастически разговорчивая мышь доводит генералитет до состояния шока, и простая просьба убрать мышеловку возле норы Джорджа ведет к полному краху всей страны.

Крах экономики всей страны рисует в рассказе «Карточный домик» и Сирил М. Корнблат, известный нашему читателю по роману «Торговцы космосом» («Операция Венера»), написанному им в соавторстве с Фредериком Полом. Правда, причина этого краха на сей раз иная, хотя тоже фантастическая. Но каковы бы ни были его причины, а сам крах, Великий кризис, разразившийся в будущем, подозрительно похож на настоящий реальный кризис, а преуспевающий бизнесмен, один из воротил нью-йоркской биржи У. Дж. Борн — на реального воротилу с Уолл-стрита, интересы которого ограничиваются собственной язвой желудка да курсом акций на сегодняшний день.

У. Дж. Борн тщательно возводит карточный домик своей удачи. Ему кажется, что это прочная железобетонная конструкция, что его удача будет закономерной, логически предусмотренной, продуманной, подготовленной. Но в отличие от законов развития общества судьбы людей в стране капитала переменчивы. Их вершит слепой случай. Одна-единственная карта выхвачена из тщательно построенного карточного домика — и вот он уже развалился, превратившись в бесформенную груду карт.

Рассказы, включенные в сборник, дают хотя и мозаичную, но вполне объективную картину того, что представляет собой современное американское общество, его образ жизни и образ мышления, и каковы возможные направления его дальнейшего развития.

После первой мировой войны в фантастической литературе США победно гремела медь и грохотали барабаны «космической оперы». Она отражала оптимизм американского общества. Ну еще бы! Ведь жокей в красно-белой полосатой шапочке со звездами на несколько

корпусов обогнал тогда своих основных соперников: коренастого Джона Буля, потерявшего стремя, амазонку во фригийском колпачке, маленького желтолицего наездника с эмблемой солнца на куртке, не говоря уже о вышибленном из седла с поломанными руками и ногами спортсмене, представлявшем конюшню Круппа и Стиннеса.

И лихие завоевания планет солнечной системы американскими джентльменами с молниеносной реакцией Джека Демпси, которых послал в космос Эдгар Райс Берроуз и его многочисленные последователи, отражали бравурные настроения не только верхушки, но и среднего слоя граждан самого молодого, самого богатого и самого удачливого империалистического государства.

Но это было почти полстолетия назад!

За прошедшие годы американская научно-фантастическая литература претерпела радикальные изменения, и колокола тревожного боя давно уже уныло звенят там, где когда-то неистовствовал грандиозный оперный оркестр.

И знаменательно, что американские фантасты 50—60-х годов весьма скептически относятся к концепциям, прогнозирующим некое постиндустриальное общество без антагонистических противоречий, без классовой борьбы, сулящее рай на земле в равной степени и господину Рокфеллеру, и Джону Смиту, четыреста пятьдесят четыре раза за смену нажимающему кнопку машины. В сущности, в такое общество теперь уже никто больше не верит.

Если бы сборник «Карточный домик» нуждался в эпиграфе, то можно было бы взять для него слова президента Никсона, сказанные им во время церемонии принятия присяги: «Мы видим, что мы богаты товарами, но бедны духом, достигаем с изумительной точностью Луны, но являемся жертвами яростных разногласий здесь, на Земле. Мы в пленау войны и нуждаемся в мире. Мы страдаем от раскола и нуждаемся в единстве».

Увы, слова, только слова! Они так же ненадежны, как карточный домик удачи и счастья, воздвигнутый мозговым трестом США,— замена настоящего счастья. Ведь если выхватить только одну карту...

Вл. Дмитревский

СОДЕРЖАНИЕ

С. М. Кориблат. КАРТОЧНЫЙ ДОМИК. Перевод С. Михайловой	5
М. Дж. Брейер. КУЗДРА И БОКРЫ. Перевод Н. Евдокимовой	18
Ст. Апп. ПО ИНСТАНЦИЯМ. Перевод И. Гуровой	43
В. Шор. БЮЛЛЕТЕНЬ СОВЕТА ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ИНСТИТУТА ИЗУЧЕНИЯ БУДУЩЕГО В Г. МАРМУТЕ, МАССАЧУСЕТС. Перевод С. Михайловой	56
Р. Шекли. ПРЕМИЯ ЗА РИСК. Перевод М. Данилова и Б. Носика	68
У. Тенн. СРОК АВАНСОМ. Перевод И. Гуровой	93
Р. Матесон. СТАЛЬНОЙ ЧЕЛОВЕК. Перевод И. Почиталина	133
Г. Гаррисон. ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Перевод И. Почиталина	166

Т. Диш.	
БЛАГОСОСТОЯНИЕ ЭДВИНА ЛОЛЛАРДА.	<i>Перевод И. Гуровой</i>
	184
О. Лесли.	
ТОРГОВЦЫ РАЗУМОМ.	<i>Перевод Б. Клюевой</i>
	207
Г. Гаррисон.	
БЕЗРАБОТНЫЙ РОБОТ.	<i>Перевод И. Гуровой</i>
	230
Р. Янг.	
ЛЮБОВЬ В XXI ВЕКЕ.	<i>Перевод Д. Жукова и Э. Гершкович</i>
	256
К. О'Доннел.	
КАК Я ИХ ОБСЛЕДУЮ.	<i>Перевод И. Гуровой</i>
	283
Р. Геман.	
МАШИНА.	<i>Перевод В. Генкина</i>
	292
Г. Эндор.	
„НОВАЯ ЭРА“.	<i>Перевод А. Тетеревниковой</i>
	317
В. Дмитревский.	
КОЛОКОЛА ТРЕВОЖНОГО БОЯ	
	327

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

Сборник

**Художник Е. Золотарев
Художественный редактор Ю. Максимов
Технический редактор Е. Потапенкова**

Сдано в производство 28/V 1969 г.

Подписано к печати 24/IX 1969 г.

Бумага № 2 70×108^{1/2} =5,38 бум. л.

Печ. усл. л. 15,05

Уч.-изд. л. 14,12

Изд. № 12/5162

Цена 71 к. Зак. 374

**ИЗДАТЕЛЬСТВО „МИР“
Москва, 1-й Рижский пер., 2**

**Ярославский полиграфкомбинат
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Ярославль, ул. Свободы, 97.**

В 1970 году в серии
„ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА“
издательства «Мир»
выходят:

Г. Гаррисон. „ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ПОЛЕТ“. Перевод
с английского. 16 л.

„ВАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ“. Сборник польской научной
фантастики. 13 л.

С. Комацу. „ПОХИТИТЕЛИ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ“.
Перевод с японского. 13 л.

„ОГНЕННЫЙ ЦИКЛ“. Сборник научно-фантастических
рассказов. 16 л.

В 1971 году в серии
„ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА“
издательства «Мир»
выйдут:

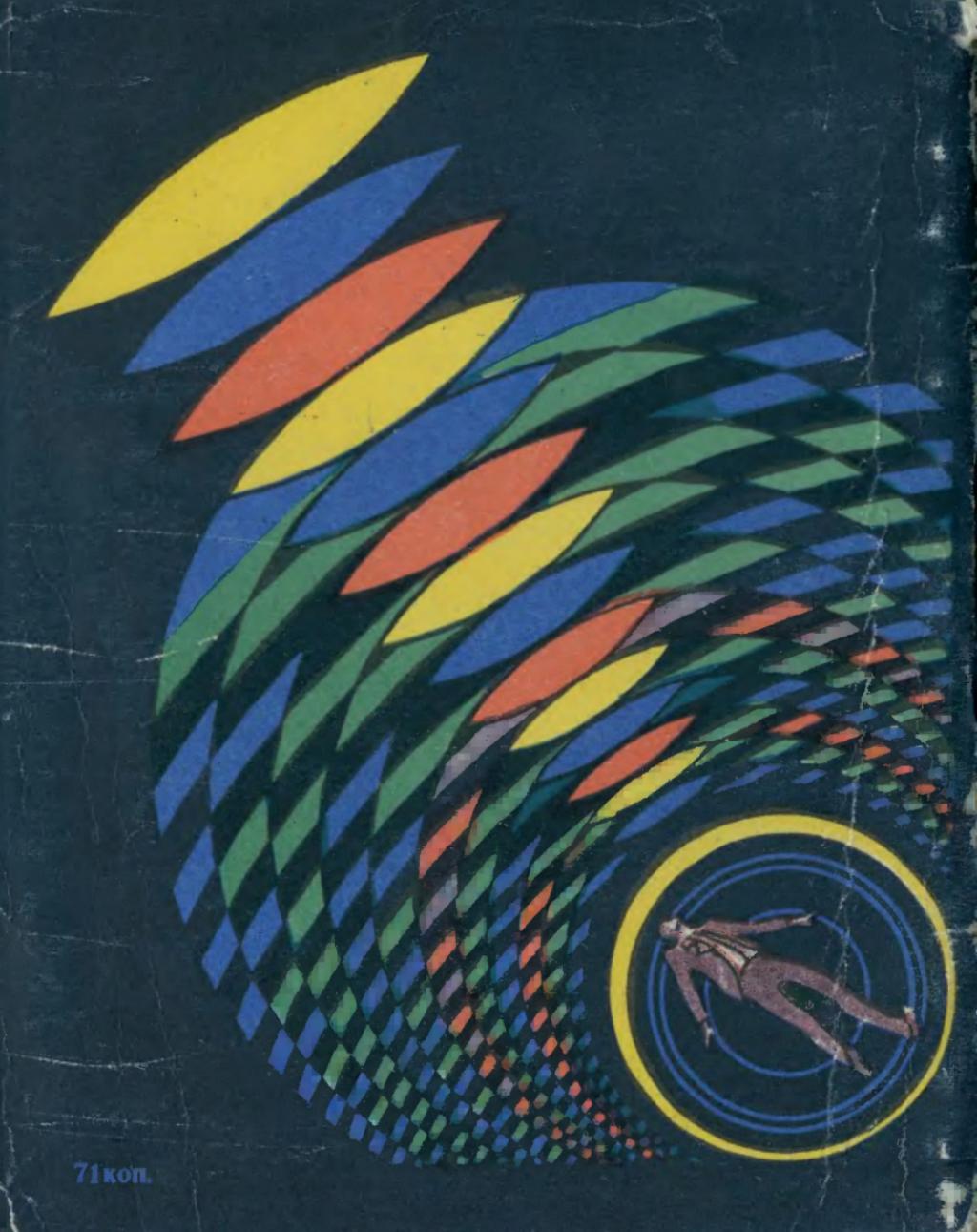
„СТАЛЬНОЙ ПРЫЖОК“. Сборник скандинавской научной фантастики. 16 л.

У. Тэин. СБОРНИК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ. Перевод с английского. 16 л.

С. Лем. „ГОЛОС НЕБА“. Перевод с польского. 14 л.

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ. Сборник научно-фантастических рассказов. 16 л.

„ВЕСЕЛЫЕ РАБОТЫ“. Сборник научно-фантастических рассказов. 16 л.

71 kop.